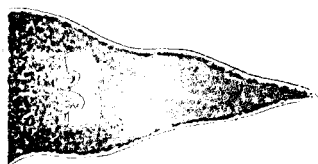

לחברתנו אפרילנו

W

1937

МАРТ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Советская Арктика

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
СЕВЕРНОГО МОРСКОГО ПУТИ
ПРИ СНК СССР
И ПОЛИТУПРАВЛЕНИЯ
ГУСМП

3 М А Р Т
1 9 3 7

И з д а т е л ь с т в о   Г л а в с е в м о р п у т и

СОДЕРЖАНИЕ

Л. М. Хинчук. Внедрить на Крайнем Севере советскую культурную торговлю	3
А. С. Лизарев. О финансовой работе Главсевморпути	6
В. П. Остроумова. Задачи массовой политической работы среди национального населения	9
Р. Л. Самойлович. С сессии Ученого совета Арктического института	19
Н. А. Белоусов. Быть готовыми к навигации 1937 года	24
Н. Н. Урванцев. Бездорожный механический транспорт в освоении Советской Арктики	28
 <i>ЛЮДИ СЕВЕРА</i>	
А. Л. Вольский. На берегу Боганиды-реки	36
Викторин Попов. Оленьи просторы	41
И. Е. Гехтман. Огни над Ланковой	55
Б. П. Вронский. Закон грамоты	63
Руд. Бершадский. Дудинка — Норильск	65
 <i>ПОЛЯРНАЯ АВИАЦИЯ</i>	
М. В. Водопьянов. На Землю Франца-Иосифа. (Продолжение.)	71
 <i>НА ПОЛЯРНЫХ СТАНЦИЯХ</i>	
А. А. Савельев. Опыт лучших полярных станций передать всем зимовкам	87
Первые шаги новой смены. (Радиограмма.)	99
Зимовка на острове Белом. (Радиограмма.)	101
На острове Врангеля. (Радиограмма.)	103
В. С. Назаров. Остров Уединения	104
Как готовились к зиме на Уэлене. (Радиограмма.)	105
М. А. Кузнецов. Краеведческое движение на полярных станциях	106
 <i>НАМ ПИШУТ</i>	
Е. С. Выгодский. Музей Арктики в Ленинграде	108
В. К. Жаров. Пасть и капкан	109
 <i>АРКТИЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ</i>	
Март	111

ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (большевиков)

Центральный Комитет ВКП (большевиков) с глубоким прискорбием извещает партию, рабочий класс и всех трудящихся Союза ССР и трудящихся всего мира, что 18 февраля в 5 часов 30 минут вечера в Москве скоропостижно скончался крупнейший деятель нашей партии, пламенный бесстрашный большевик-ленинец, выдающийся руководитель хозяйственного строительства нашей страны — член Политбюро ЦК ВКП(б), Народный Комиссар тяжелой промышленности СССР товарищ ГРИГОРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ОРДЖОНИКИДЗЕ.

Смерть товарища Орджоникидзе, дорогого для всей партии, рабочего класса СССР, трудящихся всего мира, безупречно чистого и стойкого партийца, большевика, отдавшего свою славную, героическую жизнь делу рабочего класса, делу коммунизма, является тягчайшей потерей для всей партии и Советского Союза.

Образ товарища Орджоникидзе, его беззаветная борьба за пролетарскую революцию, за строительство социализма в нашей стране вдохновит всех трудящихся, всех партийцев, всех работников хозяйственного фронта на дальнейшую борьбу за победу социализма, за новые завоевания советской промышленности, за новый подъем всего нашего социалистического народного хозяйства.

*Центральный Комитет Всесоюзной
Коммунистической партии (большевиков)*

Г. К. Орджоникидзе
(1886 — 1937)

Л. М. ХИНЧУК
Народный комиссар
внутренней торговли РСФСР

ВНЕДРИТЬ НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ СОВЕТСКУЮ КУЛЬТУРНУЮ ТОРГОВЛЮ ¹

Ликвидация Интегралцентра проведена именно потому, что партия и правительство признали необходимым радикально изменить работу советской торговли на Крайнем Севере и считают, что, отдавая эту торговлю в руки Главсевморпути, это дело передают в весьма хорошие руки. Именно на Совете Главсевморпути важно, чтобы мы всесторонне могли осветить все те вопросы, которые предстоит в 1937 году разрешить.

Нет ни одного вопроса о советской торговле, которого бы не коснулся в своем докладе т. Бергавинов. Все вопросы разрешались, с моей точки зрения, правильно и исключительно в интересах того, чтобы мы имели в дальнейшем настоящую развернутую советскую торговлю.

Товарищ Сталин говорил, что товаров у нас достаточно, а вот эти товары застревают где-то в так называемой товаропроводящей сети. Выделяемые товарные фонды не полностью завозятся по назначению, а часто застревают на базах, складах, перевалочных пунктах и т. д. В то время как в 1935 году на территорию районов Главсевморпути отпускалось товаров на 106 млн. руб., в 1936 году отпущено на 204 млн. руб., а в 1937 году уже на 298 млн. руб.

Если же мы возьмем цифру в общем масштабе Крайнего Севера, то увидим, что в 1936 году отправили товаров на сумму около 1200 млн. руб., а в 1937 году отпускается фондовых товаров более чем на 1800 млн. руб., это дает 52% роста. По хлебофуражу рост на 69%: было на 357 млн. руб., — будет на 603 млн. руб.; по продтоварам рост на 54%: было 497 млн. руб., — будет 770 млн. руб.

Несколько ниже идет рост по промтоварам: по планируемым промтоварам было 205 млн. руб., теперь 263, т. е. рост на 28,5%. Несмотря на то, что промтоваров по фондам мы выделяем в процентах значительно ниже продтоваров, однако удельный вес промтоваров из года в год увеличивается. Проявлена большая забота о потребителе, о материально-культурной базе.

Я должен сказать, что Наркомвнуторгу РСФСР нужно было приложить исключительные усилия, чтобы получить отчетность. Мы получили

¹ Сокращенная стенограмма выступления т. Л. М. Хинчука на Совете при начальнике Главсевморпути в декабре 1936 г. по докладу т. С. А. Бергавинова о развертывании советской торговли на Крайнем Севере.

Л. М. ХИНЧУК

Народный комиссар
внутренней торговли РСФСР

ВНЕДРИТЬ НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ СОВЕТСКУЮ КУЛЬТУРНУЮ ТОРГОВЛЮ¹

Ликвидация Интегралцентра проведена именно потому, что партия и правительство признали необходимым радикально изменить работу советской торговли на Крайнем Севере и считают, что, отдавая эту торговлю в руки Главсевморпути, это дело передают в весьма хорошие руки. Именно на Совете Главсевморпути важно, чтобы мы всесторонне могли осветить все те вопросы, которые предстоит в 1937 году разрешить.

Нет ни одного вопроса о советской торговле, которого бы не коснулся в своем докладе т. Бергавинов. Все вопросы разрешались, с моей точки зрения, правильно и исключительно в интересах того, чтобы мы имели в дальнейшем настоящую развернутую советскую торговлю.

Товарищ Сталин говорил, что товаров у нас достаточно, а вот эти товары застревают где-то в так называемой товаропроводящей сети. Выделяемые товарные фонды не полностью завозятся по назначению, а часто застревают на базах, складах, перевалочных пунктах и т. д. В то время как в 1935 году на территорию районов Главсевморпути отпускалось товаров на 106 млн. руб., в 1936 году отпущено на 204 млн. руб., а в 1937 году уже на 298 млн. руб.

Если же мы возьмем цифру в общем масштабе Крайнего Севера, то увидим, что в 1936 году отправили товаров на сумму около 1200 млн. руб., а в 1937 году отпускается фондовых товаров более чем на 1800 млн. руб., это дает 52% роста. По хлебофуражу рост на 69%: было на 357 млн. руб., — будет на 603 млн. руб.; по продтоварам рост на 54%: было 497 млн. руб., — будет 770 млн. руб.

Несколько ниже идет рост по промтоварам: по планируемым промтоварам было 205 млн. руб., теперь 263, т. е. рост на 28,5%. Несмотря на то, что промтоваров по фондам мы выделяем в процентах значительно ниже продтоваров, однако удельный вес промтоваров из года в год увеличивается. Проявлена большая забота о потребителе, о материально-культурной базе.

Я должен сказать, что Наркомвнуторгу РСФСР нужно было приложить исключительные усилия, чтобы получить отчетность. Мы получили

¹ Сокращенная стенограмма выступления т. Л. М. Хинчука на Совете при начальнике Главсевморпути в декабре 1936 г. по докладу т. С. А. Бергавинова о развертывании советской торговли на Крайнем Севере.

эти данные, но без Якутской области. Неужели эта отчетность не может быть доставлена по отдельным районам? Я это квалифицирую как распущенность и расхлябанность. Это является причиной, в силу которой мы не получили соответствующих материалов. Материалы получаются теперь, но с большим опозданием. Это мы видели на примере ликвидированной Интегралкооперации, и то же самое имеет место и по Главсевморпути.

Правда, работа на Крайнем Севере довольно тяжелая, потому что заявки товаров должны производиться на целый год и в определенные месяцы, в определенный период, ибо если будут опоздания хотя бы на незначительное время, то иногда целый ряд районов рискует остаться без товаров. Поэтому работа как в центре, так и в теруправлениях и в отдаленных районах требует большого напряжения. Но поскольку мы знаем эти тяжелые условия, мы должны этим вопросом заниматься с исключительным вниманием, приложить все наши силы как в центре, так и на периферии, доходя до самой глубинки, чтобы действительно это дело взять в свои руки.

Вот, например, в 1936 году, разве мы с гг. Шмидтом, Бергавиновым, Янсоном не испытывали тревоги, что на Крайнем Севере может оказаться некоторое население без товаров? Надо было приложить все усилия, в том числе усилия Отто Юльевича и якутских организаций, чтобы избежать всех неприятностей, которые могли быть.

Основная задача, которую ставит перед нами правительство и которую мы должны сами поставить перед собой, — это совершенно свободный расширенный товарооборот — внедрение на Крайнем Севере советской культурной торговли. Несмотря на то, что некоторые хотели убедить нас в том, что культурная торговля уже есть, мы прекрасно знаем, что культурной советской торговли на Крайнем Севере еще нет и не было. Сейчас переключиться на новые рельсы — это самая основная задача. Наркомвнуторг РСФСР, которому поручено участие в этой работе, вам в этом деле поможет на все 100%. Мало сказать — завоз товаров. Перед нами уже сейчас стоит договорная кампания, в которую надо включиться независимо от того, что еще нет полного ассортимента для завоза в районы Крайнего Севера.

Здесь на Совете многие товарищи говорили о качестве товаров, об ассортименте; надо сознаться, что торгующие организации и не только Крайнего Севера, но даже здесь, в центре, еще не ведут той настоящей борьбы за качество товара, которую мы должны были бы вести. Я уже не говорю о том, что есть целый ряд новых видов товаров, которые надо во что бы то ни стало вводить на Крайнем Севере, заставить промышленность, производящие организации, как по линии государственной промышленности, так и по линии промысловой кооперации вводить новые виды товаров, чрезвычайно необходимые Крайнему Северу.

Здесь уже говорилось о большом количестве завезенных парусиновых туфлей. Это же действительно какая-то дикость! Чем это объясняется? Здесь происходит следующее: все берут, что дают (а дают то, что не нужно), лишь бы действительно выполнить в суммовом выражении план. А надо к этому относиться гораздо более серьезно. Надо перестать миндальничать, торгующим организациям надо предъявить крепкие требования к промышленности, и надо качественно принимать товары. Разве мы не видели, например, что после того, как наш партийный орган „Правда“ подняла большую кампанию за качество това-

ров, то сейчас есть возможность получить товары лучшего качества. Вы знаете, каким порядком приходилось к этому подходить. Мы запрещаем торгующим организациям принимать товары на таких фабриках и заводах, где качество не удовлетворяет предъявляемым требованиям.

К вопросу о суммовом плане промышленности мы сейчас при планировании подходим иначе, исходим из количества единиц. Допустим, нужно дать 188 млн. штук фарфоро-фаянсовой продукции на 1937 год, но этого мало. Мы переводим это количество на обычные единицы (ибо нам могут выпустить, например, большие чашки, не имеющие никакого сбыта) и получаем специальный ассортимент, именно тот, который необходим потребителю. Тут уже никакого обмана быть не может.

В 1937 году мы завозим товаров на 1800 млн. руб. Что это означает? Я скажу совершенно определенно, что материальная база, и довольно мощная, уже создается. Надо предъявлять определенные требования к качеству товара, к его ассортименту. Получивши товар, надо его вовремя завезти, завезти куда нужно и затем культурно торговать и торговать именно так, чтобы потребитель был удовлетворен. В самом деле, т. Бергавинов говорил, как должна вестись эта торговля. Во-первых, сама торговля должна вестись четко, и тут, в первую очередь, должен быть перевод на хозрасчет и безубыточность.

Ведь надо же перестать, я бы сказал, хвастать теми убытками и хищениями, которые у нас имеются. За эти полтора года получены были из бюджета 120 млн. руб.; несомненно, что очень большое количество этих капиталов прошло между рук. Должен сказать, что, когда мы принимали госторговлю и потребкооперацию в городах, мы это чувствовали.

Несомненно, вопросы хозрасчета надо внедрять. И здесь надо твердо заявить: хозрасчет есть хозрасчет, безубыточная торговля есть безубыточная, а это значит, что надо лучше уметь работать. Надо работать с учетом местных нужд, надо иметь соответствующий ассортимент, надо помнить о недопустимости так называемой неравномерной отгрузки. На Совете выступало несколько товарищей. И они говорили, что всюду неравномерная отгрузка: в одно место отправляется больше товаров, в другое меньше, кроме того не те товары попадают, которые требуются, и не только потому, что плохо планировали, а иногда по нашим транспортным условиям.

Если мы на ассортимент не будем сами обращать серьезного внимания и не будем бить рублем нашу промышленность, когда она не выполняет по договорам, по заказам, которые мы предъявляем, то это будет обозначать, что мы с этим миримся. Между тем принудительного ассортимента не должно быть, здесь по всем фронтам должна быть борьба.

Возьмите хищения и растраты. Я уже не говорю о Крайнем Севере. Если взять все хищения и растраты в торговле по всему СССР, то они составят много миллионов рублей. Если эти огромные суммы дать нашему населению в условиях продажи товаров через культурную торговую сеть, разве мы не могли бы удовлетворить очень большие потребности населения? А между тем эти миллионы рублей выпадают из нашего товарооборота и попадают тем преступникам, которым место не в торговле.

Это означает, о чем здесь говорил и т. Бергавинов, что кадры в торговле еще далеко не на высоте. Мы еще очень мало подготовили новых кадров из местного национального населения, — это почти не делалось ни Интегралцентром, ни потребкооперацией и не делалось

в достаточной мере Главным управлением Севморпути. Сейчас Главсевморпуть ставит действительно широкие задачи в этом отношении, и тут все должны пойти ему навстречу, потому что это один из самых узловых и самых основных вопросов перехода на новые рельсы культурной советской торговли.

Остановлюсь еще на одном вопросе, который имеет серьезное значение для всех вас — о плане организационного строительства, который предлагал т. Бергавинов.

Здесь, в Главсевморпути, эта работа должна быть сконцентрирована в Торговом отделе, причем должны включиться в эту работу и все другие отделы, которых касается торговля.

Основной вопрос — это завоз товара. Территориальные конторы должны иметь полную связь с Отделом торговли в центре и получать товары на местной базе и в дальнейшем отправлять их по назначению. Теруправления должны иметь связь со всеми своими низовками непосредственно, иметь своего уполномоченного с двумя разъездными инструкторами. Имея такой порядок, можно обойтись без специальных низовых контор и таким образом иметь связь с глубиной. Это нужно для того, чтобы обеспечить хозрасчет и чтобы издержки обращения не были велики, так как совершенно ясно, что всякое излишнее звено будет стоить денег. Мы не можем обойтись без территориальной конторы, но надо иметь территориальную контору с низовой единицей (магазин, лавки). А некоторая отдаленность заставляет иметь в некоторых пунктах уполномоченного с отдельными инструкторами, и таким образом теруправление может поддерживать связь с этими глубинками.

Я совершенно не сомневаюсь в том, что в области торговли Главсевморпуть, несомненно, сумеет продолжить славную героическую работу, богатую исключительными достижениями во всех других областях. Своей работой и мы, как Наркомвнугорг, вместе с Главсевморпутом сумеем действительно создать настоящую культурную советскую торговлю, которая уже в 1937 году даст соответствующие результаты.

А. С. ЛИЗАРЕВ

Начальник Транспортного отдела
Наркомфина СССР

О ФИНАНСОВОЙ РАБОТЕ ГЛАВСЕВМОРПУТИ¹

Товарищи, я представляю то ведомство, которое интересовали экономические результаты и финансовое хозяйство такого широкого и многогранного учреждения как Главсевморпуть. О. Ю. Шмидт в своем вступительном слове призвал присутствующих на Совете товарищей к критике и самокритике, чтобы они попытались дать экономический анализ и показать результаты работы. К сожалению, ни т. Крастин, делавший доклад об итогах навигации, ни выступавшие товарищи ни единым словом не обмолвились о финансовой части работы, как будто это их не касалось, как будто этот участок работы находится в хорошем состоянии, все в должном порядке и не о чем говорить.

¹ Сокращенная стенограмма выступления т. А. С. Лизарева на Совете при начальнике Главсевморпути в декабре 1936 г. по докладу Морского управления об итогах навигации 1936 года.

План Морского управления Главсевморпути на 1936 год охватывает все моротделы — это сводный план. Все бюджетные средства отпускаются на этого вида операции через Морское управление. В результате рассмотрения плана мы должны были попытаться установить, в какой мере и на что мы даем бюджетные деньги. Этот план с определенной суммой финансирования в течение года Главным управлением был односторонне видоизменен, т. е. та сумма, которую мы определили для финансирования на 1936 год, была уменьшена, но без возврата денег бюджету, что и по закону неправильно и по существу неправильно. Но это было сделано. Тем самым был поставлен под сомнение весь материал, легший в основу финансирования Морского управления на 1936 год. Это заставило нас насторожиться потому, что мы опирались в основном на тот материал, который нам Главное управление представляло. При рассмотрении плана на четвертый квартал 1936 года Наркомфин провел уменьшение общих ассигнований из бюджета на сумму пересмотренного плана.

Подходя к плану 1937 года, мы попытались подготовить и некоторые материалы. Вообще надо сказать, что система Главсевморпути в смысле финансов на 1937 год, в смысле представления планов в высшей степени не аккуратна. Если представлялись некоторые материалы, то не всегда в должном порядке оформленные, с недостаточно обоснованными доказательствами, необходимыми для получения тех или иных сумм.

Вот любопытный пример. На 1937 год Морское управление Главсевморпути очень задерживало представление финансового плана. Мы требовали нам дать развернутый производственный план, показать, на что хотят получать деньги. Потом такой план наконец был представлен с определенной суммой требований к союзному бюджету. Начинаем заниматься этим планом. И для нас сразу стало очевидно неблагоприятное положение этого плана. Я дал задание нашим краевым финансовым отделам по месту нахождения основных территориальных управлений немного ближе заняться этим делом, особенно морскими отделами, чтобы нас снабдить местным материалом, дающим основание либо принимать, либо отказывать.

Если материал 1936 года по плану трижды пересмотрен и поставлено под сомнение качество этого материала, то что мы имели на 1937 год? Первое требование было представлено союзному Наркомфину 16 октября, потом было дезавуировано. Затем был представлен план в размерах 1936 года. Включать в план какие-либо суммы по просьбам — мы делать этого не можем. Нам нужны обоснованные материалы, чего мы не имели. Наконец, получили 8 декабря новый план, с новой суммой требований, резко отличной от первоначального плана, т. е. если раньше хотели получить из союзного бюджета 9 млн., то по плану, представленному снова, — 29 млн. руб.

Разобраться во всей этой чехарде цифр при отсутствии материалов в высшей степени трудно. Мы попытались в какой-либо мере этот материал проанализировать совместно с работниками Главсевморпути. Однако на сегодня разумного членораздельного плана Морского управления нет. На самый простой, на самый элементарный вопрос не могут дать ответа. Это не дает возможности остановиться на том или другом варианте.

В 1936 году требовались добавочные средства. На нас многие жалуются, что мы „зажимаем“ и что нужно кое-что отдать из того, что мы „зажали“. А я говорю, что поделом „зажали“. Это — гарантия того, что мы когда-нибудь получим, наконец, и хорошие материалы.

Главное управление Севморпути представляет в высшей степени разнообразие материалы, которые не дают возможности ориентироваться. К сегодняшнему совещанию Совета я получил только один материал. Надо сказать, что это плохой и неприятный материал для Морского управления. Приходится удивляться, как начальник Архангельского управления и его заместитель допустили такое безобразие. Там наши люди проводили кропотливую ревизию, обнаружили много безобразий, а выступавшие архангельские руководители не обмолвились об этом ни словом.

Вот характерные примеры.

По Морскому управлению имеется 50 человек резерва — временно свободных технических кадров. Говорят, что это такие ценные люди, которых нельзя отпустить, и что их нужно все время содержать. Я у т. Крастина спрашивал: „Что же это за люди, которые зачислены в резерв и 5—10 лет содержатся в этом резерве? Какой режим по этому резерву?“ На это мне ничего не ответили, ничего членораздельного не представили. Назвали лишь одного-двух капитанов с известными всему Союзу фамилиями.

Посмотрите, что пишут из Архангельска, кого содержат за счет этого резерва. Например, —экономист, ответственный исполнитель по кадрам, временный калькулятор и т. д. Для этого ли создавался резерв, ведь это обход установленных штатов! Зачем же на это давать резервы? Мы послали письмо, чтобы в Архангельске навели порядок по штатам, чтобы всех этих людей сняли, так как это вопиющее нарушение советских законов. Если от союзного бюджета требуете на резерв, то ведь это значит —штурман, капитан, механик. Всем это понятно, а вы подведите под резерв всех без разбора. Этим самым ставите под сомнение всю необходимость резерва. Мы, чтобы меньше ошибиться, исключили весь резерв на 1937 год.

Нам дали задание проверить расход топлива в 1937 году. Какого-нибудь расчета на топливо я не получал. План, присланный на 1937 год, — это скорее список просьб, а не развернутый материал, на основе которого могли бы проработать финансовый план. Говорят так, что установить прожог топлива, установить, есть ли экономия, — не представляется возможным, потому что не ведется учета и не получается никаких рейсовых отчетов. Это по „Садко“, „Литке“ и т. д. Никаких документов ими не представлено. Но зато очень усиленно ведется выплата сверхурочных работ, аккордных и т. д.

Пытались мы выявить, каким же образом грузооборот выполняется в Архангельском теруправлении по Морскому отделу. Наши работники установили настолько небрежное заполнение коносаментов, что свести концы с концами не представляется возможным. Здесь товарищи говорят о сроках выхода, о тяжелом положении. Мы каждый день слышим об этом от Морского управления. Однако согласно графику движения по одному Архангельскому теруправлению потеряно 258 дней. Подсчитайте, сколько денег это стоит.

По арендованным судам такое же положение —простои с ремонтом и т. д. Товарищи говорят, что у них трудное финансовое положение. А посмотрите —дебиторов по этому управлению на 1214 тыс. руб. Кричат о том, что у них плохо, а имеют список дебиторов.

О зимовочных запасах. Нужен какой-то режим по зимовочным запасам. Обещали еще в прошлом году это сделать, но ни одного документа, который бы устанавливал режим зимовочных запасов, мы не имеем.

В Архангельском теруправлении наши работники не могли ничего получить, чтобы установить учет зимовочных запасов. И это наблюдается в Архангельске — в большом управлении!

Все это говорит о том, что финансовый участок, к сожалению, в каждом отдельном управлении заброшен.

Опыт нашей работы говорит о том, что мы очень мало еще сделали. Постараемся в 1937 году перейти в следующий класс наблюдения и финансового контроля.

Главсевморпуть имеет сложное, большое финансовое хозяйство. Несколько сотен миллионов рублей эта система берет из бюджета. Понятно, что надо уметь этим хозяйством заниматься. Руководитель не может сказать, что он занимается только хозяйством, а финансами нет. Финансами надо заниматься. Надеюсь, что на следующее заседание Совета мы придем с лучшими финансовыми результатами.

В. П. ОСТРОУМОВА

Начальник Игарского
политотдела Главсевморпути

ЗАДАЧИ МАССОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ СРЕДИ НАЦИОНАЛЬНОГО НАСЕЛЕНИЯ¹

I

Значение большевистской агитации, роль убеждения, роль воспитательной работы на Севере, в условиях оторванности, в условиях некоторой отсталости, особенно велики.

Нам партия доверила великое и почетное дело — осуществлять на практике ленинско-сталинскую национальную политику, поднимать культуру и зажиточность народов Севера, в прошлом наиболее угнетенных и разоренных колонизаторской политикой царизма.

Нас партия послала сюда работать с кочевым национальным населением, руководить им. А что значит руководить? Исчерпывающий ответ на этот вопрос мы находим в указаниях нашего вождя товарища Сталина.

„Что значит руководить, если политика партии правильна, а правильные отношения между авангардом и классом не нарушаются? Руководить при таких условиях — значит уметь убеждать массы в правильности политики партии, выдвигать и проводить такие лозунги, которые подводят массы к позициям партии и облегчают им распознать на своем собственном опыте правильность политики партии, подымать массы до уровня сознания партии и обеспечивать, таким образом, поддержку масс, — их готовность к решительной борьбе“ (И. Сталин, „Вопросы ленинизма“, стр. 126).

В повседневной массовой разъяснительной работе проверяется партийность коммуниста, его идейная убежденность и умение вести за собой массы, разъяснять им лозунги партии и организовывать массы на борьбу за осуществление этих лозунгов. Задача каждого партийного работника — помполита, парторга — показывать пример и самому вести не случайную, а повседневную политическо-массовую работу среди трудящихся, а также

---

¹ Сокращенная стенограмма доклада т. Остроумовой на первом партийном совещании работников тундры Енисейского Севера.

организовывать, сколачивать вокруг себя актив из партийных и непартийных большевиков, из комсомольцев для привлечения их к этой повседневной политической работе среди масс.

Нужно прямо сказать, что та политмассовая работа, которую мы до сих пор проводили среди местного кочевого национального населения, — да и среди русских зимовщиков, — носила случайный характер, она не была той повседневной, налаженной, бесперебойной работой, которой от нас требует партия.

Если в первые месяцы шел разговор об ознакомлении со специфичностью обстановки, о первом знакомстве с людьми, то сейчас надо совершенно твердо сказать — пора уже „осесть“, пора с полной ответственностью за свою работу начать руководить так, как учит нас товарищ Сталин.

Для того чтобы лучше понять всю важность работы, порученной нам на Севере, посмотрим прежде всего, с кем мы призваны работать, что представляет собой национальное население Енисейского Заполярья.

Посмотрите на карту, — территория, на которой мы работаем, это — два миллиона квадратных километров: она тянется от Придивной (т. е. почти от Красноярска) и до Диксона, от Лескина до Хатанги, охватывая всю Туруханскую и Эвенкийскую тайгу, Авамскую тундру и весь Таймыр. На этих двух миллионах квадратных километров, по переписи 1933 года, живут 15 866 человек кочевых национальностей (более точные сведения нам даст новая перепись).

На первом месте, если брать по численности, в Енисейском Заполярье стоят эвенки. Они населяют, главным образом, Эвенкийский округ (центр — Тура). На карте вы видите здесь многочисленные реки и белые пятна около них. Необжитость края — поражающая. Всего, по сведениям 1933 года, в нашем Заполярье живет 5426 эвенков (включая Эвенкию, Таймыр и Туруханский район).

Следующими по численности идут якуты — их 2387 человек. Населяют они в основном районы Эвенкии и Хатангу.

Затем — саха (долгане), населяющие, главным образом, Хатангский, Авамский, Усть-Енисейский и Дудинский районы, т. е. в основном расселенные на Таймыре. Численность их — 1423 человека.

Нганасане, или тавгийцы (старое название — самоди), населяют Хатангский и Авамский районы, главным образом Авамский, где их 420 человек. Всего по Енисейскому Заполярию нганасан насчитывается 1201 человек. Это — самая пока отсталая народность. Поэтому работа с ней должна быть первоочередной задачей политотдельцев.

Следующие — ненцы (по-старому — енисейские самоеды, юраки). Они населяют, главным образом, Усть-Енисейский район и затем Дудинский. Всего по Енисею насчитывается 2101 ненец.

Затем идут кето, или енисейцы, населяющие Туруханский район. Их — 1178 человек. В Туруханском районе живут также селькупы, или, как их раньше называли, самоедские остяки, их насчитывается 1698 человек.

Кроме перечисленных национальностей, наше заполярное население составляют также затундровые крестьяне, которых насчитывается 452 человека.

Как же должны мы сегодня ставить свою политико-массовую работу среди малых народов Севера?

Важнейшим вопросом, который надо положить в основу нашей политмассовой работы, является глубокое изучение Конституции, разъяснение ее среди всего населения Заполярья. Сталинская Конституция — такое величайшее событие не только в жизни СССР, но и в жизни международного пролетариата, что мы не должны оставить ни одного человека, который не знал бы основ Конституции. Мы должны суметь разъяснить каждому охотнику, промышленнику, каждому зимовщику классовую природу Советского Союза, разъяснить существо новых общественных отношений в нашей стране, объяснить величие наших побед, отраженных в Конституции. Мы должны суметь объяснить каждому всемирное, международное значение нашей Конституции, сделать понятным для каждого все права, предоставляемые гражданам Советского Союза этой Конституцией, — права, о которых только мечтают угнетенные народы капиталистических стран.

Содержанием нашей политмассовой работы должно являться также разъяснение охотникам, кочевому национальному населению, а также жителям зимовок, промышленникам, важнейших решений партии, лозунгов партии, декретов правительства, разъяснение вопросов внутренней жизни Советского Союза и международного положения.

В нашей политической работе с массами в центре внимания стоят вопросы стахановского движения, подъема производительности труда, внедрение стахановских методов в охоту и промысел, популяризация этих методов, популяризация имен и опыта лучших стахановцев-охотников. В основе пропаганды стахановского движения остается историческая речь товарища Сталина на первом Всесоюзном совещании стахановцев.

У нас имеются (пока их немного) передовые промышленники-стахановцы. Мы знаем имена стахановцев Енисейского Заполярья: Андрея Аксенова и Егора Чуприна в Авамском районе, Тоги Мыс и Ядис Нанел — в Усть-Енисейском. В Корго мы знаем стахановцев Пимона Киргизова, Петра Кудрякова.

У них есть чему поучиться остальным. К сожалению, до сих пор у нас нет такой брошюры, в которой сами бы стахановцы-охотники рассказывали, как они стали стахановцами, какие методы они применяют, давали советы другим промышленникам и охотникам. Надо организовать издание книжек опыта двух-трех стахановцев Енисейского Севера. Вы представляете, какое колоссальное значение имели бы эти брошюры. Если вы будете говорить о стахановском движении с такой книжкой в руках, эффект беседы будет гораздо больше.

Мы, политотделы, обязаны наладить действительно массовое празднование всех наших революционных праздников. Нам нужно добиться того, чтобы революционные праздники, с полным пониманием значимости их, отмечались в каждом чуме. Нам надо будет давать соответствующие справки, разъяснения на этих праздниках, воспитывая на них коммунистическое миросозерцание национала, живущего в глубокой тайге и в глухой тундре.

Политмассовая работа не должна быть оторвана от хозяйственных, государственных задач, она обязана служить делу выполнения тех производственных заданий, которые поставлены партией и правительством перед населением и нашими хозорганами.

Мы должны добиваться выполнения планов факторий, совхозов, районов развертыванием стахановского движения, беседами на такие практические темы, как обезжиривание шкурки песца, правильная уста-

новка капканов, просмотр пастей в „темное“ время, организацией соревнования, разъяснением националу его участия заготовкой пушнины в жизни и строительстве всего Союза.

Важнейшая наша задача — быстрее привести кочевника-национала к культурной зажиточной жизни. Политмассовую работу не надо ограничивать только беседами на политические темы. Вопросы культуры, внедрения культурных навыков в быт — в наших условиях это тоже политика.

На что же мы делаем упор? Что в первую очередь мы должны обеспечивать? Обратите особое внимание на выступление Отто Юльевича Шмидта на Диксоне. В беседе с полярниками Диксона т. Шмидт ставит вопрос о культурном кочевье, о культурной торговле:

„Партия и правительство на нас возложили трудное и почетное дело — развивать Север в целом, во всем многообразии политических, хозяйственных и культурных задач. Наша задача заключается не в том, чтобы поспешно переводить кочевое хозяйство на оседлое, а в том, чтобы сделать хозяйство и быт кочевника культурными“.

„Путь к культурному кочевью, — говорит Шмидт, — это прежде всего культурная советская торговля. Мы должны полностью удовлетворить возросший спрос населения тундры, непрерывно поднимать, обогащать ассортимент товаров...“

На это, товарищи, мы и должны делать упор. Основное звено нашей работы — советская торговля. Через культурную торговлю, — через новые товары и продукты, целиком удовлетворяющие спрос национала, через вежливое обращение продавца, — мы приобщаем наши северные народности к настоящей советской, свободной, культурной и зажиточной жизни. В вопросе о торговле мы ставим перед партийцами Севера обязательную задачу: добиться, чтобы торговые точки в тундре торговали круглый год, а не сезонно, торговали культурно, по-советски.

Пора кончить только констатировать факты, только сообщать о безобразиях и преступлениях — тут сгноили товары, там их разворовали. Пора отвечать за эти безобразия! Если вы заявляете, что в торговом аппарате сидят Сидоровы, Ивановы, Петровы, что это рвачи, жулики, аферисты, которые работают не за нас, а против нас, так надо драться до конца, чтобы избавляться от таких людей.

Когда люди ездят по тундре, кочуют, наши ларьки, наши магазины остаются на месте, на фактории, или в районе и 8 месяцев в году ни на одну копейку не торгуют. Это недопустимо, с этим надо решительно бороться. Я уж не говорю о том, что кочевников-националов снабжают, например, хлебными сухарями, в то время как в каждой фактории можно поставить обыкновенную русскую печку и начать выпекать в тундре хлеб. Вы представляете, каким культурным сдвигом в жизни национала было бы употребление печеного хлеба!

Первое дело для помполита — знать людей, работающих на торговых точках. Продавцы должны быть ведущими кадрами. У нас на сегодня ведущим звеном являются продавцы магазинов, приемщики пушнины. С ними надо работать, надо проводить разъяснительные беседы.

Вся наша борьба за культурную жизнь в тундре, за культурное кочевье зависит от того, как мы справимся с налаживанием в тундре культурной советской торговли.

В содержании политмассовой работы мы должны уделить место и вопросам коллективизации. Об этом не нужно забывать, и не нужно сваливать эту работу только на территориальные организации, тем более теперь, когда интегральная кооперация уже передана Севморпути.

Надо глубоко знать сталинский колхозный устав, изучить его. К вопросам коллективизации нужно подходить очень глубоко, изучая опыт существующих колхозов. В тех колхозах, которые мы знаем, главный недостаток — слабая организация труда и отсутствие учета. Возьмите колхозы Новая жизнь и Первое мая. Если труд там и организован, то учет доходов этих колхозов поставлен скверно. Производственного плана колхоза колхозники не знают.

Следующий момент, составляющий содержание нашей работы, — ликвидация неграмотности национального населения. Помполиты и парторги уделяют этому вопросу недостаточное внимание.

II

Общепринятые формы и методы массовой политической работы ни в коем случае не должны у нас игнорироваться. Не надо надумывать „специфики“ там, где есть возможность работать проверенными методами.

Одним из испытанных методов политмассовой работы является индивидуальная, групповая агитация. Именно у нас, при наличии оторванности, при наличии такой разнообразности населения, индивидуальную, групповую беседу надо положить в основу работы.

Мы ставим это не отвлеченно, а на основе того опыта, который проделан нашими помполитами, например Демьянчиком, Коробановым, Вайсманом.

Минус т. Демьянчика — и вообще нас всех, в том числе и меня, начальника политотдела, — в том, что за год работы никто не удосужился изучить как следует хотя бы один из языков местных национальностей. Между прочим, доводы о невозможности изучить язык потому, якобы, что их много, — неправильны. Но, даже не зная языка, бесспорно, можно и нужно проводить политмассовую работу путем индивидуальных и групповых бесед, хотя бы пока через переводчика. Индивидуальной и групповой беседой можно добиться многого. Вот когда помполит т. Коробанов пошел беседовать с группой националов о политических вопросах, то они не только внимательно слушали, но и сами активно участвовали в беседе, они возмущались действиями японской военщины, говорили о колхозном строительстве. Даже 60-летний председатель кочевого совета, ненец Нере, сказал, что хочет учиться и участвовать в соревновании с другими кочевыми.

По всему Союзу давно уже проводят слеты стахановцев — железнодорожников, ткачей, шахтеров. Эта форма проведения массовой политической работы у нас вполне применима, но мы ее пока используем совершенно недостаточно. Много ли у нас проведено таких собраний стахановцев, где бы они рассказывали, как они стали стахановцами, как они ловят песка, как они ставят капканы, как получилось, что у одного за квартал 22 песка, а у другого 35?

Организация кочевых слетов стахановцев — первоочередная задача. Вот в Туре проводили два слета стахановцев — промышленников и оленеводов. Не надо ждать, чтобы слет был в районном масштабе. Нужно и можно организовывать эти слеты тут же, перед аргишом.

Испытанным и также вполне приемлемым в наших условиях методом политмассовой работы являются экскурсии. Мы намечаем их в порядке премий лучшим людям тундры. Намечаем провести экскурсию кочевников, например, в Игарку. Могли же мы собирать

националов к приезду Большого театра. Почему не привезти их в Игарку на экскурсию, показать им город, показать механическую выкатку, механическую погрузку, показать наши заводы, культурную жизнь города — школы, клубы, кино? Многого можно показать и в Игарке и в Норильске. Надо только взяться за организацию этих экскурсий, и тогда рассказы о городах Советского Заполярья, об их стройке пойдут по всей тундре.

Одновременно в нашей практике прививаются и свои, специфические формы и методы. Нам не надо их надумывать, надо брать их из жизни, использовать все, что позволило бы как можно быстрее и лучше доводить до охотника-национала вопросы жизни страны, декреты правительства, решения нашей партии.

Такой формой у нас является, например, красный передвижной балок. У нас распространены — правда, не достаточно широко — красные чумы. Эта форма там, где она применялась, вполне себя оправдала. Но жизнь выдвигает новую, более гибкую форму — красный передвижной балок. Мы считаем, что такой балок должен быть обязательно в каждом районе.

Что такое балок? Это установленный на широкие нарты крытый вагончик — с печкой, со скамейками и т. д. Регулярно, систематически обслуживая кочевья своего района, красный передвижной балок должен нести в тундру, на стойбища политические новости; должен нести элементарные культурные навыки в быт националов; должен нести пропаганду правильной производственной деятельности кочевников. Ведь это, по существу, то же, что распространенный на железных дорогах культурвагон. Мы выдвигаем после красного чума красный балок потому, что он является ступенью к культурному кочевью, показом перехода от дымного чума к балку с железной печкой, с сидением на лавке, за столом.

Что должно быть в красном передвижном балке? Должна быть передвижная библиотечка. Передвигаясь в одну сторону, балок оставляет книжки кочевникам, на обратном пути обменивает их. В нем должны быть производственные плакаты — как разделать шкуру, как обезжирить песца, как наладить капкан и т. д.

В балке должен быть массовик-агитатор, владеющий национальным языком, умеющий обращаться с киноаппаратурой, волшебным фонарем, понимающий в производственных плакатах (которые он должен оставлять везде, где есть национальное население), он должен иметь также некоторые производственные знания охотничьего промысла, уметь объяснить их кочевнику-охотнику. В помощь к нему будет дан фельдшер, который должен также владеть целым рядом специальностей. Фельдшер должен знать парикмахерское дело, иметь хотя бы элементарное понятие о зоотехническом и ветеринарном минимуме и, бесспорно, должен иметь хороший набор медикаментов для оказания врачебной и профилактической помощи национальному населению.

Третьим работником красного балка должен быть человек, знающий кулинарию. Он должен обслуживать агитатора и фельдшера и вместе с тем уметь показать в чумах, как варить манную кашу, как надо печь хлеб, как поставить железную печку, употреблять эмалированную посуду и т. д. Иначе говоря, этот человек будет прививать первые навыки культурной жизни в быту.

Особенно надо обратить внимание на то, чтобы передвижной балок имел при себе побольше наглядных пособий. Такие журналы

как „СССР на стройке“, „Наши достижения“, „На стройке МТС и совхозов“, „Советская Арктика“ обязательно должны быть на балке всегда, также как и плакаты, портреты. Показывая рисунки, фотографии, плакаты, альбомы Москвы, виды Игарки, надо заинтересовать национала и через это переходить к объяснению политики партии, наших достижений, наших задач.

Здесь, в продвижении политических новостей, свежих газет, новых декретов, может сослужить большую службу замечательная тундровая традиция, так называемая падорга. Надо ввести в жизнь политпадоргу.

Что такое падорга? У кочевников есть традиция — если националу дают в руки запечатанное письмо с птичьим перышком в углу, это означает: „важно, доставить немедленно“. Он берет это письмо (падоргу) с уважением и делает все, чтобы как можно быстрее доставить это на своих оленях в тундру. Падорга идет от чума к чуму к тому, кому она адресована. Падорга мчится по всей тундре, ее берегут так, что пропажи пакета не бывает. Вот этой-то традицией мы и должны воспользоваться для установления связи с каждым чумом, с каждой зимовкой.

Если внимательно приглядываться к нашей практике, то можно найти в ней очень интересные примеры живой инициативы в организации массово-политической работы. Такой инициативой является то, что придумал у себя на фактории заведующий т. Спрынцов (Авам). На стенах его фактории, а теперь и на других факториях Авама появились доски показателей, имеющие большое агитационное и чисто практическое воздействие на охотников-националов.

Что представляет собой такая доска? На ней написаны фамилии промышленников, сдающих пушнину данной фактории. Под каждой фамилией — два столбика показателей. Один столбик — план сдачи для данного промышленника, второй столбик — сколько промышленник сдал. Под столбиками — танго промышленника. Вся доска — в квадратах, каждый из них означает одного песца. Пришел промышленник на факторию, принес 5 песцов, заведующий принимает их и поднимает столбик промышленника на пять квадратиков вверх. Все это очень наглядно. Видя каждый раз рост своего столбика, сравнивая его со столбиками соседей (а националы хорошо знают танго друг друга), охотник заражается желанием соревноваться с соседом, а стало быть больше сдать песцов государству.

Выезд на места помполитов и парторгов мы ставим во главу угла. Мы требуем, чтобы 85—90% всего бюджета времени помполита и парторга уходило на выезды в тайгу и тундру, причем нужно быть гибким, нужно находить способы передвижения.

Мы ставим в пример помполита т. Демьянчика. Он кочевал с националами и побывал почти во всех своих точках. Он все время приспособлялся — где ездил на ветке, где на моторке, где на самолете. А вот возьмите т. Январева — целое лето просидел он в Туруханске и, представьте себе, говорит: „не мог выбраться“, в то время как к нему на точки забрасывали товары и на лодках и на моторах. Товар завезли, а он не сумел доехать!

Актив в каждом районе есть. Там сидят и хозяйственные работники. Мы считаем, что эти работники точно так же должны двигаться, бывать на местах, бывать среди кочевников, а не отсиживаться в районном центре. Я думаю, было бы правильно завести регистрацию поездок

и короткую отчетность, хотя бы в три месяца раз, — где были, куда ездили, зачем выезжали. Иначе нам трудно уследить, чем заняты наши работники.

Организуя, проводя свою политмассовую работу, надо наладить строгий учет всей этой работы.

Мы не наладим связи, если вплотную не подойдем к вопросу радиодола. Политотдел ставит перед всеми парторганами, перед каждым грамотным коммунистом-одиночкой задачу: самим начать овладевать азбукой Морзе, техникой радиоприема. Уметь принимать радиопередачи — в этом ничего особенно сложного нет.

Прекрасное предложение вносит т. Буда. Он предлагает у каждого помполита установить „малую политотдельскую“ радиостанцию, которая обеспечит двустороннюю связь.

Совершенно правильно внес предложение т. Вайсман — провести опытное занятие по радиоприемникам типа „Колхозник“, которые сейчас посланы на многие фактории.

Если мы не возьмемся за практическое изучение радиодола, не овладеем им, то приемники попрежнему будут валяться на факториях без дела, а мы будем жаловаться на отсутствие связи.

Сейчас, в порядке налаживания более глубокой систематической информации, мы организуем радиогазету. Радиогазету и политсхему будем передавать через Диксон, охватывая передачей целиком весь Енисейский Север. Надо организовать массовое слушание радиогазеты.

Перед летчиками мы ставим большие задачи по организации новых видов связи на Крайнем Севере. Но нужно сказать, что летчики могут летать и максимально выполнять свои обязанности только тогда, когда помполиты, парторги и все ответственные работники на Севере будут относиться с должным вниманием к тому, чтобы обеспечить летчикам нормальные полеты, будут хорошо, организованно встречать самолет. Надо нам самим отвечать за прием самолета, за хороший аэродром. Нужно также нести ответственность и за отдых летного состава. У нас есть возмутительные случаи, когда летный состав валяется на полу, когда его не кормят, не поят, когда летчикам не дают кроватей (например, Диксон во время поисков самолета Петрова). Чуткое, теплое отношение к летному составу полностью обеспечит возможность для нормальных полетов. Наша политмассовая работа в условиях Севера, в условиях разбросанности отдельных точек в основном зависит от налаживания радио- и авиасвязи.

Скоро у нас в Игарке будет театр. Этому театру мы ставим задачу обслуживать не только Игарку, но и весь Енисейский Север. В вагоне-вездеходе десяток артистов прекрасно поместится. Сделаем, как в вагоне, откидные двухъярусные полки для отдыха, удобно оборудуем, и дело выйдет наверняка. Пусть два раза в год этот театр побывает в каждой точке нашего Заполярья — и то значение будет колоссальное. Когда Малый театр в 1936 году прилетел на Диксон, мы убедились, какое это огромное мероприятие.

Затем надо добиться, чтобы в каждом районе обязательно была кинопередвижка или в красном балке, или в чуме. Мы считаем это своевременным и вполне возможным.

В наших условиях, в условиях Севера, место для политмассовой работы должно быть там, где есть кочевники, масса: фактория, магазин, чум и т. д.

Надо, чтобы фактория была не просто торговой точкой, а настоящей базой социалистической перестройки тундры. Всякий продавец — это прежде всего представитель советского государства на Севере. Помполиты, парторги, коммунисты-одиночки, комсомольцы ответственны за то, чтобы продавец относился чутко к местному населению, показывал, рекомендовал им новые товары, завезенные на факторию, проводил работу по внедрению в быт кочевников таких вещей, как эмалированная посуда, стиральные доски, новые виды продуктов и т. д. Для этого должны в первую очередь выдвигать на работу самих представителей местного населения. Быть продавцом — не такая уже сложная задача. Есть среди жителей тундры способные люди, особенно из молодняка. Давайте поставим задачу, чтобы на факториях продавцом, как правило, был национал. Его нужно только немного подучить на курсах, и дело пойдет. В этой части добился успеха опять-таки Демьянич. На всех торговых точках его района продавцы начали осваивать культурные методы торговли, сами магазины стали чище.

Нам нужны хорошие, культурные чайные, и опыт этого уже есть. Можно привести в пример Боганиду, где коммунистка Игумнова организовала образцовую чайную. В ней есть плакаты, шашки, журналы и т. д. Помещение очень уютное, в буфете под стеклом лежат маленькие стандартные пакеты с сахаром, сухарями, продаваемые приезжему охотнику по рублю за пакет.

У нас много народностей, и все они различны по развитию. Нужно дифференцировать работу, нужно уметь найти подход к каждой народности. Особенно надо обратить внимание на работу с молодежью.

Комсомол далеко не уйдет, если будет работать один, если не будет руководства и помощи со стороны парторгов и помполитов.

Мы должны, кроме этого, организовать жен зимовщиков, поднять их общественную активность. Это большая сила. Движение жен должно быть организовано в направлении работы с женщинами тундры. Культурные жены зимовщиков должны окружать заботой приезжающих на факторию националов, беседовать с ними, разъяснять, научить, хотя бы, как стирать белье, печь хлеб. Это есть пока в Боганиде, в Усть-Камо, на Коченятах. Но этого мало. Помполиты, парторги должны помочь женам наладить работу с женщинами тундры.

Если политотдельцы в проведении своей массовой политической работы будут рассчитывать только на свои силы, то они далеко не уйдут. В этом, в частности, ошибка т. Коробанова, который сам честно работает, но везде работает один, без актива. Первейшая задача — организовать вокруг себя актив, особенно из среды местных народностей.

Кадры в тундре есть, и прекрасные кадры. Мы выпустили из совпартшколы, с подготовительных курсов пушного техникума ряд националов. Мы беседовали с ними — развитые, толковые ребята. Это хороший актив для помполитов, они смогут работать начальниками факторий, продавцами и одновременно помогать в массовой работе.

Нашими кадрами должны явиться проверенные советские люди. Кое-где помполиты уже вырастили неплохих активистов-националов. Есть активисты в Туре — Левашов, Селин; в Усть-Енисейском районе — предколхоза Васса Лампай, бригадир-стахановец Тоги Мыс, комсомолец Петр Ломнет и другие; в Хатанге — Спиридонов, Кудряков, Киргизов; на Ратте хороший общественник Николай Баякин — бригадир-стахановец; на Суломае — Лялич. Можно назвать десятки имен активистов.

Надо иметь своего активиста на каждой зимовке. Назовите его беседчиком, читчиком, — как хотите, не в этом дело. Он должен быть тем человеком, который ведет беседы, читает газеты, разъясняет решения партии. Подготавливая актив, помполиту следует проводить кустовые совещания беседчиков, агитаторов, читчиков и переводчиков.

* * *

Нужно сказать твердо: посланные партией на Крайний Север помполиты и парторги в основном себя оправдали. Лучших мы называли: Демьянчик, Коробанов, неплохо работал Румянцев. Особо отмечаем т. Коробейникова, как старейшего работника Севера, который за это время овладел тремя языками. Мы отмечаем из вновь посланных в тундру т. Кривошапкина.

В наших условиях, когда приезжают сюда некоторые чуждые элементы, чтобы спрятаться, пользуясь отдаленностью и оторванностью, от каждого из нас требуется удесятенная революционная классовая бдительность. Не просмотреть контрреволюционеров — троцкистов, зиновьевцев — первейшая наша обязанность! Нам особенно необходима постоянная настороженность, сталинская зоркость, умение распознавать маскирующегося врага, в какую бы щель он ни забрался. Преступление против партии и народа совершает тот коммунист, который во-время не разглядел врага, не разоблачил его вредительства.

Уроки процесса контрреволюционного троцкистско-зиновьевского центра показывают, какими подлыми, фашистскими средствами — нападением из-за угла — пользуются враги. Недавно в системе Севморпути разоблачены и изгнаны из партии подлые двурушники троцкисты Лунев и Пумпур, пробравшиеся на должности начальников контор. Они, пользуясь нашей недостаточной бдительностью, успели немало напакостить в пушном и рыбном деле. Засоренность чуждыми, враждебными людьми имеется по всей нашей территории, начиная от фактории и кончая теруправлением. Мы обязаны выявить и обезвредить врагов, пытающихся срывать нашу работу в тундре. Надо быть повседневно бдительными.

Бдительность наша должна быть основана на изучении людей, на широкой массовой работе, которая неустанно, ежедневно и ежечасно сплачивает массы вокруг партии.

Под неослабным вниманием и руководством Политуправления Главсевморпути мы сумеем оправдать доверие нашей партии, пославшей нас на этот ответственный участок работы, за которым следит вся страна, за которым следит наш любимый вождь, вдохновитель советских полярников — товарищ Сталин.

Р. Л. САМОЙЛОВИЧ

С СЕССИИ УЧЕНОГО СОВЕТА АРКТИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

I

В январе 1936 года на совещании партийных и хозяйственных работников Главсевморпути справедливой критике была подвергнута работа Всесоюзного Арктического института. Нам указывали на отставание научно-исследовательской мысли от практических требований, на то, что Арктический институт — научный центр всей системы Главсевморпути — недостаточно освещает путь практиков. В речах начальника Главсевморпути, академика О. Ю. Шмидта и начальника Политуправления Главсевморпути С. А. Бергавинова были поставлены новые вехи, меняющие характер и темп нашей научной деятельности, и четко определены задачи, от решения которых должен зависеть весь ход работы по освоению Арктики.

Сейчас, оглядываясь на пройденный Арктическим институтом путь со времени партийно-хозяйственного совещания до сессии Ученого совета института в январе 1937 года, можно сказать, что сделаны первые шаги в приближении нашей работы к требованиям жизни. Сессия Ученого совета Арктического института подвела первые итоги проводимой перестройки. Помимо пленарных заседаний работали пять секций: геологии, геодезии и картографии, гидрологии, геофизики, промыслово-биологическая и оленеводства. Оживленные прения по многочисленным докладам, заслушанным сессией, свидетельствовали об актуальности и жизненном интересе ее тематики.

Во всех секциях стояли доклады выдающихся ученых, известных полярных исследователей, видных практиков. Имена многих докладчиков, выступавших на сессии, известны не только в нашей стране, но и за границей. Успеху сессии несомненно способствовала большая научная работа, проводившаяся в 1936 году, в особенности после перестройки ее на основе указаний руководства Главсевморпути.

Наибольшее место в работе института занимает Геологический отдел. В истекшем году была впервые составлена инструкция о производстве геологических и геологопоисковых работ в Арктике, в которой разработаны нормы с расчетом на стахановское качество работы и использование механического транспорта. Для камеральных работ также были составлены нормы выработки, принятые во второй половине 1936 года.

Работа Геологического отдела шла в трех основных направлениях: производство полевых исследовательских работ, обработка экспедиционных материалов и составление обзорных работ монографического характера. В 1936 году закончены три большие работы: монография по

геологической изученности Советской Арктики, составлены геологическая карта и карта полезных ископаемых Советской Арктики.

Труд о геологической изученности Советской Арктики и субарктики является исчерпывающим обзором геологических исследований с приложением к нему аннотированного списка литературы. Работа выполнена коллективом геологов под руководством И. П. Атласова.

Геологическая карта построена на заново составленной основе. При составлении карты были учтены все имеющиеся печатные и рукописные материалы по геологическим исследованиям Арктики до 1936 года включительно. Карта впервые дает исчерпывающее представление о современном уровне наших сведений о геологическом строении Советского сектора Арктики. Эта работа выполнена также коллективно под руководством М. М. Ермолаева при редакторе географической основы С. В. Ооручеве. В дальнейшем предполагается приступить к составлению геологической карты, на которую будет заноситься весь материал новых экспедиций.

Цель обзора и карты полезных ископаемых Советской Арктики заключалась в тщательном учете всех выявленных минеральных ресурсов и их инвентаризации на основании печатного и рукописного материала. Описание месторождений дается на фоне характеристики минерогении отдельных областей и районов. Объем подлежащих учету материалов оказался настолько велик, что явилась необходимость составления обзора минеральных ресурсов Арктики в сопровождении карты полезных ископаемых в масштабе 1 : 4 000 000.

1936 год явился годом дальнейшего развития научно-исследовательской деятельности на местах. В этом году было отправлено 11 геологических экспедиций. Поисково-разведочной экспедицией под начальством Н. И. Софронова, обследовавшей восточное побережье Чаунской губы, обнаружено олово в трех точках. Последние телеграфные сообщения говорят о ценных результатах работ экспедиции. Спектральным анализом содержание олова определено от десятых долей до 13 процентов и даже выше. Некоторые жилы имеют рекордное содержание олова. Как сообщает Софронов, практическое извлечение олова из руд различных типов на Чауне доказано.

Чукотско-Ванкаремской экспедицией во главе с Б. Е. Дитмаром осенью 1936 года пройдено 300 километров на лодке, 600 километров пешком и 750 километров на аэросанях. Выяснены общие черты геологического строения области, расположенной к югу от Ванкарема и залива Креста. На мысе Онман обнаружены сульфидные жилы.

Произведенные Полярно-Уральской экспедицией под начальством Н. И. Сирина исследования позволяют считать, что расположенные в районе ее работы месторождения пьезо-кварцев требуют постановки детальных разведок, причем одновременно может производиться добыча горного хрусталя.

Наряду с самоотверженной работой большинства экспедиций, нужно отметить недобросовестность некоторых работников, обнаруженную, например, в первой Чукотской экспедиции И. Д. Гатиева. Партия Б. Н. Артемьева вернулась в Ленинград без дневников, без планшетов и геологических образцов. Приходится гадать, что же собой представляет тот район, где они работали 18 месяцев.

Большая работа была произведена в экспедициях Новоземельской (А. А. Петренко), Пайхойской (Н. А. Кулик и А. В. Хабakov), Нижнетунгусской (В. П. Тебеневков), Пясинской (Н. Н. Мутафи),

Чукотской (Н. А. Меньшиков) и др. За недостатком места нет возможности говорить об этом подробнее.

Значительные сдвиги достигнуты в ускорении камеральной обработки экспедиционных материалов. В результате перехода на стахановские методы 18 сотрудников Геологического отдела значительно перевыполняют нормы, например В. А. Вак а р дает 250%. Отчеты и петрографические очерки сданы В. Г. Д и т м а р о м на один год раньше срока и через шесть месяцев после окончания работ, С. В. Обручевым — на 9 месяцев раньше срока, причем представлено 18 листов вместо обусловленных в обязательстве 8 листов, М. И. Рохлиным — на 7 месяцев раньше срока и т. д. Досрочное окончание этих работ позволило использовать материалы экспедиций 1935 года для вновь посылаемых экспедиций и послать научных сотрудников В. Г. Дитмара, М. И. Рохлина и М. Молдавского в новые экспедиции на Чукотку уже летом 1936 года. Нужно ли говорить, какое значение имеет подобное ускорение работ?

В наших геологических экспедициях мы старались все более внедрять современные технические способы передвижения. Надо добиться того, чтобы путешествия геологов на собаках и, в особенности, пешком, как это делали гг. Серпухов и Байков, которые прошли 5000 километров и засняли 30 000 кв. километров, отошли в область предания. Необходимо шире применять достижения отдельных геологов в области использования самолетов, аэросаней, вездеходов, использовать опыт экспедиций Н. Н. Урванцева, М. М. Ермолаева, С. В. Обручева и др. Огромную потребность испытывает институт в авиатранспорте, необходимым для доставки людей в трудно доступные районы. Например, гг. Софронов и Рохлин открыли одно из лучших месторождений олова; туда нужно немедленно послать специалиста, который побывал бы там до весны, но без самолета этого нельзя сделать. Вопрос о предоставлении Арктическому институту воздушного транспорта должен быть разрешен — от этого зависит очень многое в деле ускорения наших работ.

Целый ряд рационализаторских предложений позволяет значительно упростить методы глазомерной съемки. Работами прошлого года доказана полная применимость геофизических методов в условиях Арктики, и они будут шире использованы в 1937 году. Большую потерю времени, важного для полевых работ, вызывает прибытие экспедиции на место только к лету, хотя работы можно было бы начинать с весны. Поэтому в 1937 году часть экспедиций будет отправлена из Ленинграда не позже марта. Камеральная обработка материалов будет проводиться в значительной части на месте работ во время зимнего перерыва. Для этого мы примем меры к снабжению поисковых партий и экспедиций спектрографами, шлифовальными станками, а большие разведочные экспедиции — химическими лабораториями.

Работа геологов была бы чрезвычайно облегчена, если бы они приходили в места, карта которых уже составлена. К сожалению, на Севере этого пока нет, и в значительной части картографы сопровождают геологов, что, конечно, затрудняет работу.

II

В тесном контакте с Геологическим отделом работал Отдел картографии и геодезии. Картографо-геодезическим отделом был составлен ряд карт в истекшем году. Закончено составление десяти листов карты

Чукотского национального округа в масштабе 1:1 000 000, Лено-Хатангского края в таком же масштабе и каталога астрономических пунктов. Для Большого советского атласа мира выполнен ряд карт Арктики и Антарктики и их отдельных морей.

Большая кропотливая работа проделана по составлению физической карты Арктики в масштабе 1:10 000 000. Помимо объединенных, совместно с геологами, Картографо-геодезический отдел проводил и самостоятельные экспедиции для топографической съемки района, которые потребуются для дальнейших картографических работ: Усть-Колымская, Анадырская, Орулганская и др.

Гидрологи занимались в 1936 году как морскими, так и речными работами. От рекогносцировочно-морских исследований в западном и отчасти восточном секторах Арктики мы перешли к планомерным гидрологическим съемкам, поставив целью исследования сезонного хода гидрологических элементов и изучение проблемы ледового покрова арктических морей.

Одной из наиболее выдающихся за последнее время является экспедиция К. Н. Гомоюнова в Карском море. Прделанная десятью научными сотрудниками работа на таком маленьком судне, как „Нерпа“, очень велика. На протяжении всего Карского моря, от Новой Земли до о. Диксона, было сделано большое количество станций (106), в том числе десять суточных.

Немалая работа по составлению атласа течений была проведена в Югорском Шаре. До сих пор гидрологический режим пролива — одного из важнейших участков Северного морского пути — не был изучен. В частности, совершенно не было материалов, освещающих течение в этом проливе.

Речные работы производились преимущественно на малоисследованных реках: съемки, промеры, изучение гидрологического и ледового режима, а также исследования стоков в океан. До 1936 года перед нами стояла проблема минерального стока; сейчас мы начали видоизменять наши работы, обращая внимание на проблему динамики речного русла и на то, какие мероприятия нужны, чтобы поддерживать русло в судоходном состоянии. Работы производились на реках Пясины, Хатанге, Анабаре, Индигирке, Яне и Колыме.

При производстве сплошной гидрологической съемки морей необходимо добиваться полной синхронности производства работ, чтобы между началом и концом съемки не было большого промежутка времени. Для достижения этой цели нужно поставить для производства съемки одновременно большое количество судов. Всесоюзный Арктический институт до сих пор не имеет своего судна для гидрологических работ, что несомненно препятствует их развитию. В этом отношении Арктический институт ждет помощи Главсевморпути.

Основной задачей наших геофизиков является изучение климата Советской Арктики. Учитывая, каким важным препятствием для морского и воздушного транспорта являются туманы, Геофизический отдел приступил к изучению туманов Карского моря. Не ограничиваясь работами по климатологии, этот отдел включил в свой план тему: „Метеорологическая обстановка навигационного периода у Земли Франца-Иосифа и Новой Земли“. Составлен обзор атмосферных наблюдений в полярных странах по всем имеющимся в советской и иностранной литературе источникам.

Под руководством профессора Е. Тихомирова Геофизический отдел полностью справился с выполнением годового тематического плана,

в частности с камеральной обработкой материалов, причем по климатологии и земному магнетизму план перевыполнен. Необходимо отметить одну важную внеплановую работу, хорошо проведенную Геофизическим отделом. По словам Героя Советского Союза т. Белякова, климатическая сводка, составленная научной сотрудницей отдела Е. А. Леонтьевой, в течение пяти суток оказывала серьезную помощь при перелете Чкалова по знаменитому Сталинскому маршруту.

Основной задачей Промыслово-биологического отдела было максимальное приближение его научной работы к потребностям производственных организаций Главсевморпути. С целью содействия интенсификации и рационализации зверо-пушного и морского зверобойного промысла и рыбного хозяйства, часть работы была перенесена на вновь организованные зональные станции в Игарке, Сале-Харде (Обдорске) и Якутске и опорные пункты. На Командорских островах открыта научно-исследовательская станция по песцу и бобру.

Местные организации Главсевморпути, которые, казалось бы, должны быть всемерно заинтересованы в успешной работе станций, оказывают им далеко недостаточное содействие. Станция в Анадыре не была открыта, так как местное теруправление не сумело предоставить ей помещение. До сих пор не укомплектован штат: на Игарской станции вместо двенадцати сотрудников работает шесть.

С целью приближения к хозяйственным потребностям, тематический план Промыслово-биологического отдела был пересмотрен, причем значительная часть тем, как не актуальных, была снята.

Беломорской зверобойной экспедицией, под начальством П. А. Рудакова, собран большой материал по возрастному и половому составу гренландского тюленя, позволяющий сделать практические выводы при организации промыслов. По изучению трескового промысла у берегов Новой Земли работала экспедиция во главе с Б. Н. Топорковым. На основании проведенных работ начальник экспедиции сделал конкретные предложения Новоземельскому островному хозяйству по организации промыслов. Оказалось, что тресковый промысел может иметь серьезное промысловое значение для жителей Новой Земли.

Слабым местом института были договорные работы. Не все дисциплины представлены в Арктическом институте, и часть работ приходится передавать на сторону. Это нарушает наш план. Следует стремиться к тому, чтобы вся научная работа института проходила в самом институте.

Более слабо связан с местами и не руководит по-настоящему станциями Отдел оленеводства. На некоторых станциях, например, в Нарьян-Маре и др., не проявлена инициатива в деле обобщения опыта передовых оленеводов. Нашим оленеводам нужно многому поучиться у практиков, это то, о чем говорил на сессии Ученого совета О. Ю. Шмидт. Объем работы Отдела оленеводства, в особенности по изучению болезней оленя (копытной и др.) и по организации оленеводческого хозяйства, еще мало соответствует требованиям производства.

Кораблеисследовательским бюро института производилось изучение проблем, связанных с проектированием, гостройкой и эксплуатацией судов, предназначенных к плаваниям в Арктике. В частности производилось экспериментальное исследование деформаций и напряжений в корпусе ледокола „Ермак“ и ледокольного парохода „Садко“.

Среди работ Кораблеисследовательского бюро большой интерес вызывает выработка проекта немагнитного судна, произведенная по

поручению О. Ю. Шмидта. Желательно возможно скорее приступить к его постройке.

В 1936 году экспериментальные мастерские института освоили производство ряда новых приборов. Приборы, выпущенные мастерскими института, прекрасно работают и по тщательности отделки не только не уступают, а несомненно превосходят заграничные образцы. Производством вертушек Экмана-Мерца, батометров и опрокидывающихся термометров мы сохранили немало валюты.

Плохо обстоит дело издания трудов Арктического института. Здесь нам приходится спорить с издательством Главсевморпути. Наши труды выходят с большим опозданием. Карта Новой Земли, сданная в издательство еще в 1935 году, до сих пор не вышла в свет. На несколько месяцев задерживаются периодические издания института. Столь актуальная работа, как атлас течений Карских Ворот, к сожалению, не увидела света своевременно и до сих пор еще не издана. Нужно надеяться, что с организацией редакционного совета темпы выпуска работ ускорятся.

Такова в самых общих чертах картина деятельности Арктического института, с которой он пришел к сессии Ученого совета. Сессия института показала, что работа института переключена на большее единение науки с практическими запросами Главсевморпути. Вместе с тем мы ясно отдаем себе отчет в том, что в нашей работе, в частности по линии развития горной промышленности, промыслов и оленеводства, нужна еще более значительная увязка научно-исследовательской деятельности с экономикой Крайнего Севера.

Н. А. БЕЛОУСОВ

Начальник Ленинградского
управления Главсевморпути

БЫТЬ ГОТОВЫМИ К НАВИГАЦИИ 1937 ГОДА

I

Ленинград является одним из важнейших центров организации работы по исследованию и освоению Арктики, Северного морского пути.

На стапелях ленинградских верфей строятся ледоколы и пароходы „грузовики“ для полярных морей. Из Ленинградского порта уходят в сквозные рейсы и в устья сибирских рек корабли, груженные зерном, механическим оборудованием, товарами широкого потребления и другими грузами.

В Ленинграде сосредоточена научная арктическая мысль. Здесь формируются научно-исследовательские экспедиции, десятками разъезжающиеся ежегодно по необъятным просторам Крайнего Севера. И в этом же городе готовятся многочисленные кадры, так остро необходимые возрождающимся народам Севера, кадры арктического флота, кадры полярных станций.

Задачи и характер работы Ленинградского управления Главсевморпути определяются особым географическим положением Ленинграда и его значением как крупного промышленного и научного центра.

Одна из важнейших задач Ленинградского управления в 1937 году — обеспечить скорейшее окончание постройки судов ледокольного флота, заложенных в 1935 году.

В навигацию 1936 года ледоколы работали на пределе своей мощности, — писал в „Правде“ О. Ю. Шмидт.

Состоявшееся в 1934 году решение партии и правительства о постройке новых мощных ледоколов явилось актом быстрого развития нашего ледового плавания.

С каждым годом растут перевозки по Северному морскому пути. Все больше груза принимают новые морские порты и новостройки, возникающие на берегах Ледовитого океана. Уже в 1937 году наличному составу ледокольного флота Главсевморпути было бы трудно обеспечить плавание в арктических водах тех сотен судов, которые двинутся туда с начала навигации.

До сего времени промышленность еще не выпускала ледокольных судов. Все плавающие под советским флагом ледоколы построены на иностранных верфях. В 1937 году впервые должны вступить в строй ледокольные суда советской постройки. Решающая роль в создании советского ледокольного флота собственной конструкции и постройки принадлежит ленинградским судостроительным заводам.

На стапелях Балтийского завода им. Орджоникидзе строятся два гиганта-ледокола — „Сталин“ и „Молотов“. Эти первенцы советского ледокольного флота, строящиеся по типу „Красина“, обладающие мощностью свыше 10 000 л. с., не будут иметь равных среди ледокольных судов не только Советского Союза, но и других стран.

На заводе им. Марти строятся два товаро-пассажирских ледокольных парохода типа „Севморпуть-1“, грузоподъемностью 2410 тонн. Оба судна также будут первыми ледокольными пароходами советской постройки. Являясь значительным улучшением типа „Челюскина“, „Севморпуть-1“ будет обладать более прямым корпусом и усиленными креплениями, что позволит ему энергично противостоять ледовым сжатиям. Проект пароходов разработан Ленинградским отделением Судопроекта по заданию Главсевморпути.

Общая стоимость строительства ледоколов по Ленинграду — 57 млн. руб. Ввод в строй новых ледоколов и ледокольных пароходов обеспечит лучшую организацию проводки судов, а также позволит более правильно организовать сообщение с заполярными портами, стройками, новыми индустриальными районами и значительно улучшить снабжение далеких окраин.

Несмотря на огромное значение ввода в строй новых ледокольных судов, постройка их идет недопустимо медленно. Постройка пароходов идет лишь немного скорее. Готовность их с 20% на 1 января 1936 года выросла к 1 января 1937 года до 41%. Сейчас налицо — угроза невыполнения правительственных сроков окончания строительства: ледокола „Сталин“ — март 1937 года, „Молотова“ — июнь и пароходов „Севморпуть“ — июль 1937 года. При создавшемся положении трудно

Н. А. Белоусов

рассчитывать на участие в навигации 1937 года хотя бы по одному кораблю каждого типа. Особенно плохо постройка шла в летние месяцы, когда на Балтийском заводе работы почти замерли, а на заводе им. Марти строительные работы, т. е. сборка кораблей, были законсервированы на два месяца.

В результате вмешательства Ленинградского обкома ВКП(б) и лично т. А. А. Жданова, заводы принялись за постройку несколько более интенсивно, но взятый темп еще недостаточен.

При сложившейся со строительством кораблей обстановке, действительно эффективным мероприятием, способным обеспечить ввод судов в строй уже в навигацию 1937 года, является решительная постановка вопроса о переводе строительства в число первоочередных.

Затянувшаяся постройка кораблей возлагает на Комнаб (комиссия наблюдения за постройкой судов Главсевморпути в Ленинграде) большую ответственность. Основная задача Комнаба — осуществить наблюдение в технико-эксплуатационном и хозяйственном отношении за постройкой арктических судов и содействие заводам-строителям. Борьба за сроки сдачи судов в эксплуатацию является решающим звеном в работе Комнаба.

Большое место в создании модернизированного, технически совершенного арктического флота будет попрежнему принадлежать Экспертно-техническому совету по судостроению. В 1937 году совет будет рассматривать проекты судов, разрабатываемые Судопроектком Морского управления Главсевморпути: ледокольный пароход „Севморпуть-2“, вспомогательный ледокол мощностью 3300 л. с., буксир в 700 л. с., лихтер грузоподъемностью 1300 тонн. Будут также подвергнуты оценке проекты танкеров для работы на Северном морском пути, проекты судов, которые будут разрабатываться Судопроектком по заданию Главсевморпути в 1937 году, и др. В работе совета участвуют крупные ученые и специалисты.

II

По примеру прошлых лет, в 1937 году из Ленинградского порта пойдут корабли по Северному морскому пути. Пароходы возьмут груз и пассажиров в арктические порты и на полярные станции. Отход намечается в середине июля.

Кроме сквозных рейсов по ставшему уже традиционным маршруту Ленинград — Мурманск — Владивосток, в 1937 году намечается еще два необычных плавания.

В этом году, впервые в истории арктических плаваний, два парохода, выйдя из Ленинграда в Петропавловск на Камчатке и пройдя всю трассу Северного морского пути, в ту же навигацию вернутся обратно в Ленинград, сделав в оба конца свыше 14 000 километров. Значение этих рейсов трудно переоценить. Даже до устья р. Колымы с возвращением в одну навигацию было совершено лишь одно плавание в 1935 году — пароходом „Рабочий“. А предстоящий рейс на несколько тысяч километров больше совершенного „Рабочим“.

Ледокол „Ермак“ будет использован на проводку судов в западном секторе Арктики. Продолжительность арктического плавания ледокола сохраняется на уровне прошлого года, — примерно 135 дней: из них 90 дней будет проведено непосредственно в арктических водах, а ходовых — 40 дней.

Период работы непосредственно в Карском море взят из тех сообщений, что группы судов, проводимых „Ермаком“, не всегда могут идти все время в канале ледокола. Обычно в сгущенных массах хотя и мелкобитого льда за ледоколом более или менее успешно идут один или два парохода при условии, если они близко держатся один от другого и от ледокола. В таких случаях в оставляемом ледоколом следе под влиянием струй от винтов — льдинки не успевают сплотиться. Остальные же пароходы попадают в это время уже в успокоившийся и сгустившийся лед в канале, что вызывает застревание, а следовательно возвращение ледокола, околку и часто проводку по одиночке в тяжелых районах. На это идет немало времени. Учитывается и возвращение ледокола на Диксон за углем.

В зимнее и весеннее время „Ермак“ будет использован для проводки судов в Ленинград и из Ленинграда в Финском заливе.

* * *

В 1937 году в Ленинграде начинается строительство Гидрографического института Главсевморпути. Осуществление строительства, рассчитанного на два года, поручено Ленинградскому управлению.

Здания института и общежития главными фасадами будут выходить на новую — пока еще безымянную — площадь в новом, предназначенном для застройки районе около Невы.

Здание института будет рассчитано на 400 студентов. В нем будут три большие аудитории и больше десятка кабинетов, лабораторий, актовый зал, библиотека, киноустройство, мастерская для ремонта инструментов и т. д. В общежитии, рассчитанном на 177 человек, в каждом этаже будут комнаты для занятий студентов, красные уголки. Жилые комнаты рассчитаны на одного и трех человек. Здания института и общежития будут соединены крытым переходом.

Строительство Гидрографического института, не имевшего до сих пор собственного помещения, является крупным мероприятием, которое создаст наконец нормальные условия для этого первого высшего учебного заведения Главсевморпути.

Для подготовки работников полярных станций при Ленинградском управлении создается система различных курсов. На курсах зимовщиков готовятся 42 радиотехника и 82 гидрометеоролога. Выпуск слушателей состоится в июне 1937 года. Кроме того организуются полугодовые курсы по расширенной программе для подготовки радистов, метеорологов и механиков.

Ежегодно на протяжении последних лет Ленинградское управление организовывало курсы плавающего состава и руководило ими. Курсы эти будут функционировать и в 1937 году. Организация курсов плавающего состава, также как и курсов зимовщиков, облегчается наличием преподавательских кадров. Необходимо, однако, сказать, что комплектование курсов производится без увязки между работниками отделов кадров Полярного и Морского управлений Главсевморпути и Ленинградским управлением. При определении контингента приема и профиля готовящихся специалистов недостаточно учитывается действительная потребность в них и возможность использования имеющихся кадров. В результате, как это было в 1936 году, Полярное управление одной рукой рассчитывало работников, отбывших договорный срок на полярных станциях, а другой — открывало набор для подготовки работ-

ников по той же специальности. Для избежания подобного разбазаривания опытных арктических кадров и лишней траты средств на их подготовку, целесообразно расширить резерв зимовщиков, возвращающихся из Арктики.

Большое место в деятельности Ленинградского управления обычно занимают внеплановые работы. Поручения различных организаций и учреждений Главсевморпути часто носят не единичный, а систематический характер. К числу этих работ относится, например, ремонт „Садко“. По поручению Архангельского теруправления на ленинградских заводах размещаются заказы на котлы для „Русанова“, обработку ахтерштевня для „Садко“ и др. заказы, которые должны быть выполнены во II квартале. Из планируемых Морским управлением заказов на запасное оборудование в сумме 4 млн. руб. основная часть должна быть размещена на ленинградских заводах.

1937 год несомненно станет годом еще большего укрепления и развития работы в Арктике. Роль Ленинграда как опорной научной и промышленной базы в освоении Советской Арктики должна еще более возрасти. В новом подъеме работы Главсевморпути роль его ленинградских организаций должна быть поднята на еще более значительную высоту.

Н. Н. УРВАНЦЕВ

БЕЗДОРОЖНЫЙ МЕХАНИЧЕСКИЙ ТРАНСПОРТ В ОСВОЕНИИ СОВЕТСКОЙ АРКТИКИ

I

Пути сообщения имеют первостепенное значение в хозяйственной жизни нашей страны. Они определяют темпы промышленного развития и нового строительства, нередко их лимитируя. Слабое развитие путей сообщения ставит препятствие рентабельному использованию сырьевых ресурсов района, остающихся лежать втуне, пока дороги не будут отвечать требованиям социалистического хозяйства.

Это имеет особенно большое значение для полярных областей Советского Союза. Когда героическими походами „Сибирякова“ в 1932 году и „Челюскина“ в 1933 году была доказана возможность сквозного плавания Северным морским путем в одну навигацию, промышленное освоение Советской Арктики стало на твердую почву. Однако этим была решена лишь половина задачи. Использование морского пути, как основной водной магистрали, и великих сибирских рек, впадающих в Ледовитый океан, как магистралей второго порядка, позволяет перебрасывать грузы только до главных узловых пунктов Советского Севера. Дальнейшее продвижение их в глубь страны может совершаться в большинстве только сухопутьем. Но если проблему водных путей сообщения для Советской Арктики можно считать решенной, то в отношении сухопутных средств сообщения этого сказать нельзя.

Проблема сухопутного транспорта, отвечающего современным требованиям промышленного освоения Севера, стоит лишь на очереди и требует скорейшего разрешения.

В прежнее время передвижение в глубь страны сухопутным совершалось на собаках, оленях, в более южных районах на лошадях в условиях полного бездорожья и лишь в лучшем случае по приметным только опытному глазу местного жителя тропам. Всем, кто хоть раз побывал на Крайнем Севере или читал описания работ какой-либо сухопутной полярной экспедиции, хорошо известно, насколько затруднительны передвижения этого рода и какое ничтожное количество груза можно при этом перевезти с собою. Например, Хатангский район, один из наиболее пушно-промысловых и относительно хорошо населенный, до последнего времени снабжался товарами через Енисей из села Дудинского, откуда путь на Хатангу лежал по безлесной тундре на протяжении около 1000 километров.

Н. Н. Урванцев

Уже в самом начале зимы местными жителями формировались и направлялись в Дудинку оленные караваны порожнем. Выйдя из Хатанги в октябре, караваны попадали в Дудинку лишь в ноябре; забрав грузы, они сразу же уходили в обратный путь и попадали на место, в Хатангский район, не ранее февраля. При самом большом напряжении удавалось перебросить не более 200 нарт, что составляло около 60 тонн грузов, распределявшихся среди тысячного населения тундры. В результате даже такие продукты, как мука, сахар, чай, соль, здесь являлись остродефицитным дорогостоящим товаром. В операциях по перевозкам участвовали более двух тысяч оленей и 160 человек, не считая семей, сопровождавших караваны.

Перевозки на собаках представляют еще большие трудности: для них требуется заготовка корма в виде рыбы, мяса, в то время как олени нуждаются лишь в наличии корма подножного — оленьего мха, ягеля, произрастающего в южных частях тундры почти повсеместно. Ежедневно каждой собаке нужно около 0,5 килограмма корма, причем везти она в состоянии около 30—40 килограммов. Таким образом, на перевозку 1 тонны груза требуется около 25—30 собак и для них 12—15 килограммов корма ежедневно, причем удастся проходить при самых благоприятных условиях не более 30—40 километров.

Современные задачи изучения, а тем более промышленного освоения Советской Арктики, конечно, не могут довольствоваться такими ничтожными по своей грузоемкости видами транспорта. Действительно, одна лишь небольшая геологоразведочная партия, снабженная комплектом легкого ручного бурового оборудования до глубины 150—200 метров и горнопроходческим инструментом для горноразведочных работ, должна иметь грузов до 10 тонн, а серьезные разведочные работы для определения промышленных запасов ископаемых исчисляют свои грузы сотнями и даже тысячами тонн.

Задачи изучения Арктики требуют перехода на углубленные детально-площадные исследования. А для этого необходимо создать в изучаемом районе целую сеть продовольственных опорных баз, что

возможно лишь при более мощном транспорте, чем существующий. Растущее благосостояние и культурные потребности местного национального населения вызывают усиленный спрос на продукты и разнообразные промтовары, с завозом которых на глубинные торговые фактории местный примитивный транспорт в настоящее время не справляется.

II

Проблема сухопутного транспорта для Арктики должна решаться в двух направлениях: необходимо строить здесь дороги как рельсового, так и безрельсового типов и применять механический транспорт, не нуждающийся в дорогах.

Постройка дороги имеет смысл лишь там, где существует постоянный грузопоток или где он обеспечен на будущее. Такими местами являются или населенные пункты с достаточно большим грузооборотом, или строящиеся промышленные предприятия достаточно крупного масштаба, как, например, Норильск, Амдерма и т. п.

Проведение дорог в полярных условиях и их эксплуатация встречают ряд затруднений, если не непреодолимых, то во всяком случае удорожающих стоимость перевозок. К ним относятся: вечная мерзлота и сопутствующие ей наледи, выпучивание грунтов, трудности водоснабжения, недостаток, а подчас и полное отсутствие в районе лесных и других материалов, рабочих рук и продовольствия.

Значительные затруднения при эксплуатации причиняют зимние снежные штормы, пурги, особенно сильные и длительные в пределах чистой тундры — за границей лесов. Снег, переносимый ветром с большой скоростью, заносит все „отрицательные“ части рельефа, в том числе и дорожные выемки. Набитый снег при этом так трамбуется ветром, что едва поддается железной лопате, требуя больших усилий для своего удаления. Впрочем, работа по очистке является бесполезной, так как следующая пурга, а она в Арктике обычно ждать заставляет недолго, заносит очищенную выемку вновь еще сильнее. Чтобы избежать этих затруднений эксплуатации в зимнее время, необходимо дороги вести лишь с насыпями по водоразделам и возвышенным местам (где снег зимою сдувает) и превращать выемки в искусственные туннели.

Ввиду этих затруднений дорожное строительство в Арктике будет развиваться медленно, и потому механический транспорт **бездорожного типа** несомненно должен приобрести широкое применение, особенно в ближайшее время, когда дорог еще нет, а темпы промышленного развития местным существующим транспортом удовлетворены быть не могут. Но и впоследствии, когда дороги уже появятся, бездорожный транспорт найдет широкое применение для перевозок в стороны от основных водных и сухопутно-дорожных магистралей.

Механический бездорожный транспорт в Арктике в основном будет обслуживать работу баз и их ближайшие окрестности, а также поездки с грузами и налегке на большие расстояния.

Работа машин на базе, будь то промышленное строительство, населенный пункт, полярная станция и т. д., сведется к перевозке большого количества разнообразных грузов на сравнительно короткие постоянные дистанции, лишь в редких случаях измеряемые десятками километров. От машин здесь требуется большая мощность, способность за один раз перевозить большое количество грузов, причем проходимость

не будет играть существенной роли, ибо наличие постоянных направлений позволит накатать путь, подправить и подравнять его в наименее проходимых местах или обойти их. Словом, здесь будет возможность создавать дороги примитивного временного характера вроде ледяных, гатевых и др.

Для такого рода работ наиболее подходящей машиной явится мощный гусеничный трактор-тягач, например, „ЧТЗ“, способный по укатанной зимней дороге тянуть на прицепке до 30 и более тонн. Но машины этого типа, имея значительный вес, оказывают довольно большое давление на грунт, достигающее примерно 0,5 килограмма на квадратный сантиметр, и потому не отличаются достаточно хорошей проходимостью.

Как показал опыт автора в 1925/26 году, прицепные сани необходимо иметь самого легкого типа, небольшой грузоподъемности, с широкими полозьями, чтобы удельное давление их не было выше давления гусениц трактора. Иначе сани зарываются в снег, выпаживая за собою глубокую траншею, на что непроизводительно уходит большая часть мощности машины. Поезд лучше составлять из нескольких таких саней, чтобы в случае затруднений на тяжелых участках можно было расцеплять и перетаскивать сани поодиночке. Но такого рода работа будет весьма непроизводительной: на прицепке машина едва ли сможет тянуть более 5—6 тонн, причем часть и этого груза будет занята топливом, расход которого, из-за мощности мотора и тяжелой дороги, будет велик. Поэтому мощные тракторы-тягачи хорошо будут работать лишь на базах по укатанным дорогам, а для дальних поездок по целине они мало пригодны.

На больших расстояниях на целине могут быть применены в Арктике лишь машины, обладающие высокой проходимостью по бездорожью. К ним относятся полугусеничные грузовые и легковые машины, легкие гусеничные машины специальных типов, как, например, червячные, и наконец аэросани. Практически нашли применение и испытаны у нас в полярных условиях полугусеничные машины — вездеходы и аэросани.

Машины высокой проходимости будут нужны при всякого рода научно-исследовательских, в первую очередь геологосъемочных, геологопоисковых и горноразведочных работах для развозки продовольственных депо, доставки оборудования и технического снаряжения от главной базы к точкам работы, передвижения съемочных партий и т. д. Эти машины найдут широкое применение и на полярных станциях для исследовательской работы в окрестностях радиусом до 100 и более километров, расстановки научных баз, подстанций, а также охотничье-промысловых избушек, перевозки грузов на станции и т. д.

Машины высокой проходимости найдут применение и для быстрых перебросок грузов с главных баз на глубинные торговые фактории и для вывозки оттуда сырья, в первую очередь пушнины.

Такие машины должны обладать достаточной грузоподъемностью, от 1 до 2 тонн, большим радиусом действия — в несколько сот километров, удовлетворительной скоростью и проходимостью по всякого рода местности как в зимнее, так и в летнее время.

Этим требованиям аэросани отвечают в меньшей степени. Они получают движение в результате тягового усилия воздушного винта. Последнее же, вообще говоря, невелико, достигая в лучшем случае 3—4 килограммов на лошадиную силу для мощных моторов.

Таким образом для чаще всего применяемого на наших аэросанях мотора „М-11“ мощностью 100 НР тяговое усилие его винта будет в лучшем случае 300 килограммов. Груз же, который может тянуть движитель, всецело определяется коэффициентом трения лыж по грунту. Коэффициент зависит от самых разнообразных причин и колеблется в широких пределах, от 0,4—0,3 до 0,1 и меньше. По рыхлому свежевыпавшему снегу коэффициент этот равен, примерно, 0,3, а если снег влажный, во время оттепели, то и больше. По плотному утрамбованному пургой снегу, особенно если он покрыт коркой наста, как это бывает весной, коэффициент снижается до 0,2 и меньше.

Вес самих саней достигает у наших типов 600—700 килограммов, поэтому полезная нагрузка при неблагоприятных условиях пути, рыхлом снеге, встречном ветре, подъемах и т. д. не может быть больше 300—400 килограммов. Конечно, такая обстановка будет встречаться не часто, и для хорошей дороги нагрузка может быть увеличена, примерно, вдвое, т. е. до 600—700 килограммов. Скорость аэросаней также зависит от нагрузки, характера пути, мощности мотора, конструкции саней и т. д. и колеблется в широких пределах, от 3—5 до 80 километров.

Из этого ясно, что аэросани в Арктике могут иметь лишь ограниченное применение для разъездов налегке или с небольшими грузами по торному для лыж пути, что на Севере бывает лишь весной в марте—апреле. По малоснежному, каменистому или щебенистому грунту, мокрому снегу, во время растепели и уж, конечно, в летнее время аэросани совершенно идти не могут.

Практическое применение этого рода транспорта в Арктике полностью подтверждает данные выводы.

А. Вегенер, взявший в свою последнюю экспедицию 1930/31 года аэросани, пытался использовать их для переброски грузов на станцию Айсмитте в глубине ледникового щита, на 400 километров от берега, но неудачно. С грузом около 600 килограммов аэросани, снабженные мотором 112 НР, по свежевыпавшему снегу и при встречном ветре уже идти были не в состоянии. Людям приходилось соскакивать и при полной работе мотора толкать сани или даже сдвигать их рычагами, чтобы стронуть с места. Весною же по установившемуся торному пути сани работали удовлетворительно, особенно когда шли налегке.

На Новой Земле в экспедиции М. Ермолаева 1932/33 года сани работали удовлетворительно при разъездах по ледниковому щиту, где путь был достаточно торен. Но по дороге к мысу Желания с более значительной нагрузкой они застряли, примерзнув (во время остановки) лыжами к снегу так, что при попытках сдвинуть их с места участники израсходовали весь бензин и вынуждены были добираться до жилого места на мысе Желания пешком.

Наиболее полно использованы аэросани в геологической экспедиции С. Обручева 1934/35 года. Учтя предыдущий опыт, этот исследователь пользовался аэросанями лишь в наиболее благоприятное для их работы время—в марте—мае, когда снеговой покров прикрыл нацело все препятствия и стал достаточно плотным и гладким. На каждых санях имелось грузов до 600—700 килограммов, считая в том числе бензин и людей. Всего пройдено, считая и пробные проезды, 7385 километров, из них собственно геолого-картографических маршрутных—2755 километров. Расход топлива был около 560—570 граммов на километр пути. Повреждению чаще всего подвергались лыжи и шасси из-за толчков на быстром ходу, но наблюдались и случаи поломки мотора.

Опыт С. Обручева еще раз подтвердил, что аэросани в Арктике пригодны только для легких развозов по снежной хорошей дороге, главным образом в весеннее время. Радиус их действия 150—200 километров, так как запас бензина, который сани могут взять, не превышает 200 килограммов, его хватит примерно на 360 километров пути.

III

Более широкое применение в полярных условиях найдут полугусеничные машины вездеходы. Нужно заметить, что при выработке наиболее пригодного типа вездеходов нам пришлось этот вопрос решать самостоятельно, так как за рубежом он был еще менее разработан. Например, вездеходы, построенные Фордом для антарктической экспедиции Бэрда 1929/30 года, в конструктивном отношении были значительно ниже наших, советских.

Наш, советский вездеход конструкции инженера Г. А. Сонкина представляет собой обычный полутонный грузовик Горьковского автозавода (ГАЗ-АА), превращенный в полугусеничную машину путем монтажа на задние полуоси специальных движителей. Последние могут сниматься, так что в течение нескольких часов машина может быть превращена из вездехода в обычный грузовик и наоборот.

Переделать на вездеход, то есть заменить колеса задних полуосей рамами с гусеничными лентами, можно любую автомашину, как тяжелый 3 или 5-тонный грузовик, так и легковую машину. Соответственно этому можно иметь грузовые мощные вездеходы и легковые машины для быстрых развозов.

Перед аэросанями вездеходы имеют ряд существенных преимуществ. Вездеход обладает гораздо большей проходимостью. Он может двигаться и по любой снежной целине, и по любому бесснежному грунту, что для аэросаней недоступно. Удельное давление гусениц и лыж вездехода настолько невелико (около 0,1 килограмма на квадратный сантиметр), что машина идет свободно там, где проваливается нога человека. Таким образом и зимою по рыхлому снегу, и летом по болотистой тундре — вездеход пройдет всюду.

Чтобы сделать машину в полном смысле вездеходной, следует придать ей еще и пловучесть путем монтировки по бортам надувных складных поплавков. Это позволит вездеходу в летнее время переплывать речки, глубина которых не позволяет перейти их вброд. Поплавки могут надуваться компрессором, работающим от мотора машины, а по миновании надобности — складываться и убираться в углубления бортов.

Автотранспорт бездорожного типа только еще начал внедряться в практику полярных работ. Поэтому едва ли целесообразно строить вездеходы различных марок. На данный момент пока можно ограничиться полутонной машиной марки „НАТИ“, уже проверенной конструктивно и освоенной производственно. В дальнейшем, на основе данных о работе этих вездеходов как в Арктике, так и в пробных пробегах в более южных районах, необходимо лишь внести в имеющийся тип окончательные конструктивные поправки и пустить машину в серийный выпуск.

* * *

Впервые на Советском Севере вездеходы были испытаны автором в 1933/34 году, причем постройка машин этого рода являлась

тогда первым опытом. Они представляли собой полуторатонные грузовики марки „ГАЗ-АА“ с резиновыми гусеничными движителями вместо колес на задних полуосях. Построены они на опытном заводе при Научном авто-тракторном институте в Москве под руководством конструктора этих машин Г. А. Сонкина. Всего было построено 4 машины, впоследствии доставленные на восточный берег Таймырского полуострова. Здесь на островах „Комсомольской Правды“ во время зимовки Первой Ленской экспедиции вездеходы произвели весьма разнообразную работу.

Осенью и в темную пору, в декабре—январе, машины перевозили грузы, преимущественно строительные материалы, с зимовавших судов Первой Ленской экспедиции на базу, где строились здания полярной станции. Среди груза были такие громоздкие и тяжелые предметы как 12-метровые бревна для радиомачт, доски и бревна для домов и т. д.

Работа не приостанавливалась ни в полярную ночь, ни в пуржливую погоду: пользовались светом фар и поставленными на пути вехами. Когда зимовавшие суда терпели нужду в воде (для котлов парового отопления), вездеходы доставляли для них лед. На машинах же было завезено в окрестности 3 охотничьих промысловых домика, вывозилось добытое на охоте мясо и шкуры медведей и моржей, забрасывались к месту работ гидрологические партии с оборудованием и снаряжением, гидрографические знаки и т. д. Всего на базе вездеходами перевезено 573 тонны грузов и пройдено 5374 километра.

Осенью 1934 года вездеходы были доставлены в бухту Нордвик, где только с их помощью удалось в течение 10 рабочих дней выгрузить более 2000 тонн различных грузов. К приставшим к берегу плашкоутам машины подходили вплотную, забираясь в воду подчас на глубину до 1 метра.

Машины испытывались и в маршрутных условиях. Маршрут вокруг Таймырского полуострова (геологическое исследование и топографическая съемка) показал большие преимущества механического транспорта. Оказалось возможным значительно увеличить вес грузов исследовательской партии, достигавший 612 килограммов, а следовательно повысить точность и объем научных работ. Среди оборудования имелаась и приемно-передающая радиостанция, что позволило держать постоянную связь с базой. Передвижению не препятствовали пуржливые погоды, и только плохая видимость в это время, мешавшая ведению топографической съемки, заставляла пережидать. В случае необходимости можно было стоять на месте сколько требовалось, не заботясь о корме для транспорта. Отдых в палатке после работ был обставлен с гораздо большим комфортом. Имелось достаточно топлива для обогрева палатки и сушки одежды, электрическое освещение. Наконец при езде в закрытых, обогреваемых мотором кабинах люди были защищены от мороза, ветра. Маршрутная работа делалась доступной даже для людей средней выносливости.

Второй пробег был скоростным. В срочном порядке надо было перебросить различный авиагруз, в том числе и такой громоздкий, как поплавки для самолета „Р-5“ общим весом 965 килограммов. Путь от островов „Комсомольской Правды“ до мыса Челюскина общим протяжением 85,3 километра с грузом 2091 килограмм на 2 машинах пройден в 8½ ходовых часов. Обратный путь с грузом 1215 килограммов на 2 машинах пройден в 7 часов 8 минут ходовых со средней скоростью 12,1 километра в час.

Опыт работы на Севере вездеходов выявил и ряд конструктивных недочетов, которые были устранены в машинах постройки 1935 года. Пробный пробег их зимою 1935 года по маршруту Москва—Ленинград—Архангельск и обратно дал еще более эффективные показатели, чем ранее. Строящиеся в настоящее время машины, снабженные более мощным мотором „М-1“, несомненно будут еще лучше. От них можно ждать скорости (с грузом) не ниже 15—20 километров и расхода бензина не более 0,6—0,7 килограмма на пройденный километр.

Вездеходы получают в Арктике самое широкое применение в научно-исследовательской и хозяйственной работе. Условия их применения могут быть самыми разнообразными. В основном это, главным образом, зимние разъезды, так как на Севере зима занимает 75—90% всего времени. Придание пловучести вездеходу делает его применение неограниченным и в летнее время.

Решающее значение в успешном внедрении автотранспорта будет иметь водительский персонал, о воспитании и выращивании которого следует заботиться неустанно.

Условия работы в Арктике, где приходится вести машину по целине и неизвестной местности в любую погоду—и днем и ночью, требуют от водителя безукоризненного знания машины, всех ее свойств.

Нужно уметь учитывать все свойства грунта, по которому приходится вести вездеход, рельеф, оценивать характер препятствий впереди и быстро ориентироваться во всякой обстановке. Даже при самых благоприятных условиях неграмотный, небрежный шофер не только даст низкие экономические показатели, но порою и загубит машину, в то время как хорошо знающий свое дело, добросовестный водитель с честью выйдет из затруднений.

Наряду с серийной постройкой вездеходов мы должны выращивать кадры полярных водителей-вездеходчиков и двигать дело промышленного освоения Арктики еще быстрее вперед. Современная техника и люди большевистской закалки—вот что нужно для того, чтобы превратить неосвоенные еще участки в населенные промышленные районы.

НА БЕРЕГУ БОГАНИДЫ-РЕКИ

I

Тундра — это чум большой. Ты вошел — не всех сразу видишь, а тебя видят все. Щупают глазами, испытывают, кто ты и зачем приехал.

Полтора месяца по первой санной тропе двигался из Дудинки на Волочанку, от стойбища к стойбищу, Стефан Демьянчик.

В прошлом он подмастерье, мальчик на побегушках. Рабочий московской фабрики. Буденовец. Боец легендарных сотен, громивших контрреволюцию. Потом политотделец Заокской МТС. И вот сейчас — посланец партии, первый политотделец в тундре — помполит пушной конторы Севморпути.

— Помпо-л-э-э-т? — удивлялись этому новому слову в чумах, — пошто помполэт, век-век такой человек в тундре не бывал.

— Партия, понимаешь?

— Ага, ага, толковал.¹ Партия, большевик, толковал, — улыбаются собеседники.

Они его дружески хлопают руками, словно пробуя на крепость. Сажают на почетное место в чуме. Угощают оленьим мясом, крепким кирпичным чаем.

Он не таится, не скрытничает, умеет весело и запросто „твердую говорку класть“² обо всем, к чему с жадностью познания тянется тундра.

А после „говорки“ и в шашки мастер сыграть. В шашки любят играть в чумах. Вокруг игроков всегда зрители, шумно переживающие каждый удачный ход. Кстати, знают ли они, кто такой Ботвинник?

— У-у-у-век-век такой человек не слыхали.

Значит нужно рассказывать о Ботвиннике. О шахматном турнире. А потом об Алексее Стаханове, Марии Демченко, о Чкалове, Молокове и Леваневском, о Москве, которую знать хотят в чумах подробно.

Люди тундры любят простоту, смелость, ловкость и хорошую, яркую речь о вещах, еще не знакомых. Вот если бы к речи такой фотоснимок или рисунок, журнал или альбом с иллюстрациями, или проекционный фонарь с диапозитивами — тогда совсем хорошо, потому что сильнее всего у человека тундры развито зрительное восприятие. И там, где „говорка“ не совсем ясно покажет, там дорисует хорошая картина.

Стала тундра аудиторией помполита. Он сидит на санке с левой стороны позади гонщика. Гонщик улыбается, судит хореом передового

¹ Понял.

² Правильно говорить.

олени. Звери несутся по лесу, по сугробам и увалам. И если не светит луна — деревья выскакивают из ночи внезапно, грозя расшибить легкую санку и седоков.

От стойбища Рассоха упряжка по застругам выносится к берегу Боганиды-реки. Что может о ней сказать географический атлас, кроме названия?

Боганида. Весло исследователя и молоточек геолога еще не потревожили ее крутых берегов. Жирные максуны и нельмы ходят в мутной воде стаями. Поверху плавают соединения диких гусей и уток. Цветами и травами зарастает земля вокруг Боганиды. Птичьи базары оглашают легкий, прозрачный воздух летом.

Крепкая рубленая изба, несколько сараев и баня. Это — фактория на берегу Боганиды. Пурга завалила факторию сугробами до крыши. Только вход, как песцовая норка, чернеет в снежном безмолвии.

У входа — охотничьи санки. Олени лежат на снегу — отдыхают. Если на санке одной лежит аккуратный кошель из оленьей шкуры, значит гостит на фактории таймырский ненец. Значит Мамде-Кинте или Форбин-Латаре привезли саттар¹ или запросто приехали на факторию послушать, о чем люди говорят...

Весело трещит огонек в камельке. Керосиновая лампа освещает полки и прилавок. На полках — красная драпировка, полотняные мешочки с образцами круп и других продуктов. Человек стоит за прилавком и толкует, растягивая каждое слово, делая его простым и емким. А люди в песцовых и пыжиковых парках внимательно прислушиваются к ним.

— Советская власть охотнику помощь дает. Дорога советской власти широка. А кулаку да шаману нет ныне дороги в тундре, худой человек кулак да шаман. Верно говорю, Мамде-Кинте?

— У-у-у-ланую² говорку кладешь. Костеркин-то шаманил?³ Шаманил. 7 быков брал за пособку? Брал. Пособка-то худая была, онако, нганасан помирал, а 7 быков таскай Костеркину, така мера у него была.

Приехал однажды на стойбище таймырских ненцев помполит Демьяничик, обошел все 47 чумов, толковал в каждом подолгу и запросто. А потом созвал большую сходку и поставил отчет Бадале-Чуначара — председателя кочевого совета. И нганасаны заявили, что один Бадале-Чуначар имеет 46 санок,⁴ а все нганасаны 430. Кроме того, Бадале присвоил 200 оленей, а нужно было передать их артели. Кроме того, Бадале не послал ни одного мальчика в интернат на Пайтурму, а на стойбище 223 нганасана, 52 хозяйства и ни одного грамотного.

И нганасаны, нарушив почтительность к старшинам рода, не доверили Бадале-Чуначару, а председателем кочевого совета выбрали Мамде-Нере.

И Кокоре-Хилэпте не доверили нганасаны, потому что он живет с матерью шаманкой. Вместо Кокоре-Хилэпте в кочевой совет выбрали нганасаны Надей-Турдагина. А потом, в конце сходки, Мамде-Кинте потребовал, чтобы Боганида-фактория послала аргиш⁴ со стойбищем на летовье экспедицию с продуктами и товарами...

¹ Песец — по-ненецки.

² Ладную. Ненцы хатангской тундры не выговаривают букву „д“: „лано“, „онако“.

³ Когда-то известный в аваме-хатангской тундре шаман Костеркин.

⁴ Санки — это богатство нганасана, такое же, как олени. Когда наступает пора аргиша, в санку кладутся лучшие постели, праздничные сакуи и бакари, камус, пыжик, шкурки песка, россомахи, волка. Чем больше таких санок, тем человек богаче.

В фактории охотники говорят обо всем. И о снабжении. Кстати, об урюке. Лежал он долго на фактории, и никто его не трогал. Кому нужен урюк или манная крупа в тундре? „Век-век такого здесь не едали“.

Приехал на факторию помполит Стефан Демьянчик и предложил Евдокию Дмитриевне — жене заведующего факторией Игумнова сварить компот и манную кашу. Пусть попробуют дети в чумах.

Сварили. Сам попробовал и повез с собой на стойбище чашку с манной кашей охотник Молонтинов Иван. Жена его, Мария, покормила ребят — у них поносы прекратились. Узнали об этом событии все стойбища вокруг фактории и в несколько дней развезли мешки с урюком и манной крупой по чумам. Такая же судьба постигла 90 ящиков конфект, давно лежавших на складе фактории — развезли охотники по стойбищам.

* * *

Помполит, политотделец, стоит за прилавком рядом с заведующим факторией Игумновым и показывает, как нужно культурно торговать в тундре и разговаривать с охотниками.

Дверь напротив лавки — в чайную. Светлая комната. Лозунги. У камелька всегда заготовлена лучина. Чайник с чаем. В углу буфет с образцами продуктов, какие можно купить в лавке фактории.

Пьют чай. Когда в комнате этой собираются несколько охотников, заходит Евдокия Дмитриевна Игумнова. Несет патефон с пластинками, подаренный фактории проезжей экспедицией.

Музыка — значит веселье. Любят музыку люди тундры. У многих охотников есть свои любимые пластинки. Когда приезжает на факторию Мамде-Кинте, он просит Евдокию Дмитриевну:

— Играй, талант,¹ который человек есть — и сердце шибко ламал. Евдокия Дмитриевна ставит арию герцога из „Риголетто“.

Когда приезжают Тиригир Тимофей, Соловьев Алексей, Тиригир Кирилл или Мамде-Кинте, Евдокия Дмитриевна приносит в чайную ученическую линованую тетрадь и выводит с каждой буквы. За руку берет и водит по бумаге, потому что плохо слушаются карандаша охотничьи руки, привыкшие к хорею и тяжелому давку пасти. И они начали читать и писать.

„Два десять и смолянка?“ Нет, они теперь не говорят так длинно и путанно, а просто „25“. И пишут. И расписаться могут. А скоро и „падергу“² научатся составлять.

II

Нганасан — это ненецкое слово. Я — нганасан: я — человек.

Потомки древнего племени ненцев кочуют по тундре от Боганиды-реки до Таймыр-озера, от 71 до 74 параллели. Самые большие и голые пространства, самые суровые пурги на земле нганасанов. Но называет ее нганасан „матерью“.

Это потому, что зимой песцы шибко идут на пастники нганасанов и попадают среди них голубые — дорогие и редкостные.

¹ „Счастье“ — по-ненецки.

² Письмо, заявление.

Это потому еще, что летом богатейшие уловы дают пушальни. Несчетны стаи гусей и уток в тундре нганасанов. Велики табуны диких оленей в ущельях и падах Таймырского хребта. Хорошо тут, сытно и спокойно домашним оленям. Нет на Таймыр-реке ни одного гнуса, а на земле много тальника и полярных цветов.

В открытой тундре, в ста километрах от дудино-хатангской тропы разбито стойбище нганасанов.

Это время было, как в тундре говорят, оленное. Евдокия Дмитриевна выбрала самых бойких женщин чумов и 8 марта пригласила их на факторию погостевать. А гостевать любят в тундре.

На рассвете 8 марта к Боганиде-фактории потянулись аргиши с низа и верха тундры. Женщины горячили оленей хореем, беспрестанно оглядываясь на высокие задки санок, где в ворохах оленьих шкур копошились привязанные ремнями грудные дети.

Евдокия Дмитриевна встретила гостей в чисто выбеленной комнате, детям отвела уютное место.

— Онако, какой красный биргья тебе одел, — восхищенно разглядывали женщины туго завязанную алую косынку Евдокии. Тундра любит этот цвет весеннего полярного солнца.

Евдокия рассказала про день 8 марта, а потом, усадив гостей, взяла гитару и спела несколько песен далекой Волги.

— Онако, лано, — одобрила аудитория.

Тогда Евдокия завела патефон и поставила пластинку с „Интернационалом“.

— Давайте петь все вместе.

Охотно пели. Пели несколько раз, запоминая величественные звуки, которые хорошо петь полным голосом.

За чаем Евдокия разожгла примус и показала женщинам стойбищ, как надо варить компот и кашу детям и как заправлять суп вкусными крупями. А потом женщины разглядывали журналы и находили портреты, о которых говорили коротко, но выразительно:

— Ленин — шибко учугой.¹

— Сталин — шибко учугой.

А потом танцевали, взяв друг друга крепко за руки, притопывая вокруг стола:

— Хейра! Хейра! Хейра!

Стол изображал хорей, танец был тот, что танцуют мужчины тундры в дни весеннего солнцестояния.

Потом постановила женская сходка организовать ячейку МОПР и бригаду для пошивки бакарей, парок и сакуев. А сдавать работу эту Боганиде-фактории, дела вести с факторией — решили женщины. И слух об этом пошел по тундре, как о большом событии.

Когда где-нибудь на стойбище захворает ребенок, мчатся на оленях за советом к Евдокии Дмитриевне. К ней стали приезжать с жалобами, со всеми женскими горестями, радостями, мечтами и женщины нганасанов, неписанный закон которых не велит якшаться женщинам с людьми другой земли.

Евдокия Дмитриевна приехала на факторию 2 года тому назад. На заре полярного лета она встречала первые косяки гусей мушкой винчестера. И когда муж ее Игумнов стоял за прилавком фактории, Евдокия шла на лед Боганидки высматривать сети или уходила в лес на

¹ Хороший человек — на языке племени саха.

лыжах за диким оленем. Водила рукой Соловьева Алексея по ученической тетради. Варила компот и кашу для малышей стойбищ. Говорила со всеми. Спорила насчет того, как лучше песцовую шкурку обрывать, и убеждала снимать ее обязательно с огузка.

* * *

Белая уютная комната. Стопка книг лежит на полке: „Ингулов“, „Тихий Дон“, „Карабугаз“. Но вот нет же ни одной книжки про то, как картошку растить на 71 параллели. Да и написана ли такая?

Евдокия Дмитриевна отправила письмо в Игарку, директору совхоза „Полярный“:

...Мы прививаем националам района деятельности нашей фактории культурные навыки. Ведем дело к тому, чтобы фактория стала подлинным форпостом социалистического переустройства тундры. Здесь, на 71 параллели, на берегу неисследованной реки Боганиды, лето у нас жаркое и солнечное. Летом тундра покрывается самыми разнообразными цветами и травами. По нашим наблюдениям, здесь могут расти овощи так же, как и в Игарке, если наладить за ними хороший уход. Пришлите нам полярные семена: лука, огурцов, редиса, капусты, моркови, репы, салата...

Чисто выбелена комната Евдокии Дмитриевны. Вот и известка. Где ее взять в тундре? Евдокия днями охаживала крутоярье Боганидки и под толстым слоем снега однажды нашла какой-то камень. Белый. Сыпучий, как порошок. Держится на стене. Словом, побелила факторию...

* * *

Фактория на Боганиде-реке — это опора помполита Стефана Демьянчика.

Он встретился на фактории с мужем и женой Игумновыми — скромными энтузиастами Севера. Два года никто не заезжал к ним „из начальства“. Два года люди вели работу в тундре, как умели, не получая газет, будучи оторванными от событий „Большой земли“. Помполит пришел к ним помогать. Он регулярно получает по радио политсхемы Игарского политотдела, размножает их под копиркой и на оленях направляет на факторию. Так, далекая фактория в тундре на пятый или шестой день получила речь товарища Сталина на Всесоюзном совещании стахановцев.

Помполит привлек к общественной работе зимовщиков — комсомольцев Волочанской метеостанции, и те охотно пишут красками плакаты и лозунги для факторий.

Особенность работы Стефана Демьянчика — умение работать с каждым человеком. Он терпеливо беседует в чумах с промышленниками, умело переходя от частных быта к общеполитическим вопросам.

За все это любят помполита в тундре, верят ему, обращаются за помощью, хотят через него знать все о нашей многонациональной стране.

ОЛЕНЬИ ПРОСТОРЫ

I

В тундре нашего Заполярья, быть может более чем в других местах нашего Союза, очевиден расцвет хозяйства и культуры народов Севера.

Те же просторы снегов, но жизнь другая.

Другой стала экономика. Советские исследователи открыли в районе Амдермы флюориты, и теперь там ведутся крупные разработки. Советские геологи установили, что район Воркуты в силах ежегодно давать миллионы тонн угля, и в Воркуте ныне добывают уголь из вечной мерзлоты; углем этим снабжается все заполярное пароходство. На Вайгаче оказался свинец. На Печоре, в Нарьян-Маре, возник мощный порт. Охотничьи и рыболовные промыслы оснащены современными орудиями. Обилие дневного света позволило вызывать огородным культурам в открытом грунте. Рослые и сочные травы на Печоре ныне скашивают, в поймах реки можно увидеть и конные сенокосилки, послушно идущие за тракторами.

Выстроен большой центр самостоятельного ненецкого округа — Нарьян-Мар, город, в котором уже более десяти тысяч жителей, универмаги, столовые-кафе, большие дома.

В тундре работают семь ветеринарных участков и более того медицинских.

Что самое главное — колхозы Харп, Пнок, Нарьян-Ты, Нарьян-Теня, Елей-Ты — переходят на полуоседлость, они строят настоящие жилые дома, склады, базы для промысла. Старику или малому ребенку теперь вовсе не обязательно кочевать за оленьим стадом, как это было раньше. Полуоседлость дает возможность разделять труд: одни — за оленями, другие — на рыбе, третьи — за песцом или морским зверем, четвертые — на промышленных предприятиях. Не отменяя кочевий с олешками, переход на полуоседлость позволил в южных районах заняться оседлым животноводством, огородничеством.

Ныне по округу три оленеводческих совхоза Главсевморпути, более половины кочевых ненцев объединены в колхозы, и около девяноста процентов оседлого населения округа входит в рыболовецкие и смешанные артели.

Естественно-исторические условия как бы подготовили переход оленеводов в коллективные хозяйства: и прежде ненцы объединялись стадами и ходили в так называемой „парме“ двумя-тремя чумами. Сама жизнь заставляла объединяться. Но в этом „содружестве“ чаще всего была очевидная эксплуатация: кулак зазывал в парму даровую рабочую силу. Возникали пармы и вокруг влиятельного родственника (обычно тоже не без скрытой эксплуатации). Но бывало и так: сходились несколько бедняцких или середняцких хозяйств, уговаривались о совместном выпасе, о совместной охоте и рыбном промысле. Талеев Софрон и Талеев Трофим несколько лет ходили в парме, они и явились основателями колхоза Нарьян-Теня.

Раньше оленеводы-кочевники вступали в жестокие споры и драки из-за мест кочевий и выпаса. Ныне колхозы имеют на руках акты на границы своего землепользования, а в ближайшее время они получат акты, закрепляющие за ними землю навечно. Ныне и ненцы и коми

дружно, без тени национального несогласия, работают в одних совхозах и колхозах, будто старой, искусственно разжигаемой розни никогда и не было.

Просторы тундр, в которых терялся взгляд и разум человека, призвали на свои неупорядоченные и стихийные обширности хозяина и творца.

На „краю света“ строится новая жизнь.

* * *

Ни конца, ни края. Можно ехать и сутки и вторые, пока вдали не появится темное облачко — там, значит, чум; так показывается на горизонте океана дымок парохода.

На оленях мы едем по землям колхоза Харп, что в переводе на русский язык означает — „Северное сияние“.

— Скоро приедем? — спрашиваю у спутника, у ненца Федора.

Федор покачал головой:

— Какой ты скоропостижный!

Да, наша страна богата пространствами. Колхоз Харп... шутка сказать — 1 300 590 гектаров. Три градуса меридиональной широты и шесть градусов по долготе! Один колхоз владеет территорией в несколько раз большей, чем Голландия.

Перед глазами легкое колыхание пушистых оленьих задов.

— Эк! Эк! — покрикивает Федор.

Вожак гордо несет копну шерсти и ставит ноги, будто натягивает струны.

Я слушаю великую тишину. Она наполняет тундру всепоглощающим покоем до краев.

Мы направляемся к чуму Федора Соболева. Где-то стоит он под большим тундровым небом.

Тридцать тысяч гектаров приходится по среднему расчету на каждый чум: чум от чума на десятки километров. Но каждый шаг в тундре — человека или оленя, песка или пеструшки, ворона или орлана-белохвоста — оправдан, обусловлен, взаимодейственен. И народ тундры — ненцы живут не менее „тесным“ и сознательным общежитием, чем, скажем, колхозники под Рязанью.

Спускалась ночь, по-осеннему густая, пахнувшая торфяным болотом и первым снегом.

Залаяла собака: упертый черным конусом в черное небо чум — и ничего вокруг.

Федор — бригадир одного из пяти стад Харпа, он старший пастух над полутора тысячами оленей. Федор — стахановец. Федор хорошо знает неписанные законы пастыбы: выпасать оленей — искусство...

...Открывается весна. Пришел Трифон-колотила: с елок падает снег. С первыми пригревами солнца прилетают пуночки, появляются первые лужи, а с ними и белые лебеди. Стадо пасется в лесу, но с каждым днем окарауливать его все труднее: олени рвутся из лесу, откалываются, разбредаются. Олень чувствует весну.

В какой-то мартовский день у ездового быка сваливается рог, бык носит голову набок, мотает головой, чтобы сбросить и второй рог. И тогда на месте отпавших рогов начинают расти бугорки, из которых поднимутся новые ветвистые развилки, похожие на фоне снега на орнаменты тушью. На весенних кочевьях остаются кладбища рогов. Федор позаботился о том, чтобы лучшие, крепкие рога собрать, из них

он наделает наконечников для хореев, рукояток для ножей, пуговиц-застежек. А те, что похуже, сдаст на варку клея, в утиль.

Вот-вот грянет весна по-настоящему. Ее Федор чувствует на своем заветреном лице, которое теперь шелушится, от резкого ослепительного света болят глаза.

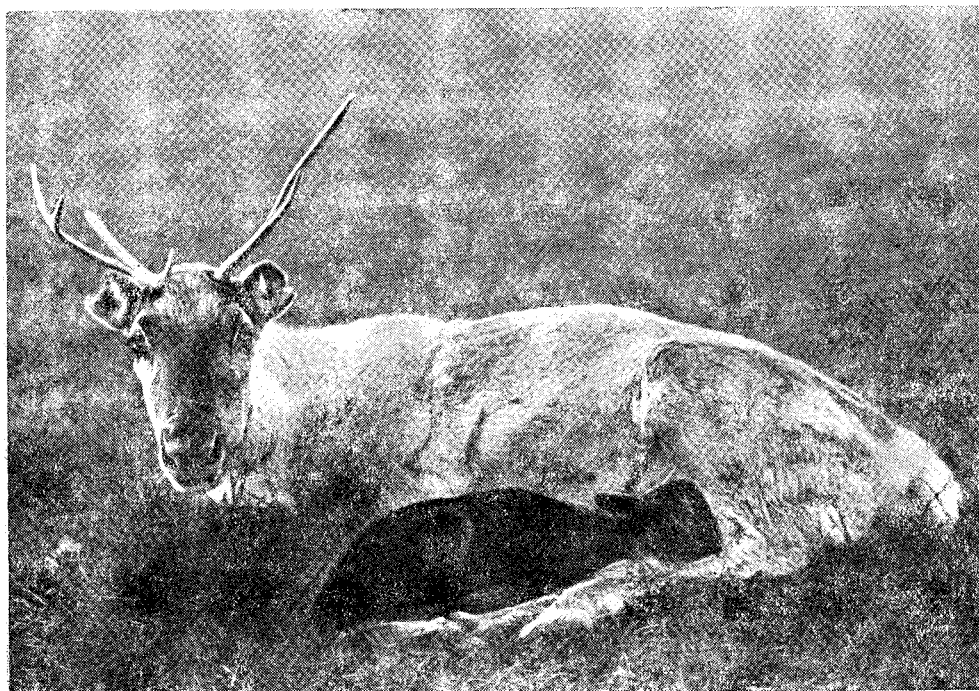
Но прежде, чем покинуть лес, Федору надо закончить немало хозяйственных дел. „Не запасешь полозьев в марте — летом будешь без саней“. А полозья для лета требуются самые что ни на есть крепкие. Федор выискивает „кремневые“ елки, насквозь прогретые солнцем на опушке. Полозья он гнет здесь же, чтоб везти их с собой готовыми. В это же время Федор присматривает по южным склонам стройные березки для хореев, запасается деревянными ошейниками, они вскоре понадобятся для обучения молодых быков.

То там, то здесь кочки оголяют свои лысины. На проталинах пробивается зеленая пушица. Пока стадо движется по лесу, Федор спокоен, но вот лес начинает редеть и мельчать, нужно выходить в открытую тундру.

Федор отправляется на разведку: выскочишь без времени — угодишь на бескормицу. Если и в открытой тундре зачернели варуи,¹ — трогай без опаски: заморозит — корма хватит на проталинах.

Перед тем как двинуться из леса, Федор обязательно проверит работу своей бригады на зиму. Это не так легко — пересмотреть всех оленей. Один из пастухов уходит на лыжах в сторону и кричит:

¹ Проталины.

Важенка с новорожденным теленком

— Хоо! Хоо!

На призывный клич поворачивают головы вожак, они идут к пастуху. Удивительно, как подчас зверь понимает человека. Следом тянутся и остальные олени. Федор стоит, укрывшись за елкой, и отмечает ножом на палке:

— Стельная важенка! — она осторожно, с неловкостью переставляет ноги, живот у нее круглый.

— Яловая! — она поджарая, в хорошем теле, бежит легко, беззаботно.

Когда подсчет закончен, Федор обходит с пастухами все капище: нет ли отколовшихся оленей.

Наконец, стадо потихоньку трогается в далекое путешествие. Впереди — ездовые быки, в хвосте — стельные важенки.

Прямая в тундре — не всегда кратчайшее расстояние между двумя точками. Выбор маршрута — искусство Федора. Он точно знает, как пойдет и в какое именно время попадет на место отела. Стадо он поведет так, чтобы олени не растрясали по пути своей упитанности, он не пустит оленей через глубокие воды, а перейдет реки или по льду или по неглубокому броду в июне.

Снега жадно глотают солнце. Ездовые быки летят по асфальту наста стрелю. Снег блестит, как полированный.

Весною нередко над тундрой орланом-белохвостом проносится внезапный буран. Самое же страшное: после дождей и туманов мороз так крепко сковывает снег, что образуется мощная ледяная корка, разбить которую олени не в силах. Гололедица — бедствие, катастрофа. Федор следит за тем, чтобы поблизости была необледеневая монга на торфе: в ней все спасение. А от ветров он во-время укроется, поджав стадо к большому холму.

Олени на очередной лежке. Пережевывают жвачку. Но вот стадо поднимается, чтобы идти на новые поиски пищи. Поднимаются не все: начинается отел. Тут уж не поспишь. Стадо растягивается километрами на пять. Молочного теленка может ворон заклевать, песец старается тоже поживиться, того и гляди, чтоб из ляги не выскочил волк. А то пожалуй и сам мохнач.¹ Подойдет вперевалку к теленку, хватит его лапой — и дальше, подойдет к другому — опять лапой: он редко ест их, больше развлекается после зимнего сна, выйдя из берлоги.

Солнце в эти весенние дни не спит по суткам. Не спят и пастухи. Для учета приплода Федор клеймит новорожденных. Сколько раз Федору приходится сбрасывать малицу, засучивать рукава и превращаться в акушера, помогая растелу. Иная важенка — плохая мать, не кормит теленка, бросает его. Тогда Федор осторожно, не голыми руками, чтоб не оставить запаха человека, подносит теленка к вымени матери, которую берет на вязку.

Важенки понемногу оправляются. Быки рвутся к северу. Но надо дать окрепнуть телятам. И беда, если олени увидят на том берегу зеленую пушицу, — они кинутся через реку вплавь. Если в ледяной воде искупаются телята — верная гибель от простуды. Следи в оба!

В чуме Федора Соболева висит плакат: „Борьба за сохранение молодняка — борьба за рост поголовья“, „Отел — важнейшая хозяйственно-политическая кампания в оленеводстве“. И то, что колхоз Харп за весну 1936 года по всем пяти стадам почти не имел потерь молодняка, —

¹ Медведь.

результат стахановской борьбы опытных бригадиров — Федора Соболева, Григория Соболева, Ильи Явтыся.

Пока телята подрастают, Федору другая забота: обучить новых ездовых быков, подготовить смену. Дело хлопотливое, требующее большого умения и терпения. Молодым быкам надевают деревянные ошейники, к ошейникам привязывают груз — длинные березовые поленья. Полено мешает бежать, бьет по ногам. И вот гонят обучаемых бычков в юрок. Потом бычка пускают пелеем в упряжку. Иной сразу бежит как оголтелый, иной валится. Непослушного привязывают за веревку к нартам, тащат волоком. Затем снова гонят в юрок, снова запрягают пелеем. Еще более сложное дело — воспитание передовых, ведущих быков. Когда бычок уже обучен ходить в упряжке пелеем, с ним едут к чуму. А от чума, запрягая его передовым, пускают к стаду. И он бежит по старой лыжнице что есть духу. Федор ловко действует хореем, приучая передового поворачивать то влево, то вправо. Но бывает, что ворвется иной ретивец в стадо и всех оленей распугает.

В эти дни Федор меняет полозья у нарт, вставляет новые спицы, ездить придется по кочкам — сани для лета нужны добротные. Готовясь к летнему кочеванию, лишний груз оставляют на весновках, с собой берут только то, без чего нельзя обойтись. Женщины чинят зимний чум. Оленья мделают прививки.

Все чаще небо посылает на тундру теплые дожди. На озерах видимо-невидимо налетевшей с юга птицы. Тундра все пышнее обряжается в зеленую одежду. Зацветает морошка. От белых ее цветов тундра как в снегу. Тучами нависают комары. Появляются оводы и слепни. Жаркое тундровое лето. Как легко неопытному пастуху погубить все стадо в этот тяжелый для оленей „знойный“ месяц!

...Это было лет шесть назад. Пастушил стадо отец Федора, Ефим Васильевич. День был жаркий. Ефим Васильевич сидел на бугре и по-стариковски дремал. Солнце припекало, и от земли поднимались струи прогретого воздуха. Открыл глаза Ефим Васильевич в ужасе: смотрит — все стадо лежит замертво. Так почудилось ему. Не помня себя, Ефим Васильевич вскочил, помчал к чуму. В чуме тоже переполох: дед, Василий Антонович, видел на небе всадника. Дед истуепенно кричал:

— Холера!

Сибирская язва уносила в старые годы целые стада. И поныне сохранились долины смерти — у Каратайки, у реки Местной. Оленевод в страхе спешит миновать эти долины, заваленные костями. На памяти деда не раз заявлялась к оленям холера, так зовут в тундре сибирскую язву. И всякий раз она приходила в те годы, когда в тундре случались миражи.

И вот опять всадник на небе, значит — мор. В это жаркое лето ждали мора. А впрочем, два слова о миражах: ведь показалось однажды писателю Чехову облако, похожее на рояль. Почему бы не показаться тому же облаку в виде всадника с занесенным над оленями мечом? Чего-чего, а фантазия у деда не бедна. Пастухи ходили, как черной ночью, — с опущенными головами, мрачные. Спустя несколько дней семь оленей пали. С самолета, прямо с неба, спустился в тундру ветеринар. Его встретили хмуро, неприветливо. Врач долго не мог добиться ни слова.

— Ты — не бог! — крикнул дед и затоптал непослушными ногами.

Но оленям сделали прививки: уговорил Федор. Заподозренных, слабых оленей отделили. И мора не случилось.

Врач, работающий в тундре и по сей день, рассказывал мне, что миражи в тундре бывают в особо жаркое лето. В жару олени плохо едят, овода и комара полчища, олени кружатся на месте, ослабевают, глубже прогревается земля, усиливаются процессы разложения в почве; в такое время широкий простор для инфекций. От сибирской язвы стада гибли с такой же молниеносностью, как соломенные избы русских деревень от пожаров.

Федор прекрасно видит и слышит приметы природы, а новая жизнь делает его все более знающим. Вот Федор встает летним утром. Он непременно взглянет на огонь в очаге, на шесты, обкуренные сажей. Если огонь желтый, а по шестам змейкой пробегает загоревшаяся сажка,—день будет жаркий, сухой. Значит, жди налета овода,—стадо надо поднимать на холмы.

Если огонь красного цвета, а сажка потная,—день будет влажным. Значит, береги стадо от комара, двигай стадо на сухой торф, на открытое место, где ветер прибьет комара к земле. Так Федор расшифровывает загадки тундры.

Осень. Стада передвигаются к зимовке. Федор замечает: дым из чума стелется к земле. С запада тянет слабый ветер.

— Сырая погода будет,—решает Федор.—Смене надо сказать, чтобы шла с оленями к ручью, там надежная ляга. Как бы не была ситуха.

И в самом деле, на следующий день ситуха: то дождь, то снег, то потеплеет, то приморозит. Шерсть у оленей слепилась в замерзшие колтуны, олени седье—в инее, между рогами ледяные глыбы. Олени носятся по ере, бьются рогами о кусты, чтоб сколоть лед, трутся боками, чтоб ошарстать себя.

Осенью пастушить оленя трудно. Ночи темны. Ничего не видно. Только постукивают да позвякивают ботала. Пастушат на слух. Вот ботала встрепнулись. Федор кидается зажигать костры: волк расколает стадо, тогда ищи в тундре ветра.

Федор знает оленей наперечет. Большое умение надо, чтоб издали (олени-то ведь полудики) на-глаз определить, какой олень болен. Хворого оленя лучше забить с осени, когда шкура без свищей, мясо более упитанное и кость мозговая, а не водяная.

Впереди густосиние холмы. Осенний горизонт в сухой день раздвинут прозрачным, чистым воздухом до предела. Кажется, что за синевой холмов конец земли. Но подойдет к холмам, вдали опять синее полотно, и по нему черные росчерки—елки.

Федор ведет стадо через проходные пастбища. Здесь, меж холмов, он прячет оленей от ветров, от ситухи. Здесь еще много корма: в лягах дольше задерживается снег. Корм этот доступен только в осеннее время.

С каждым днем усиливаются ветры, уплотняется снег. Оленю все труднее добывать себе пищу. Пора подходить к лесу. На тундру ложится долгая зима.

Рассвет сгущается в сумерки, сумерки падают в ночь. Ночи теперь длинные, как зима. Сполохи плещут с края неба, они рассекают его, как крылья лебедей.

Но что с оленями? Они понюхали ягель—и прочь. Федор достает лопатку и то тут, то там разгребает снег. Берет ягель в руки, смотрит на свет: на ягеле кристаллы льда. Обмерзший ягель олень, конечно, есть не станет. Федор соображает: перед снегопадом шли дожди, затем внезапно схватил мороз. Вот и задача сейчас—скакать вперед, искать

места, где ягель не обморожен, дожди-то ведь шли полосой. Спасение — на монге.¹ Ветер создает каверзы, но он же приходит и на выручку, он и обледенит монгу, он и разрыхлит.

Район зимовки Федор знает заранее. Он давно оценил запасы кормов. Теперь он спешит проверить.

Наконец, стадо входит под защиту леса. Здесь свои опасности и заботы. Известно: ягель беден солями. Олени ищут наслуды — смерзшийся желтый снег, пропитанный солью. Олени стремятся к реке, они разбредутся по ней в поисках наслуд у ключевин. Федор сам позаботится о наслудах.

Федор кружит на лыжах вокруг стада. Нет ли откола? Вот в стороне он замечает следы, — сколько же ушло? Федор бежит по следам. Видит: олени нюхают, значит чувствуют стадо, значит вернутся сами. Но хуже дело, когда откол не на ветру. Тогда Федор возвращается, отыскивает вожака, ведет его на вязке к отколу и пускает — тот приведет.

Федор ходит на лыжах по лесу и постукивает палкой по елкам, осыпая с них снег: волк пугается и следов лыж и необычных в зимнее время черных елок. А то навяжет по елкам цветных флажков, пропитанных керосином.

Если Федор ездил в гости в соседний чум, то на нартовой лыжнице он непременно поставит пугало: палку, а на ней совик, не ушли бы олени. Бессилен Федор против росомах, те кидаются на оленя с дерева, и с ними ничего не поделаешь...

¹ Сухой торф.

Олень добывает из-под снега ягель

II

У колхоза Харп две оседлых базы.

Одна — с жилыми домами, длинным, хорошо утепленным коровником, конюшней — приютилась на правом берегу Печоры, в Коряговке. Это километров семьдесят вниз по течению от Нарьян-Мара. Коряговка — база оседлого животноводства: 30 голов крупного рогатого скота, 40 овец, 7 лошадей. На наш взгляд это нивесть какое хозяйство, но возникло оно три года назад: а кругом кочки, немеренные пространства, в которых теряется не только человек, но и зверь. Кочевые ненцы Большой земли никогда не имели оседлого скота, не знали ни своего молока, ни масла, ни сметаны. А ныне, когда уходят на промысел рыболовецкие и охотничьи бригады, их снабжают молочными продуктами. И если колхозник начинает сдавать здоровьем, поправляться его посылают в Коряговку, как в дом отдыха.

Летом скот выпасается на тучных пойменных пастбищах, зимою он на стойловом содержании. Вокруг Коряговки сельскохозяйственные угодья Харпа — сенокосы, выгон.

Вторая база — с левой стороны Печоры, на реке Ортино. База эта так и зовется Ортино. Большой срубный дом в восемь окон, высокий добротный склад, баня с плотно и чисто пригнанными углами — стоят на возвышении. Под ними мягкая излучина реки с песчаным откосом, с противоположного берега в тихую заводь задумчиво глядятся ивы. Выбирая это место, ненцы, надо полагать, руководствовались не только соображениями экономики, но и эстетическими: не верится, что ты в тундре. В Ортино — контора колхоза, живут председатель, счетовод, работники склада и магазина, временами живут и охотники и рыбаки. Сюда свозят всю продукцию от оленей, пушнину, добытую на охоте, из всех бригад сюда приезжают за продуктами и товарами, здесь же происходят собрания. Ортино — центр Харпа, оперативный штаб.

Однажды мы сидели в большой комнате конторы. Было много народа. Полутораведерный самовар пыхтел на столе, как грузный человек, долго бежавший за упряжкой. На тарелках — свежая, с янтарным жиром семга; кончив путину, рыбаки завезли в Ортино десяток огромных бочек с семгой для довольствия колхозников. Мы ели таявшую во рту семгу и пили обжигающий чай. Тундровые жители способны пить чай без конца. То ли из солидарности, то ли после семги, но и я, вообще говоря не большой энтузиаст по чайному делу, пил чашку за чашкой.

За хозяйку была сестра Ильи Явтысыя — Аннушка. Она без устали наполняла наши чашки, подвигая каждому то печенье, то белые сушки, то конфеты. Иные ненцы сидели на полу, поджав под себя ноги накрест. От чая прошибал пот: спускали пояса, сбрасывали малицы. Тут же у стола вертелись ребяташки Талеева — востроглазый постреленок в красной сатиновой распашонке и славная девчушка, с лукавой ямочкой у губ. Они мяли в руках крымские, с красным бочком яблоки, привезенные отцом из Нарьян-Мара, и не знали, как с ними обращаться.

— Смотри, как бы не лопнуть, — посмеивался Илья Явтысый над счетоводом. — Гляди: не выдержишь.

Аннушка наливала ему пятнадцатую по счету чашку.

— Одним животом не проживешь, — сказал счетовод.

— Наш счетовод — голова, — заметил Явтысый. — Нам нельзя жить без счетоводов.

Федор Соболев встал:

— Пожалуй, довольно. Как бы и впрямь чай в голову не ударил, а мне еще цифры записать надо: станут спрашивать на съезде, а Федор Соболев ответить не может. Про свое стадо Федор Соболев — хоть ночью разбуди — скажет, а надо по всему колхозу. По своему стаду что: у Федора ни волк, ни росомеха в этом году не взяли ни одного оленшка, у него и дикие олени не отогнали оленшек. Верно говорю?

Ему никто не возразил. Все понимали, что Федор знает тундру как родную мать. Федор Соболев избран на краевой съезд советов, и он хотел для возможных справок кое-что записать.

Счетовод притащил гроссбухи. Первый вопрос, на который надо ответить точной цифрой: как росло колхозное стадо? Счетовод назвал цифры из годовых балансов:

— 1932 год 5133 оленя, 1933 — 5038, 1934 — 5999, 1935 год 6841 олень.

— А сколько же оленей у вас теперь, на сегодняшний день? — спросил я у счетовода.

— Этого сказать пока не можем. Хоть забой и кончился, но два стада еще не пересчитаны. А как скажешь без двух стад? Да еще до конца года и потери возможны.

— Около восьми тысяч будет, — предположил Явтысый.

— Так, пожалуй, — согласился Талеев.

— А сколько оленей было, когда организовали Харп? — спросил я.

— Занимали мы колхоз в 1930 году, — как бы нехотя роясь на дне памяти, ответил Талеев. — Что ж, тогда нас было двенадцать хозяйств, свели мы в кучу 860 оленшек, вот тебе и весь колхоз. Правильно, Федор? Ну, вот. А теперь в колхозе сорок одно хозяйство, да и олени год от года прибыток дают, так что как будешь сравнивать?

На клочке бумаги я проделал интересный расчет: при организации колхоза на каждое хозяйство приходилось по 71 оленю, а теперь, спустя пять лет, по 167 оленей — больше чем вдвое.

— А как же ты думал? — строго сказал Явтысый. — Елки в лесу растут, а оленшки не будут расти? Пройдет еще пять лет — по триста голов будет, к тому идет.

— Но позволь, — вспомнил я, — тысячу оленей вам ведь дали со стороны.

— Кто тебе сказал?

— Тысячу оленшек мы получили, — подтвердил Талеев, — это верно. Но мы за них все до копейки заплатили. Когда вышел закон о списании долгов, то с Харпа списывать было нечего, все было уплачено. Значит, эти олени — тоже наш колхозный труд.

Федор Соболев потеснился на край стола. Он записывал:

„Прививки сделаны всему поголовью, уничтожено вручную 88 256 личинок овода“...

Ничего себе — 88 256 личинок! Да, в Заполярье действует пока что рычаг первого рода: есть личинки — их нужно выдавить. У нас имеются электрические приборы, при помощи которых можно доить коров, но здесь пока что нет электрических оводоводителей, единственный механизм — заботливая человеческая рука.

Пока Федор Соболев вписывал в тетрадь справки, я перелистывал акт землеустройства. В нем сказано: „... предоставить Харпу право

охотничьего промысла на всей закрепленной территории, кроме того к востоку от своего участка до Урер-яги и Табров-хоя — право морского зверобойного промысла по побережью Печорского лимана и Болванской губы, — для лова красной рыбы закрепить тони: Подъизбенную, Кутню, у Коряговки, у Кельги, для промысла белой рыбы закрепить: реку Сухую Неруту, озеро Юндо, Ковалевские озера, реку Ячей-ю и Поповские озера“...

Затем мы занялись общей доходностью колхоза по годам. Получили такую картину:

1932 год	62 000 руб.
1933 „	82 000 „
1934 „	107 000 „
1935 „	144 000 „

Число трудоспособных колхозников за последние четыре года увеличилось на тридцать процентов, а общая доходность Харпа возросла за те же четыре года до 234%, — разве это не прямое свидетельство роста благополучия?

Меня интересовали не только эти общие цифры. А как в то же время развивались промыслы? И тут выяснились любопытные обстоятельства: доходность от оленей с каждым годом растет, а удельное значение падает за счет рыболовства и охоты. В 1932 году доходы от оленей составляли более 85% всего колхозного дохода, а в 1935 году — только немногим более 50%. Таким образом переход на полуоседлость и разделение труда сказались уже с полной очевидностью.

Удивительное дело: когда счетовод нечаянно ошибался в цифрах, ненцы отовсюду кричали:

— Неправильно! Полозья скрипят! Не туда нарты идут! Вертай обратно!

Они знали основные показатели на память.

Федор упарился. Тетрадь в его руках как бы сама собой свернулась. Счетовод принял вид равнодушия. Ненцы замолкли.

Тогда я спросил:

— Куда вы деваеете продукцию? Кому продаете?

— Как куда? — отвечал за всех Талеев. — Раньше возили на базары, сами торговали. Оленей мучили, людей от дела отрывали. Плохие мы торговцы, не раз в лапы спекулянтов попадали. А теперь почти все сдаем государству: выгоднее, и хлопот меньше.

По grossбухам мы тут же установили, что в 1935 году государству была сдана вся продукция от охоты и 85% от оленеводства. Долго мы не могли отыскать нужных цифр по рыбе, я удовлетворился сведениями за 1934 год:

Сдано государству	на 35 667 руб.
Продано на базар	1 748 „
Выдано ловцам	1 666 „
Выдано оленеводам	660 „

— Яков Тимофеевич, — обратился я к ненцу, сидевшему на полу и молча нюхавшему зеленый табак, — Расскажи, какая у тебя семья, какое имел хозяйство до колхоза и сколько заработал, ну, скажем, за прошлый год?

Из односложных его ответов установили, что у Ледкова Якова Тимофеевича до вступления в колхоз было 59 оленей, постоянно при

нем работают два сына — Николай и Алексей. Семен же и младший Алексей учатся в педтехникуме, Яков и Анна учатся в Тельвиске.

За прошлый год Яков Тимофеевич заработал:

От оленеводства . . . 6945 руб.
От рыболовства . . . 148 „
От охоты . . . . . 550 „

Старик сам ходил на песца и сам ловил на подледке белую и серую рыбу. Но старик стар, прыть не та. И все же заработок — 7643 р. Кроме того, как и у каждого колхозника, у него 30 оленей в личном пользовании.

— Ну, как, раньше или теперь тебе лучше, Яков Тимофеевич?

— Почто зря спрашивать? — улыбнулся старик. — Вот ты пьешь с нами чай, и мы пьем крепкий чай каждый день, всякого гостя чаем угощаем. А прежде-то сшибали с берез грибки, строгали их, сушили — вот тебе и чай, вот тебе и жизнь. Что говорить, теперь только жизнь и начинаем видеть. А чтоб ее видеть лучше, я в своем чуме настоящие окна затеваю, как вот в этом доме. Понимаешь?

Была уже ночь. Мы расходились — кто спать, кто в баню, кто в магазин. Вслед за Яковым Тимофеевичем и я зашел в магазин, если можно так назвать небольшое, складского типа помещение, с прилавком и полками, освещаемое фонарем „Летучая мышь“. В беспорядке на полках лежали самые различные товары. Повсюду ящики и тюки, пробравшись к прилавку нелегко.

Колхозный магазин работает тогда, когда есть к этому необходимость.

Яков Тимофеевич выбирал кожевенный товар: ночью он собирался ехать обратно к стаду. Отобрав юфти и гамбургского товара, ткнул пальцем в пестрый — красное с белым и зеленым — женский джемпер.

— Посчитай и эту, — сказал он, даже не взяв джемпер в руки. — Да еще чуть не забыл: сын наказывал какого-то не то тадону, не то колону, знаешь — пахнет на весь чум.

Ездовые олени, собранные в круг из саней

— Одеколону? — догадался продавец.

— Вот, вот, этого самого.

Яков Тимофеевич обнюхал со всех сторон флакон „Жасмина“, поднял подол малицы и сунул его в карман штанов.

— У меня к вам, дорогой товарищ, просьба, — сказал я продавцу, когда Яков Тимофеевич вышел с товаром к нартам, — не можете ли сообщить, на какую сумму вы приобретаете товаров для колхоза? В частности, в этом году.

Продавец, грамотный ненец, ведущий сам и счетоводство по магазину, смутился. Ему, видимо, было неприятно — за этот год он не может назвать цифр:

— Много товару еще не принято, счета не получены, в книги не занесены. Одно могу сказать: в этом году товаров мы закупили раза в полтора больше, чем в прошлом.

Из-под прилавка он вынул книгу.

— В прошлом году здесь вот все товары по сортам.

Было уже поздно, не хотелось задерживать продавца, закопченная „Летучая мышь“ чуть мерцала, — я решил эти длинные записи отложить до другого раза. Но в руки попалась сверочная выписка, присланная кооперативом „Варандей“. Кооператив сообщал об отпущенных Харпу товарах в 1935 году. И пока продавец перекладывал пласты кожи с прилавка на полки, я переписал эту выписку себе в блокнот. Вот, что закупил Харп в том году от кооператива „Варандей“:

Мука белая и ржаная	6960 руб.
Хлеб печеный	6072 „
Сухари ржаные	13340 „
Печенье	1513 „
Крупа разная	395 „
Конфекты	6167 „
Сахар	5415 „
Чай байховый и кирпичный	7875 „
Масло сливочное	960 „
Соль	1309 „
Мануфактура	1090 „
Охотничьи припасы	1898 „
Материалы для рыбопутины	17470 „
Разный хозяйинвентарь	7168 „
Патефоны	400 „
Часы-будильники	17 „
Швейные машины	360 „
Одеколон	40 „

Итого 79 049 руб.

Казалось бы, что особенного в этом привычном для нашего глаза списке продуктов и предметов обихода? Но для тех, кто знал старую тундру, этот перечень прямо-таки поразителен. Кочующие ненцы совсем недавно научились потреблять хлеб, в общий рацион он вошел лишь после революции. А теперь один колхоз от одного кооператива за один лишь год закупил хлеба в разных видах почти на тридцать тысяч рублей. Только сказать — конфект, сахара и чая куплено на девятнадцать тысяч! А сколь замечательны в этом списке швейные машины, патефоны!

В прошлую мою бытность в тундре мне довелось в одном чуме видеть будильник. Подаренный Иваном Павловичем Выучейским будильник шел, пока не кончился завод, а затем, вплоть до моего приезда, три года стоял как украшение, никто не умел с ним обращаться. В эту же поездку во многих чумах гостеприимные колхозники развлекали меня, заезжего человека, музыкой патефона. А в одном чуме я даже слушал радио: хорей в землю — антенна, топор — заземление. Вокруг — необъятная голая равнина, чум стоит на ней как гриб, а под грибом... музыкальные мелодии. Музыка на „краю света“ не та музыка, которую мы слышим в наших городах, здесь она по-особенному торжественная и облагораживающая. И какое величайшее значение приобретает в этих оторванных от мира районах радио:

— Алло, алло! Говорит Москва. Водопьянов вылетел с Земли Франца-Иосифа... Мятаж в Испании... Германские фашисты провоцируют войну... Обсуждение новой Сталинской Конституции...

И чувствуешь, как велик мир, как близок он.

Пока мы чаевничали, на тундру лег снежный покров. Вся равнина затянулась белой пеленой. Кусты, камни и кочки, покрывшись пушистым снегом, приобрели чудовищные очертания. Тонким морозным облаком плыл над тундрой Млечный путь.

III

Нарьян-Мар отстроился у 68 градуса северной широты. За домами — кочки, ера.

В универмаге, который стоит на Оленней улице, в большом магазине, возникшем у вечной мерзлоты, я слышал такой разговор:

— Вам какого картофеля, привозного или здешнего?

И я, приезжий человек, удивился, я спросил у покупательницы: о каком здешнем картофеле идет речь, не в тундре же он растет?

— Совершенно верно, в тундре. Взгляните, вот картофель наш, тундровой, он крепкий, крупный, чистый.

На вид и на ощупь он был превосходен. Но, быть может, он плохого вкуса?

— Что вы! — обиделась женщина. — Мы его очень уважаем, особенно он хорош, когда его жарить.

— У нас тут бабочка есть одна, Мария Ивановна, так это все ее старания, — вмешался в разговор продавец, — большая голова в овощных делах. Очень, скажу вам, способная бабочка!

Как литератор, коему профессией положено обращаться к первоисточникам, на следующее утро я двинулся в поиски этих первоисточников, т. е. к Марии Ивановне Лукиной и на зональную станцию Главсевморпути, которая, как мне сказали, тоже занимается овощами.

Мария Ивановна — директор пригородного подсобного хозяйства при Печорском лесозаводе. Находим ее. Крупное белесое лицо ничем не выделяло ее среди колхозниц Севера.

Когда возникла мысль о тундровых огородах, пугала вечная мерзлота. И какова была радость, когда в первый же год картофель дал урожай сам-три. Марию Ивановну таскали по заседаниям, говорила она скупое, нескладно.

В 1936 году она собрала овощей с пяти гектаров. Картофель дал сам-десять. Кроме того — турнепс, брюква, свекла, репа, редис, морковь, капуста, чеснок.

В поисках первоисточников попал я и на зональную станцию, расположенную в километре от города. Главное назначение станции — изучение оленеводства, но С. М. Кузин и В. М. Кругликов занимаются и заповярным овощеводством.

Кругликов рассказал, как они обращаются с картофелем. Они подбирают устойчивые сорта, подвергают яровизации, т. е. раскладывают семенной картофель тонким слоем в ящики, выставляют ящики в теплицу под действие света и высоких температур (до 25 градусов), благодаря этому появляются ростки — толстые, зеленые. В июне высаживают картофель в грунт, зацветает он в середине августа, сбор урожая начинают в конце сентября. Лучшая делянка, в пересчете на гектар, принесла 230 центнеров.

И что замечательно, почти нет сорняков, заболеваний, вредителей: воздух в тундре стерильный.

Кругликов работал перед этим в Мурманске. Овощевод говорил, что обработать площади здесь легче, чем в Мурманском округе, где земля сплошь в камнях, там обработка гектара обходится до пяти тысяч рублей, здесь же — не более одной тысячи; что капуста № 1 и „Вольватъевка“ дала кочны до четырех с половиной килограммов; что ни в Белоруссии, ни в Ленинградской области он не встречал такой хорошей брюквы.

На огород завылся в полном составе окружной съезд советов. Ненцев заинтересовал зеленый лук в полметра высотой, они спрашивали: как сеять? Ненцы в первый раз в жизни ели красные помидоры. И тогда, на огороде, состоялось решение съезда: организовать в Нарьян-Маре курсы по овощеводству для колхозных бригадиров. Ненцев привлекли цветы — астры, гвоздики, левкои, распространявшие нежный аромат. И здесь же, на огороде, съезд постановил о том, чтобы на курсах обучали также делу разведения цветов. Так картошка и левкои лишний раз подтвердили мысль об оседлости.

Однажды мы сидели с Марией Ивановной на бревнах у городского сквера и мечтали о садах в тундре. Почему, мол, не взять в полукультуру морошку, очень капризную в своем диком произрастании? Что с нею будет, если защитить ее от тундровых ветров, если внести минеральные удобрения? Почему не развести в саду черной смородины, голубики, земляники? А ведь тундровая смородина имеет крупные плоды, и недаром в иных местах она зовется „алданским виноградом“.

Природа щедра и расточительна. Наряду с кокосовыми пальмами, с хлебным деревом, с апельсином, в одинаковом уходе и заботе со стороны природы чернеет своими бусинками тундровая смородина, желтеет морошка. Нужен только отбор, нужна заботливая рука. Тундра трудно дается в руки человека. Она требует пота, чрезмерного труда, равно как и больших капиталовложений. Для тундры нужны люди, любящие Север, советские робинзоны.

Мария Ивановна пришла в тундру с опытом Лежского района, Кругликов и Кузин пришли от науки, они встретились в Заполярье на общем деле, они взаимодействуют. Кому приходилось говорить с ними, тот наблюдал, как всякий раз их лица загорались: что для обычного человека просто интересно и любопытно — для них важнее важного и выше высокого.

Каждое дело дается легко человеку, если он его любит, если он вкладывает в это дело неугасающую ни при каких неудачах страст-

ность. Так, знаменитый Мичурин был одно время часовщиком, потом почтовым чиновником, но он прежде всего был селекционером, растениеводом, каким он навсегда останется в памяти человечества.

Я спросил у Лукиной:

— Что ж, Мария Ивановна, к себе в Лежский район думаете возвращаться?

— Ну, что вы! — отмахнулась она. — Разве уйти от огорода? Тундра стала родной.

И. Е. ГЕХТМАН

ОГНИ НАД ЛАНКОВОЙ

Зеркальная лента реки Ланковой, начисто подметенной северным ветром, разрезает надвое бесконечную мелкорослую тайгу. Снег в тайге рыхлый, и мы с фельдшером Буленко проваливаемся в него по колено, набивая полные торбоза.

Чахлые лиственницы бережно закутаны в снег. Нет ни тропинок, ни дорожек. Особенная лесная тишина, которую хочется слушать, как далекую музыку.

На снегу — сотни мелких крестиков.

— Куропатки, — говорит Буленко. — Тут вот они присели и сделали перелет... Только что поднялись... Вот лисий след... Должно быть самец прошел... У нас тут сиводушки и крестовки ходят. В прошлом году и чернобурых ловили.

У фельдшера Буленко, живущего много лет на Колыме, — зоркий глаз охотника. Пустая и мертвая для меня тайга живет для него напряженной жизнью.

Но вот и я замечаю нечто останавливающее на себе внимание: на сучке лиственницы висит пара резиновых „метростроевских“ сапог.

— Откуда здесь сапоги? — удивленно спрашиваю я Буленко.

— А это кто-нибудь из артели оставил. Летом носил, а к зиме решил оставить здесь. Весной придет и опять возьмет.

— Как, прямо так здесь и оставил?

— Ну да, кто же их возьмет!..

Еще километр тайги. И снова неожиданность. Среди деревьев стоят бревенчатые козлы. На них дорожные мешки, одеяла, охотничьи лыжи, силки. Рядом на дереве висит американский винчестер в футляре из нерпичьей шкуры. Тут же на сучьях развешаны женские меховые костюмы — „таты“, художественно расшитые голубым бисером. Невдалеке виднеется юрта, покрытая „рондугой“.

— Это — Хабаров, старый наш артельщик, — объясняет Буленко.

— Почему же ценные вещи висят в тайге? Почему он не держит их в юрте?

— Для безопасности, — отвечает Буленко, — в юрте может начаться пожар, вещи сгорят, а в лесу никто не тронет.

Юрта Хабарова — незамысловатое сооружение из наклонных жердей, обтянутое превосходной оленьей замшей.

Нагибаемся и влетаем в юрту через низкую замшевую занавеску, прихваченную жердью, чтобы не проходил ветер.

Семья Хабарова занимается чаепитием. У костра на земляном, покрытом сучьями полу лежит дощечка. На дощечке чисто вымытые чашки, жестяной чайник, белый хлеб, сахар и юкола. Хозяин, Григорий Васильевич Хабаров, предлагает нам принять участие в чаепитии. Рядом с ним сидит брат его жены. Девятнадцатилетний сын владельца юрты Василий Хабаров чинит „черканы“ — силки для ловли горностая. Григорий Васильевич представляет нам остальных членов семьи: жену Агафью Васильевну, дочь Агриппину, работающую помощником повара в интернате артели, и еще двух дочерей: Матрену Григорьевну и Марию Григорьевну.

Во-всю дымит костер. Шипят сырые коряги, дым валит в отверстия юрты. Теплые шкуры, спальные мешки — „кукули“, меховая кибитка для грудного ребенка, „таты“, украшенные бисером на стене.

Есть в юрте кое-что и не совсем обычное. Висит на сучке объемистый портфель, а на полу лежат несколько книжек и среди них Политграмота Ингулова.

Вещи эти принадлежат Василию Хабарову. Молодой, веселый юноша. Он учился в Магаданской советской партийной школе. Василий живет в юрте, охотится, бьет без промаха белку, сутками выслеживает зверя по едва приметному следу, ставит „черканы“ на горностая. Вечерами же отправляется в школу и вместе с председателем артели, тоже Хабаровым (половина Бараборки — Хабаровы), прорабатывает в тунгусском комсомольском кружке политграмоту.

* * *

Жизнь тунгуса или юкагира-кочевника в прошлом полна была опасностей, изнуряющего труда и лишений. Он бродил неделями по тундре, ночуя у костра на снегу, потому что, если не будет белки и лисицы — значит не будет чая, не будет муки. За „мину“ — спирт он отдавал все, что имел. „Мина“ давала ему обманчивый суррогат „радости“.

Врач Бабцев из Сиглана рассказывал мне, как до революции происходила ежегодная процедура обирания беззащитного „сына природы“ эмиссарами царя, церкви и капитала.

Ежегодно на Ольскую ярмарку из Бараборки, Удликана, Маякана, Сиглана съезжались тунгусы и камчадалы. На площади стояли лавки, трактиры и церковь. Пускали на ярмарку „туземцев“ только после уплаты ясака — подати, установленной чуть ли не во времена царя Алексея Михайловича. Ясак был „невелик“: четыре с половиной копейки с души, с юрты, примерно, копеек двадцать. Но уплачивались эти копейки белками по цене 1690 года, примерно по три белки на копейку. Да еще столько же белок надо было отсыпать ольскому уряднику.

Потом шли попы. Попы стекались, как коршуны на пададь, со всего края. Приезжал даже архиерей из Владивостока. Тунгусов крестили, женили, хоронили, отпевали — чохом, за год сразу. За крещение платили лисицу. Отпевание — десяток белок. За похороны — сиводушку. Молебен — крестовка. К концу ярмарки попы вывозили из Олы целые подводы пушнины. Каждый поп имел собственных тунгусов на откупе. Между попами, залезшими в чужую вотчину, происходили драки. До сих пор еще помнят, как однажды камчатский дьякон вырвал полбороды охотскому благочинному во время пьянки после церковной службы.

Охотская купчиха Бушуева держала в кабале весь район. За белку платили тунгусам в 1910 году тринадцать копеек. За взятые в кредит несколько фунтов чая и пару бутылок спирта тунгус расплачивался иногда всю жизнь.

Радиусом в добрый десяток километров разбросаны по лесу юрты.

Большинство юрт сейчас пусто. Половина членов Бараборской промысловой артели ушла к Маякану на богатые ягельные корма для откорма оленей.

В Бараборке — национальный центр района. Дальстрой выстроил Бараборку в 1934 году — вокруг нее осело тунгусское население района, как организованное в артель, так и единоличники.

В Бараборке — превосходная школа-интернат, где живут, воспитываются и учатся дети тунгусов, медицинский пункт, правление артели.

Никогда в глухой тайге не было такого оживления. Строительство. Плотники рубят деревья, тешут доски, строят избы, коровники, конюшни. К весне здесь будет еще десяток домов, в которые переселятся из юрт тунгусы — члены артели.

Я стою в ларьке Бараборской артели. На полках ларька — прекрасно выпеченный белый хлеб, сгущенное молоко, байховый и кирпичный чай, леденцы, сахар, махорка, папиросы, сливочное масло, пастила, фруктовый компот, лук, зубной порошок, спички, мыло бельевое и туалетное, клюквенный экстракт, варенье, вермишель, макароны.

К прилавку подходит тунгус. Улыбаясь, он протягивает руку продавцу и вытаскивает из кармана пачку денег, тысячи полторы.

— Давай, — говорит тунгус.

— Что давай?

— Сё давай.

И продавец отбирает все, что нравится колхознику, и выдает расписку-счет для проверки в правлении артели.

Заработок членов артели растет из года в год. Вот бюджет семьи Хабаровых, сообщенный председателем артели и проверенный мною по записям в книгах артели.

Хабаров-отец за год заработал на лове лососевой рыбы 1823 рубля. За селедку он получил 1216 рублей. За вывоз клепки сельхозкомбинату в Оле — 608 рублей. За сплав дома — 152 рубля, за сенокос — 457 рублей.

Старик Хабаров получил за морского зверя 800 рублей, за кету — 1200 рублей, всего 2000 рублей за год.

Агриппина Хабарова заработала в интернате около 2000 рублей. Всего семья Хабаровых получила около 10 000 рублей.

Кроме того, юрта Хабарова обеспечена на год продовольствием в натуре, превосходной юколой, лососевой кетой, нерпичьим жиром и мясом, похожим на молодую свинину.

Вся же бараборская артель, за вычетом неприкосновенного фонда, имеет полтораста тысяч рублей чистого дохода, примерно по 2 тысячи рублей на работника или по 5—6 тысяч рублей на юрту. А ведь год еще был не закончен. Впереди — богатая охота на лисицу, белку, росомуху. По новой цене Дальстрой платит за белку от 4 до 5 рублей за штуку, красную лисицу — 100—150 рублей, сиводушку — до 500 рублей...

Темнеет. Мы выходим из юрты, направляясь к реке Ланковой.

Навстречу на широких охотничьих лыжах, осторожно переступая, как бы приплясывая по снегу, идет старый тунгус. В руках лисьи капканы. На глазах у старика черные очки.

Старик был слеп в течение десяти лет. Недавно, совершая объезд кочевий, сюда приехала Пшеничникова, талантливый, известный всем кочевникам глазной врач из Магадана. Пшеничникова разыскала старика, сняла катаракт, и старик снова начал видеть...

Вдали над рекой светятся огни интерната. В синем морозном тумане, окутывающем Ланковую, они горят теплым светом, как маяк радостной советской культуры.

Учитель Варрен

Мы едем по берегу быстрой горной речки Ланковой. Солнце — редкий гость в это время года — провело стремительную огненную дугу по горизонту и провалилось вниз. Стемнело.

Берега реки скалисты и обрывисты. Зачастую приходится съезжать с берега и ехать по зеркальному прозрачному льду.

Я искоса поглядываю на моего спутника с ясными голубыми глазами. Вид его несколько необычен для этих мест — овчинный тулуп, подпоясанный лыжным шнурком, валенки, шапка-ушанка, из-под раскрытого тулупа виден белый воротничок смятой крахмальной рубашки и черный галстук бабочкой.

Его фамилия Столяров. Он — завклубом, киномеханик, танцор, мандолинист и актер Ольской труппы.

Несмотря на свою мирную внешность, Столяров — человек отчаянный. Он не признает никаких дорог и везет напролом. В сани впряжена молодая якутская лошаденка, чуть ли не впервые идущая в упряжке, и кажется, что не кучер управляет лошастью, а наоборот — она кучером. То и дело лошадь чего-то пугается и скачет по льдинам, пенькам, наледи, и тогда требуется отчаянное усилие, чтобы остановить ее.

Впереди идут две собачьи упряжки с каюрами-тунгусами, но Столяров выискивает какие-то свои окольные пути.

— Ничего, — говорит Столяров в ответ на мои опасения, — я тут с кинопередвижкой ездил, лучше всякого каюра дорогу знаю, да и нет на Колыме дорог. Шпарь по рекам — вот тебе и вся дорога. Сейчас мы, милый человек, доберемся до Бараборки. Часика три осталось. Заедем прямо в интернат, к учителю Варрену. Варрена все знают на Охотском побережье, на Камчатке, даже на Чукотке. Он и у чукчей учительствовал...

Мы въехали в тайгу и пошли, изворачиваясь среди редких листениц и покрытых мелким стланником залысин. Темнело все сильнее. Лошадь натыкалась на пни и стволы и несколько раз вывернула нас в глубокие сугробы снега. Кругом клубился сумрак и без конца растила мелкая, низкорослая тайга. Казалось, что мы все время кружимся на одном месте. И потому, когда неожиданно вдали откуда-то вынырнули огоньки, оба обрадовались.

— Давай, давай! — весело закричал Столяров. — Бараборка!

Юрты, деревянные рубленые избы, дружный лай собак; мимо нас быстро проскочила оленья нарта, вот и здание школы-интерната.

Учитель Варрен встретил нас на крыльце.

В комнате учителя, похожей на блокауз, вырубленный из больших листовичных бревен, было тепло и светло. Маленькая „буржуйка“, установленная на ящике с песком, потрескивала, сверкая вишневыми боками. На ней стоял большой жестяной чайник.

За стенкой приятный женский голосок напевал романс под аккомпанемент гитары. Столяр заволновался, разоблачился, передал Варрену узел с теплым бельем для детишек-воспитанников интерната, аккуратно расправил свой черный бантик:

— Ага, Маруся здесь. Я ей кухонную посуду привез алюминиевую. И исчез...

Хорошо ворваться с мороза после долгой езды по тайге в светлую уютную комнату. Печка излучает живительное тепло, лампа-молния представляется гениальным изобретением.

Учитель Варрен уже хлопочет возле печки. Он заваривает сразу по тунгусскому обычаю восьмушку чаю и сыплет в котелок с кипятком замороженные пельмени.

Я с любопытством смотрю на Варрена. Ему — сорок шесть лет. Около тридцати лет из них он учительствовал в самых глухих местах Охотского побережья и Чукотки, среди тунгусов, орочей, камчадалов и чукчей. Бывал и на Алеутских островах. У Варрена блестящие черные глаза, волосы цвета воронова крыла и изящная легкая фигура. Он чрезвычайно похож на итальянца или грека. Только легкий северный акцент говорит о том, что передо мной уроженец Крайнего Севера — камчадал. Варрен родился в Петропавловске-на-Камчатке.

Мы пьем чай с коньяком и едим пельмени, присланные Варрену женой — фельдшерницей из Олы.

На огонек заходит председатель оленеводческой артели, молодой тунгус с типичным скуластым лицом и ослепительными, срезанными в нитку зубами.

Это — Хабаров, кандидат партии. Он только что разбирал в комсомольском кружке постановление о перестройке комсомольской работы.

— Что, кончил? — спрашивает учитель. — Ну, садись чай пить.

Хабаров выпивает несколько стаканов чаю и уходит.

Варрен говорит:

— Года два тому назад он ни слова не знал по-русски, не умел ни читать, ни писать, а теперь вот свободно переводит с листа, читает книги, прекрасно ведет работу в колхозе. Первым переселился из юрты в рубленую избу. Готовится в партию, собирается учиться в советско-партийной школе в Магадане и оттуда поехать в Ленинград, в Институт народов Севера.

— Сколько моих воспитанников, — улыбается Варрен, — сейчас председатели риков, секретари сельсоветов, председатели колхозов. Тунгусы, ведь, очень способные люди, как и вообще коренное население Севера. Правда, приходится вести большую работу, чтобы уговорить родителей отдать своих детей в школу. Дети у тунгусов пользуются свободой. Их мало, и родители души в них не чают. Не хочет ребенок итти из юрты в интернат — никто не будет его неволить. А дети — везде дети. Природа, тайга, охота, рыбная ловля — все это влечет сильнее, чем буква и школьная дисциплина.

„— Зайдешь, бывало, в юрту и начнешь уговаривать отдать ребенка в школу. Старики молчат, жмутся или отвечают: „Зачем тунгусам учиться? Мы, старики, все равно умрем, а если наши дети пойдут в школу, то потом они уедут на материк, останутся там, забудут своих матерей, дедов, сестер и братьев, свой народ“. Но теперь, конечно, все меняется. Вот недавно мне приходилось беседовать с бригадами наших рыбаков, вернувшихся с рыбного лова на Оле. Спрашиваю бригадира: сколько поймал? Бригадир вынимает из кармана камешки.

Каждый камешек — сто горбуш. У него в кармане пятьдесят камешков. Значит, поймал пять тысяч рыб. „А если потеряешь несколько камешков, — спрашиваю, — как узнаешь счет? Не будут твои рыбаки знать.“

— „Рассказал я тут рыбакам про колхозный съезд в Магадане, про то, как постановили детей обязательно учить грамоте. Начали говорить все сразу. Заспорили. Наконец поднялся самый старый, уважаемый ороч, все время молчавший: „Мы уже старики, скоро умрем. А молодым надо учиться. Станут они счет знать, будут читать и писать“. После этого и решили отдать детей в интернат...“

Варрен поставил на стол чайник, мед, быстро и ловко вскрыл большим ножом банку фруктовых консервов и, потирая маленькие руки, оживленно продолжал свой рассказ. Видимо, давно ему не приходилось поговорить по душам со свежим человеком.

— Люблю свой край — Север. Был один раз в Хабаровске, не мог дожидаться, пока обратно на Чукотку уеду. А сколько здесь еще работы! Нужна еще глубокая перестройка сознания и быта местного населения.

Было три часа ночи. За окном выла пурга. Хрипло подвывали ей тунгусские собаки. Непролазная тайга расстилалась на тысячи километров. Печка приятно дышала раскаленными вишневыми боками. Чайник кипел. Варрен, взволнованный беседой, разостлал мне тулуп на полу возле печки.

— Спасибо, что заехали, — прощаясь на ночь, сказал мне Варрен. — Ведь к нам так редко попадают новые люди.

Сколько мужества, энергии, любви к своему делу и народу нужно иметь, чтобы на протяжении тридцати лет жизни нести культуру в эти недавно еще неотмеченные на географической карте места! Как благородна и человечна миссия скромного учителя на Колыме!

Дети тайги

Семь часов утра. В окно виден яркий диск алюминиевой луны. Учитель Варрен уже встал и пошел за дровами. Сквозь сон я слышу дружные детские голоса, поющие:

И тот, кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадет...

Как громко звучит эта популярная песня за 12 тысяч километров от Москвы в исполнении ребят, еще недавно кочевавших в тайге.

В коридоре детишки делают утреннюю зарядку. Черные глазенки искрятся от удовольствия. Сильные ноги, привыкшие с детства шагать по лесу, упругогибаются. Крепко сжаты кулачки.

Гимнастика и пение — любимое занятие ребят.

Учительница Нина Иосифовна Пинчук тоже с видимым удовольствием занимается этим делом. Еще недавно у себя на родине, в Ворошилове-Уссурийском, она была вожатым пионерского отряда. Это прекрасно видно по той ловкости, с которой она исполняет на трубе сигнал окончания зарядки и командует:

— Отставить! По комнатам — шагом марш!

Дети строятся в ряды и расходятся по комнатам общежития. Оттуда они выскакивают беспорядочной толпой с полотенцами, мылом и зубными щетками.

Умывание является делом чести, своего рода ритуалом. Недаром в учебнике сказано:

„Приехал Пого домой. В юрте грязно. Никто не моется. Пого сказал: „Надо лицо и руки мыть. Надо зубы чистить. Мыло достать надо. В бане мойтесь“.

Эти несколько десятков детей — прекрасные агитаторы за новый быт. Если сейчас в юртах можно видеть мыло и отдельные полотенца, то в этом большая доля заслуг интерната и его воспитанников.

* * *

„Мекко не играет. Мекко трубку курит. Нельзя курить, — сказал Оло, — октябрюта не курят. Ребята сказали: Брось Мекко трубку, больной будешь. Иди играть“, бегло читает по книге девочка с черными глазками и гладкой, точно из плавленного базальта, прической.

Гаврюша сконфужен и смотрит исподлбья. Дело в том, что недавно Гаврюша сбежал из интерната. Он снял с себя красный пионерский галстук и ночью, прокравшись мимо комнаты воспитательницы, ушел в тайгу.

Гаврюше 8 лет, но тайга для него — открытая книга. Вот лиственица, на которой он убил белку. Он, пожалуй, может еще найти след от пульки на ветке. Слева в километре он вместе с дедушкой ставил капканы на горностаю. А вот здесь у реки жила рысь, которая загрызла у них четырех оленей. Брат Гаврюши убил эту рысь.

Гаврюша пришел в свою юрту и сказал отцу:

— Я не хочу больше жить в школе. Там едят мясо „катлет“ и воду с капустой. Там нет нерпы и юколы. Там читают книги про мальчиков, которые не курят.

Отец молча кивнул головой, набил табаком трубку и протянул ее Гаврюше. Тунгусы не противоречат желаниям детей.

Гаврюша покурил, вволю напился чаю, залез в меховой куль у дымящего костра и заснул.

Через несколько дней в юрту пришел председатель совхоза и долго говорил с отцом Гаврюши. Потом Гаврюшу посадили в оленью нарту и снова отвезли в интернат.

Сейчас об этом эпизоде Гаврюше неудобно вспоминать.

Девочку зовут Акулиной. Акулина очень бойкая девочка. Она прекрасно читает и пишет.

— Кем же ты хочешь быть, когда вырастешь? — спрашиваю Акулину.

— Детей учить, — не задумываясь отвечает девочка, — как Нина Иосифовна.

— А ты, Гаврюша?

Мальчик долго думает:

— Учиться буду. Ленинград буду. Потом приеду — начальником буду.

Беседа происходит в большой классной комнате Бараборского интерната. Под потолком лампа-молния, парты, доски, карта полушарий, на стене портрет Ворошилова в белой флотской форме, — обычная обстановка нормальной советской школы. Только чуело полярной совы на стене да тунгусские личики детей говорят о том, что мы находимся в далеком Заполярье и за окном стоит непроходимая тайга.

На парте рядом сидят два ученика — Коля и Василий. Оба они в одном классе, оба впервые начинают читать по-русски и по-орочонски.

Учительница Пинчук терпеливо переводит им фразу с орочонского на русский.

— Вот буржуй. Буржуи жили богато. У буржуев была хорошая еда. Вы знаете, что такое буржуй? — спрашивает учительница.

Коля устремляет на Нину Иосифовну удивленные глазенки и молчит. Василий чешет затылок и ломаным русским языком объясняет:

— Буржуй — у его целковый много. Много „мина“, много мяса, много скура, большой юрта.

— Ады хунула орор. Сколько оленей у вас? — спрашивает учительница.

Василий долго шевелит губами и считает на пальцах.

— Элан няма орор. Триста оленей.

Я спрашиваю учительницу:

— Василий, ведь, совсем взрослый. Когда же он выучится?

Учительница улыбается:

— Тунгусы очень способные. Через полгода он будет хорошо читать и писать и сможет поехать в Магадан в советско-колхозную школу.

Нина Иосифовна снова берется за сигнальную трубу.

— Обедать!

Детишки весело срываются с парт и бегут в столовую.

На клеенке — чистые миски, приборы, хлеб, кипяченая вода. Возвращаясь в юрты в гости к родителям, дети требуют ложек, вилок, и уже нередко можно встретить в юрте украшенный прекрасным орнаментом поставец из лубка берез, в котором аккуратно сложены чистые чашки, ножи и вилки.

За столом оживление.

Сегодня важное событие. Приехавший из Олы врач разрешил давать детям привычную им пищу — строганину, юколу, нерпичье мясо и жир. Все это действительно вкусно и питательно. Особенно вкусна строганина. Это замороженная сырая рыба, которую режут тоненькими ломтиками и глотают мороженой. Она имеет вкус слегка обжаренной на вертеле осетрины и тает во рту, как масло. Нерпа сильно походит на молодую свинину. В этой пище много витаминов и жиров, остро необходимых на Севере, где усилен обмен веществ и сильнее идет сторание организма.

* * *

Вечер. На утрамбованной площадке возле школы, где под искрящимся светом фонаря ослепительно горят миллиарды снежных алмазов, играют дети.

Начинается любимое развлечение — танец „хейра“. Танцующие становятся в кружок, прижимаясь тесно плечом к плечу, берутся под руки и ритмически перескакивают обеими ногами сразу с места на место.

— Хейра! — кричит запевала.

— Хейра! — вторят ему танцующие и в этот момент делают скачок.

Так продолжается без перерыва часами. Движение не меняется. Изменяется только припев.

Сначала кричат — хейра, хейра! Потом — унде, унде! Урье, урье! Умге, умге! Хидо, хидо! Хекке, хекке! Умге, умге! И снова то же самое.

Танец похож на упражнения боксеров во время тренировки ног. Дети танцуют с крайним увлечением, и учительница танцует вместе с ними.

Но вот приходит время сна. Усталые дети снова бегут к умывальникам. Моются, чистят зубы, стелют кровати, раздеваются и, свернувшись калачиком, засыпают в сладком сне.

* * *

В комнате воспитательницы тепло и уютно. Свет лампы смягчен абажуром. На окне тюлевая занавеска. Много книг и журналов. Бревна стен украшены картинками и фотографиями. На „буржуйке“ кипит кофейник.

Нина Иосифовна Пинчук, дочь рабочего Уссурийского совхоза, приехала на Колыму по разверстке комсомола. Ей 18 лет. Она сама почти ребенок, но ей поручено ответственное дело воспитания детей тайги, требующее большого политического такта. Ведь если хотя бы один ребенок пожалуется на дурное обращение, на другой же день тунгусы, очень любящие своих детей, заберут их из интерната.

Я люблю эту девушкой, такой деловой, спокойной и уверенной. Любуюсь бодростью, энергией, умением приспособляться к нелегким условиям таежной жизни, увлечением, с которым она отдается своему делу.

Б. П. ВРОНСКИЙ

ЗАКОН ГРАМОТЫ

Вануйто натянул меховую рубаху и штаны, вылез из чума и лениво огляделся по сторонам.

У чума топталась оленья упряжка, запряженная в легкую нарту. В бесконечных просторах играло небо, искрился снег. Вануйто намотал возжу на руку и сел на нарту. Передовой олень, не дожидаясь окрика, ринулся вперед, увлекая за собою всю упряжку. В снегу от копыт оставались глубокие ямы. Вскоре нарта скользнула за белый сырт, и перед Вануйто открылся новый далекий горизонт.

В стороне, в белых снегах торчали крыши домов. Был виден поднимающийся к небу дымок.

— Туда! — крикнул Вануйто, собирая в руке возжу.

Олени рванулись и вихрем помчались к жилью. Не замедляя хода, нарта круто завернула за угол дома.

— Ань дорово, юро, — сказал Вануйто.

— Ань дорово, дорово, юро, — приветствовал его Петров.

— Быстро ехал, Вануйто, — сказал он, поглядывая на вздымавшиеся бока животных.

— Быстро ехал, — ответил Вануйто.

Они вошли в чисто убранную комнату. За столом сидел Тусуда, председатель совета.

— Зачем звал? — спросил Вануйто.

— Ты садись, курить будем, — улыбнулся Петров.

Продолжая неловко топтаться на месте, Вануйто вынул из пазухи костяную трубку и закурил. Закашлялся. Посмотрел на улыбающееся лицо Петрова. Отошел к стене и опустил на пол.

— О сыне думал? — мягко спросил Петров.

Лицо Вануйто стало суровым, узкие брови сдвинулись. Он глотнул зеленого дыма и посмотрел на пальцы рук.

— Семь раз ты приезжал, семь раз думал, — ответил Вануйто.

— Учить ты его будешь?

Вануйто молчал. Затем, неожиданно встав, замахал руками.

— А кто промышлять будет? Где будет мой песец, белка, медведь? Куда денутся олени?

И круто оборвав разговор, не прибавив ни слова, он вышел.

Больше месяца никто не видел Вануйто в поселке, но однажды утром Петров услышал глухие удары копыт. У школы остановилась нарта Вануйто.

Петров спрятался за угол соседнего домика, наблюдая, что будет дальше. Вануйто вошел в школу. Петров прильнул к оконному стеклу.

Вануйто рассматривал столы, скамьи, передвигал их с места на место, водил пальцем по школьной доске, брал из шкафа книги и подносил к глазам печатные строки.

В коридоре послышался шорох. Вануйто в испуге отскочил в сторону. Шорох не повторился. Вануйто облегченно вздохнул и продолжал осмотр школы. Затем он вышел из школы, сел на нарту и уехал.

По тундре ползли слухи: из школы детей будут увозить на службу и никогда не вернут их родителям. Шаманы делали свое дело.

„Только бы Вануйто, а за ним и другие пойдут“, думал Петров.

Однажды, выйдя из дома, Петров снова увидел у школы знакомые нарты. Шли занятия с русскими детьми. Петров вошел в классную комнату. На полу сидел Вануйто, рядом с ним женщина и мальчик.

„Приехал, всей семьей приехал“, радостно подумал Петров.

Гости внимательно прислушивались к тому, что говорили учительницы. Затем урок окончился. Несколько мальчиков и девочек поднялись со скамей. Вслед за ними поднялась и семья Вануйто. Петров подошел к ним, поздоровался.

— Ну, как, нравится школа?

Вануйто молчал. Он не любил говорить. Он слушал внимательно, вжившись в Петрова своими острыми глазами.

— Надо учиться грамоте, Вануйто, надо уметь читать книги, газеты. Они расскажут о том, как строят новую, радостную жизнь советские народы, как они возводят большие школы, больницы, „светлые чумы“, строят машины, на которых плавают по морям и летают по воздуху.

Вануйто кинул косой взгляд на жену и молча вышел. Жена пошла вслед за ним. Мальчик... остался в школе.

Ровно через год Вануйто зашел к Петрову и подал ему письмо, написанное рукой сына.

„Мой сын грамотный стал, мудрые книжки читает, — говорилось в письме, — мы хорошую жизнь будем делать, как велел товарищ Сталин. Все должны делать хорошую жизнь. Почему не все учатся? Такой закон грамоты надо выпустить, чтобы всех детей учить“.

Вануйто, нахмурившись, посмотрел на Петрова.

Вануйто был недоволен. Ему казалось, что Петров не понимает гордой радости, наполнявшей все его существо.

ДУДИНКА — НОРИЛЬСК

Еще в 1843 году известный естествоиспытатель и исследователь Сибири академик Миддендорф во время одной из своих экспедиций узнал, что близ реки Норилки, у озера Пясины, есть многочисленные выходы каменного угля.

Шли годы. Многие десятки лет никто не прикасался к этому богатству Заполярья. Геолог Шмидт открыл его снова. Это был уже 1866 год. Шмидт зафиксировал выход двух пластов прямо на поверхность земли.

В 90 годах около Дудинки зазимовала английская экспедиция. Она нуждалась в топливе. У предприимчивых дельцов появилась возможность нагреть руки на норильском угле. Дудинский купец Сотников немедленно согнал туда своих батраков — националов-саха.

Уголь перевозили на оленях. Каждый пуд угля стоил больших денег. Но у англичан не было выхода. Они платили, не торгуясь и не спрашивая о качестве. Но качество оказалось неплохим. Известный полярник Вилькицкий заявил, что уголь не хуже лучшего в мире — кардифского, что „он содержит не больше 2% влаги, дает очень мало золы и не спекается“.

Сотников вошел во вкус. Вслед за углем обнаружилась медь. Купчина решил наладить выплавку. Для печей нужен был кирпич. „Православный“ прихожанин, купец 1-й гильдии, разобрал в Дудинке единственное кирпичное здание — церковь — и перевез этот стройматериал в Норильск.

Но церковный кирпич оказался, видимо, негодным. „Домна“ разлезлась сразу же после пуска. Медь выплавить не удалось, а так как английские экспедиции больше не зазимовывали, то Сотников на всех Норильских месторождениях поставил крест...

Попрежнему Норилка несла свои воды в озеро и реку Пясины, или Пясингу, как говорят местные жители (что значит „река черного дерева“).

Всерьез Норильском занялись только после революции. Производивший там изыскания Н. Н. Урванцев (впервые в 1919 году) подтвердил, что уголь близок к кардифу, запасы его огромны и расположены они на площади всего-навсего в 9,41 кв. километра.

С тех пор месторождения угля уже не выпускаются из поля зрения. Вслед за углем обнаружили никель, медь, кобальт, платиноиды. С ними происходит история подобная нордвикской. В Нордвике искали нефть, а нашли каменную соль. Но этот спутник нефти оказался для нашего социалистического хозяйства еще более важным, чем даже сама нефть. Нефть вынуждена была уступить первое место соли. Так и в Норильске отошел на второй план уголь.

„С 1930 года Цветметзолото приступило к подготовке эксплуатационных работ на норильском месторождении металлов“.¹

Вслед за этим у горы Шмидтихи (названной так в честь геолога Шмидта) закладывается первый камень мощного полиметаллического заполярного комбината. Для закладки комбината нужен был всего лишь

¹ Справка из Сибирской советской энциклопедии, том 3, стр. 798.

один камень. Доставить его — это дело несложное. Доставить же все, что требуется для строительства норильского гиганта, — дело весьма сложное. Оленный путь купца Сотникова, конечно, нисколько не решал вопроса.

Вопрос о транспорте надо решать так, как этого требуют масштабы Норильскстроя. Взгляните на карту. Как можно связать Норильск с магистралями? Ближайшая магистраль — речная: Енисей. По ней, по Карскому морю и Пясине, чтобы добраться до Норильска, надо проехать 1915 километров. А от Дудинки до Норильска напрямик всего сотня километров. Решение вопроса — строить железную дорогу Дудинка — Норильск.

* * *

Надвигается полярная ночь. Рано темнеет. Небо начинают озарять переливы северного сияния. В Дудинке звенят топоры. Рельсы лежат не только в штабелях. Они уже настелены на многих насыпях, идущих от пристани, и проворные мотовозы спешат — громяхают на стыках. Когда начинает смеркаться, загораются прожекторы. Видны пакгаузы, овощехранилища, мастерские, конные дворы, жилые бараки.

Вокруг паровой иглы кипит земля. Готовят отверстия для свай, на которых будут воздвигнуты новые здания. Паровая игла — остроумная и невзыскательная машина. Копры в Заполярье неприменимы — вечную мерзлоту пробить им не под силу. Поэтому трубу диаметром в 40—50 миллиметров соединяют шлангом с паровозом или паровым котлом, на нижнюю часть ее надевают конусный наконечник с рядом дырочек для выхода пара. Выбрасываясь, он дает метлообразную струю, которая разжижает почву.

Все это и есть паровая игла. Когда ее вонзают в землю, почва сперва фонтанирует, а затем, по мере углубления иглы, только мелко булькает.

Полнокровно живет Дудинка. Река заставлена плотами. Кругом — баржи, катера. Самолету остается для подъема „пятачок“. Тесно в Арктике. Поплавки „Н-131“ вздувают бурные усы пены. Разгон. На какую-то долю секунды взлетаем, чтобы еще раз сразмаху шлепнуться об воду. На воде остаются только отдельные белые мазки. И вот — мы в воздухе.

Неудержимое солнце бьет сквозь целлулоид окошка. Внизу ручьи, речонки, озера. Они то тускло отсвечивают, то вспыхивают до рези в глазах. Бурая и бесконечно монотонная, в дымке тумана под нами плывет тундра. Она чуть подсохла. Ее прорезают извилистые трещины. Одна трещина тянется за другой. Вот самолет окунается в воздушную яму, и земля пляшет в окулярах. Видим трассу железной дороги. Вот и трактор пофыркивает около нее дымом.

Мы над овражком. Он перечерчен поперек двумя нитями. Рельсы уложены на шпалы, в просветы видно дно овражка и никакого моста. На чем же держатся рельсы? И как может пройти по ним поезд? Но самолет уже давно миновал овражек. Моторы ревут, и спросить спутников невозможно. Тов. Еременко, пилотирующий машину, ведет ее на снижение.

Сели. Несмешивающиеся резкие цвета: озеро — синий, тундра — желтый. Озеро неподвижно. Тишина. Снегом хрустит под ногами такой же белый и легкий, высохший мох. Прыгаем с кочки на кочку. Среди кустов краснеет брусника, голубеет голубика. В порту нам сказали, что позавчера начальник строительства нашел где-то поблизости малину. Уже готовится приказ о проектировке ягодного совхоза.

За перевалом открывается Норильск: мачта радиостанции, буровые вышки на горах, электростанция с трубой. Над одним из домов полыхнет флаг с красным крестом: это больница.

Свисток паровоза. Идет поезд в Норильск из Валька: пришел караван пясинских судов. „Кукушка“ перетаскивает грузы на площадку комбината.

Иду с прилетевшим в Норильск инженером. Он абориген этих мест: уже третий год здесь.

На окраине города тундра, наконец, уступает место просторным чистым мостовым. Светлые, двух- и трехэтажные дома с широкими окнами стоят по обе стороны. Возвращающаяся домой работница проходит мимо, стуча высокими каблуками туфель. Кто-то в окно комнаты выставил на улицу рупор, и далеко вдогонку нам несется песня.

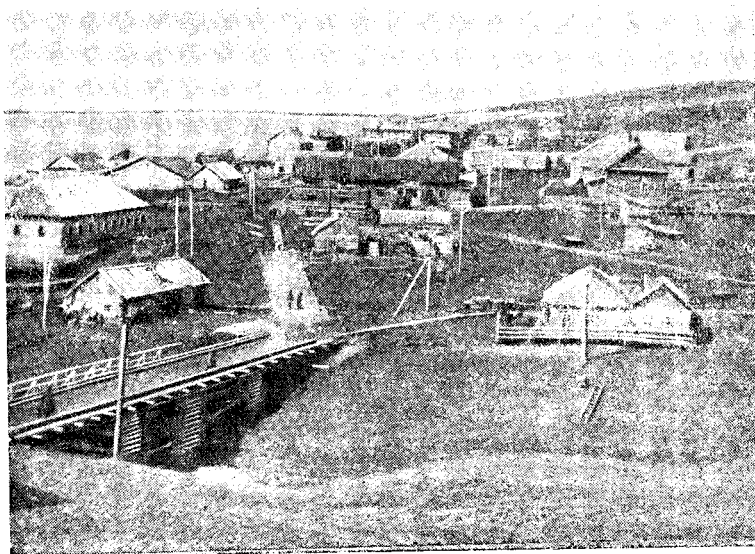
... Большая часть города пока еще висит на стене в комнате моего спутника (он работает в проектно бюро). Однако город — уже не фантазия.

Первая очередь комбината скоро вступит в строй действующих предприятий СССР.

* * *

Вся эта земля по существу только еще открыта. Названия не потеряли своей выразительности и точности. Они еще не стали кличками, прозвищами, памятниками истории, как, например, Кузнецкий Мост в Москве, с которого никак не прыгнешь в воду, а с Воронцова Поля приходится снимать трамвайные рельсы: трамваю тесно ходить по этому „полю“. Названия в Норильске пока точны: гора — Рудная, ручей — Медвежий, Угольный и т. д.

Руинами генуэзских крепостей высятся на горе обвалившиеся стены; как будто отшлифованные, наложены плита на плиту. Это — выветрившаяся порода.

Дудинка. Общий вид

Лошадь везет только что добытый уголь. Подымаюсь по берегу Угольного ручья. Вот и исток: в ущелье гор — никогда нестаявший ледник. Его толщина — несколько десятков метров. Видимое начало ручья — ледяной грот, откуда тянет холодом, как из погреба.

На гребне ледника снег черный: на него садится угольная пыль. Взираюсь на гору. Буровая вышка, компрессорная установка. Компрессоры работают от мотора трактора.

К штольне, куда компрессоры подают сжатый воздух, можно спуститься только по осыпающейся круче горы. В полярную ночь штольню заносит снегом метров на 20—25. Снег так плотен, что разгрести его невозможно. Его пилят, или насаживают на лом совков лопаты и долбят.

Штольня — в рост человека. Пол ее, стены, потолок — все поблескивает металлом. И руда не какая-нибудь, а высокопроцентная, богатейшая.

Штольни еще мало освоены. Мало вывозит из них конный транспорт. Углый паровозик на линии Норильск — Валек тоже надрывается: не под силу ему все эти богатства. Нужна дорога к магистрали — фундаментальная, мощная дорога к Енисею от самого угля, от самой руды.

* * *

Ни пурга, ни морозы, ни полярная ночь не пугали людей так, как вечный враг всех строителей Арктики — вечная мерзлота. Коварно, втихомолку она выпучивает на поверхность вколотенные сваи мостов, выбитая, когда по ней пускают тяжелый состав. (А что делать легким составам на металлургическом комбинате?) Расшатываются шпалы, разъезжаются рельсы. Насыпь разлезается в стороны. Это не мрак, который поборют прожекторы, не мороз, с которым совладают олени чумки и от которого трубопроводы можно запрятать в корпус паровоза. Это враг серьезный, с которым надо бороться иными средствами.

12 километров пути Валек — Норильск. Здесь вечная мерзлота, 20-метровые заносы, морозы. Здесь и летние ручьи, и непролазные болота, и безлесье. Каждый километр пути здесь был не легче километра под Перекопом. Но ведь Перекоп мы все-таки взяли?

Не поддавался грунт? Его взрывали. Голубые пластины никогда не тающего льда лежат до сих пор даже летом — по обочинам карьеров. Гатили болота. Снег заметал выемки и превращался в лед. Его распиливали. Выпучивало сваи, и падали мосты. В ближайшем озере взрывали прорубь и водой из нее заливали занесенный овраг. На этот каток клали шпалы и рельсы. Прочность оказывалась достаточной. Когда летом снег стаивал, рельсы повисали, перекинутые с берега на берег. Такую висющую дорогу мы как раз и видели с самолета.

И в полярную ночь начальник станции Норильск-I Заполярной железной дороги вертел ручку телефона и спокойным голосом спрашивал: — Алло, Валек? Вы слышите? Сейчас пускаю поезд. Алло?

А Валек, перекрикивая пургу, бесновавшуюся за дверью, отвечал так же спокойно:

— Ладно, пускайте. Слышу.

Линия Валек — Норильск оказалась солидной лабораторией. Она себя оправдала. Пусть летом ее приходилось капитально ремонтировать, а осенью снова приспособлять к зимним условиям, она все-таки могла

перевезти грузов больше, быстрее и дешевле, чем собаки, олени или даже тракторы.

Люди упорно искали путь победы. Она ведь не приходит сама. Что же, ее притаскивали. Решение казалось парадоксом, настолько оно было просто. Надо заставить вечную мерзлоту быть действительно вечной! И никаких оттаиваний летом.

Как заставить вечную мерзлоту не оттаивать?

Надо предохранить ее от воздействия лучей солнца. Летом на трассе сдирают с земли мох. Обнаженная почва быстро просыхает под круглосуточным летним солнцем Заполярья. Она уже годится для насыпи. (Достать сухую землю в Арктике — это ведь проблема.)

Но можно землю раздобыть и позже. Когда в первые морозы замерзает верхняя корка, почва непосредственно под ней, не получая влаги извне, еще не теряет окончательно своего тепла. Влага просачивается вниз и разъедает своим теплом находящийся под данным слоем лед. В результате на какой-то промежуток времени слой почвы остается более или менее сухим.¹ В эту пору (а она тянется достаточно долго, пока верхняя граница вечной мерзлоты не соприкоснется с поверхностью — примерно до половины ноября) можно сколоть с поверхности лед и извлечь материал для насыпи железной дороги.

Почва для насыпи добыта. Ее укладывают на мох трассы (мох плохо проводит влагу, он не позволяет теплой воде стекать летом внутрь), сверху покрывают сланью (тяжелой или облегченной), а если нехватает бревен для слани, то фашиной из местного тальника. Наверх кладут шпалы с рельсами. Насыпь опять-таки одевают мхом, а по бокам вырывают кюветы для стока воды. Сооружение громоздкое и, слов нет, дорогое. Все же оно дешевле бездорожья.

* * *

Железная дорога Норильск — Дудинка будет закончена в 1937 году. Срок жесткий. Чтобы его не нарушить, надо работать не только летом, но и зимой. Дорога воздвигается одновременно с обеих сторон.

Всю зиму через тундру исправно шагали тракторы и тянули за собой тяжело груженные балки.² Балки были нужны не только для груза. Несмотря на все одежды, человек в полярную зиму не может неподвижно высиживать 20 часов на одном месте. Трактористы ездили по-двое. Пока один работал, другой отогревался в балке у печки.

Все приходилось изобретать самим, изобретать на пустом месте. Не только незамерзающее горючее, — даже тип одежды для тракториста. Местная обувь — бакари — не годилась. Она немедленно пропитывалась горючим. Размокали и валенки. Тогда валенки (из специальной заварной кошмы) обшили снизу кожей, а оленин чулки начали надевать внутрь. Ноги перестали мерзнуть. Но пришла другая беда: замерзала вода в радиаторе. Вместо воды стали наливать керосин. Он пропитывал все прокладки, проникал через них в смесь, консистенция ее нарушалась, и мотор начинал делать перебои. Тогда керосин смешали с водой. Это было лучше. Однако на остановках вода отделялась и замерзала в нижнем картере. А чем ее растопишь, если остановки — в тундре, я не в теплом гараже?

¹ Этот грунт удачно называют распаренным. Определение весьма точное.

² Балок — фургон на полозьях.

Пришлось заставлять мотор работать без перерыва: от Дудинки до Норильска.

Весь этот путь через каждые десять метров нужно было обставить вехами: маяки в тундре требуются в такой же степени, как в море. И нужно было менять вехи регулярно.

Заносы... Полоз балка делает бугорок. Ну какой бугорок может сделать полоз? Но пурга превращала его в целый сугроб. Где же тут вехе выстоять всю зиму?

По этой же причине избегали и кустов при выборе дороги. Старались итти по водоразделам — отсюда снег сдувается начисто. Постепенно к вехам привыкли не только трактористы, но даже кони. Они инстинктивно шли от одной к другой.

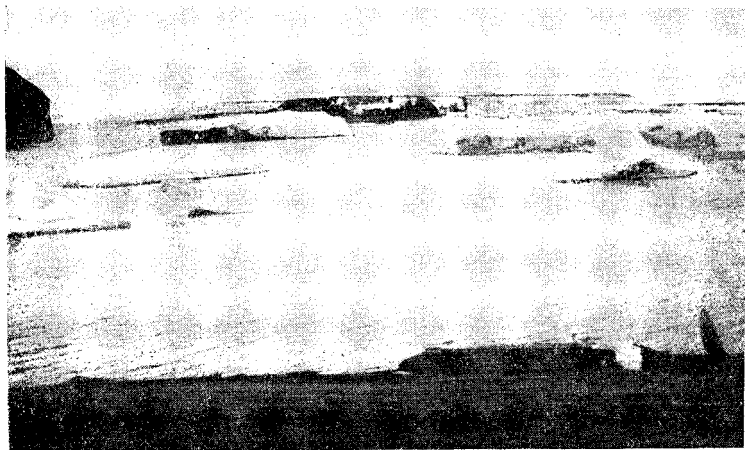
В управлении Норильскстроя есть график работы тракторов. 113 километров тракторы одолевали за 17—20 часов. И совсем редко это время увеличивалось на сутки и больше, — когда синий карандаш перечеркивал график одним коротеньким словом: „пурга“.

Пурга наматала сугробы, заваливала вехи, в ярости налетала на телефонные столбы, но все же сугробы выравнивали, вехи вытягивали наверх. И люди, заслышав мотор трактора, выглядывали из окошек фанерных барakov, обшитых шевелином.¹ Убедившись, что это тот самый трактор, который должен был притти по плану, звонили в Норильск:

— Пришел!

Когда железная дорога Норильск—Дудинка будет закончена, тогда станция Норильск-I переберется, наконец, из землянки на поверхность новой магистрали. На проезд по Заполярной железной дороге начнут выдавать билеты. А о мостах из рельс, повисших над оврагами, старожилы будут писать воспоминания.

¹ Шевелин — обшивочный материал, состоящий из простеганных слоев папиросной бумаги, пакли, снова папиросной бумаги и, наконец, промасленной бумаги. В фанерных бараках, обшитых им, люди спокойно переносили арктическую зиму.

В бухте Тихой

М. В. ВОДОПЬЯНОВ

Герой Советского Союза

НА ЗЕМЛЮ ФРАНЦА-ИОСИФА¹

Вайгач—Амдерма

Остров Вайгач. Я ежечасно запрашивал по радио Амдерму и другие станции о том, нет ли сведений от Махоткина. Он упорно молчал.

Беспокойство за товарищей отгоняло все мысли о сне.

Коротали ночь вместе. Обрадованные нашим прилетом, зимовщики тоже не хотели расходиться. Ведь для них это было большое событие. Они, правда, счастливее зимовщиков более северных зимовок. Как никак, на Вайгаче живет в разных местах две сотни людей. Но все же свежие люди, да еще из Москвы!

За разговором время летело быстро. Мы едва успевали отвечать на сотни вопросов зимовщиков. Они интересовались всем: что идет в Большом театре, много ли товаров в магазинах, видели ли мы новые советские автомобили „ЗИС-101“ и „М-1“, какие экспедиции пойдут летом в Арктику и т. д. Мы честно старались возможно подробнее отвечать на все вопросы. Во второй половине ночи их любопытство иссякло. И тогда мы поменялись местами. Теперь уже задавали вопросы мы, а зимовщики отвечали. Нам хотелось побольше узнать об острове, и начальник зимовки т. Степанов охотно прочел нам целую лекцию.

— Вы знаете по карте, — начал он, — что наш Вайгач — небольшой остров. За зиму мы не раз исходили его на лыжах вдоль и поперек. В длину он едва достигает 105 километров, а в ширину и того меньше — всего 44 километра. Когда-то здесь была хорошая охота, водилось много северных оленей. Они заходили сюда зимой с материка, переходя на остров по льду замерзшего Югорского Шара. Наш безлюдный островок густо покрыт тундровым мохом, а кое-где встречаются и заросли низкорослого полярного ивняка, который очень любят олени. Еще в царское время хищнической

охотой дикие олени на Вайгаче были уничтожены. Теперь у нас только изредка можно встретить небольшие стада домашних оленей, принадлежащие кочевникам-ненцам с материка. На нашу долю здесь остались только песцы. Изредка забредет с моря путешествующий на льдине белый медведь. Зато летом приволье охотнику. Птицы и рыбы на нашем острове сколько хочешь.

Наш остров богат еще кое-чем, поважнее птиц и зверя. Вплоть до прошлого года мы каждую навигацию отправляли на материк солидную порцию добытой рабочими бухты Варнека свинцово-цинковой руды. У нас были рудники, и их существованием мы обязаны ученому-геологу Р. К. Шенкману. В 1925 году он был на Вайгаче проездом и совершенно случайно обнаружил на берегу бухты Варнека небольшие кусочки руды — так называемого „свинцового блеска“. Он взял с собой несколько кусочков, исследовал их в лаборатории и получил неожиданный результат: в нашем „свинцовом блеске“ оказалось 20% свинца и 18% цинка. В 1927 году тот же Шенкман обследовал вайгачские месторождения и пришел к выводу, что свинец, цинк и медь здесь лежат чуть ли не на поверхности земли, что их запасы исчисляются десятками тысяч пудов. С тех пор много лет в бухте Варнека шла добыча свинца и цинка. Сейчас варнекские месторождения выработаны. Идут новые разведки. И они позволяют надеяться, что руда есть не только в бухте, но и по всему западному побережью острова.

Бухта Варнека — одна из наиболее удобных в Арктике стоянок морских судов, идущих через Карское море в восточный сектор Советской Арктики. Природа настолько хорошо защитила ее от ветра и бурных волн Баренцева моря, что большие корабли и идущие на ледовые разведки гидросамолеты могут в ней свободно переждать штормы.

Мы отвоевываем у Арктики одну за другой богатейшие области, разрабатываем скрытые тысячелетиями природные богат-

¹ Продолжение. См. № 2 „Советской Арктики“ за 1937 г.

ства, обогащаем ими нашу прекрасную родину. Краткая история вайгачской руды лишний раз подтверждает высказанную многими учеными мысль о том, что Арктика таит в себе неисчерпаемые богатства. Постепенно осваивая Арктику, мы эти богатства находим и сразу же начинаем разрабатывать. У большевиков слово никогда не расходится с делом..."

Когда он окончил — окна чуть-чуть побелели, предвещая скорое наступление рассвета. Махоткин молчал попрежнему. Значит, решено: утром вылетаем на розыски. Попросив дежурного радиста не отходить от аппарата и в случае чего разбудить меня, — я решил немного отдохнуть перед полетом.

Утром меня разбудил Бассейн и доложил, что машина готова. Погода улучшилась.

Через несколько минут мы поднимемся с гостеприимного аэродрома и пойдем на поиски Махоткина. Где он? Что с ним? Цела ли машина?

Комсомольцы высыпали на аэродром и окружили наш самолет. Я от души пожал руки заботливым людям, которые нас так хорошо встретили, и полез в кабину. Мотор заревел на полных оборотах, и мой „Н-127“ легко оторвался от снега и пошел в воздух.

Верхние крылья и фюзеляж наших машин были покрашены в красный цвет, хорошо заметный на снежном белом фоне. Пришла пора воспользоваться плодами нашей предусмотрительности. Но, увы, и она не помогла!.. Я несколько раз пересек Вайгач, а самолета Махоткина нигде не обнаружил. Решив для себя, что дальнейшие поиски бесполезны, я вышел на Юшар и увидел около зимовки хороший аэродром. Здесь нас тоже ждали.

Взяв направление на Амдерму. Прямо передо мной стоял как высокая черная стена тяжелый облачный фронт. Нехорошее

предназначение! Прежде чем уходить от хорошей погоды и хорошего аэродрома на Юшаре, нужно узнать погоду в Амдерме.

На призыв Иванова почти моментально откликнулся амдерминский радист. В уши посыпалась дробь азбуки Морзе:

— Я вас слушаю.

— Передайте погоду.

— Погода у нас...

Какая у них погода, мы так и не узнали. Легкомысленный радист на полуслове оборвал передачу сводки и неожиданно спросил:

— Иванов, ты знаешь новость?

— Какую? — не утерпел Иванов.

— Пассажиры Фариха нашлись, сами пришли...

Услышав, что „Руту“ (позывные рации моего самолета) работает с Амдермой, в передачу ввязались еще три станции: Вайгач, Юшар и бухта Варнека. Радисты словно с ума сошли. Перебивая друг друга, каждый передавал свое. Вайгач интересовался: обнаружили ли мы Махоткина? Юшар уговаривал нас сесть. Бухта Варнека невозмутимо по цифровому коду резала метеосводку. Амдерму совсем забыли, и она стыдливо смолкла...

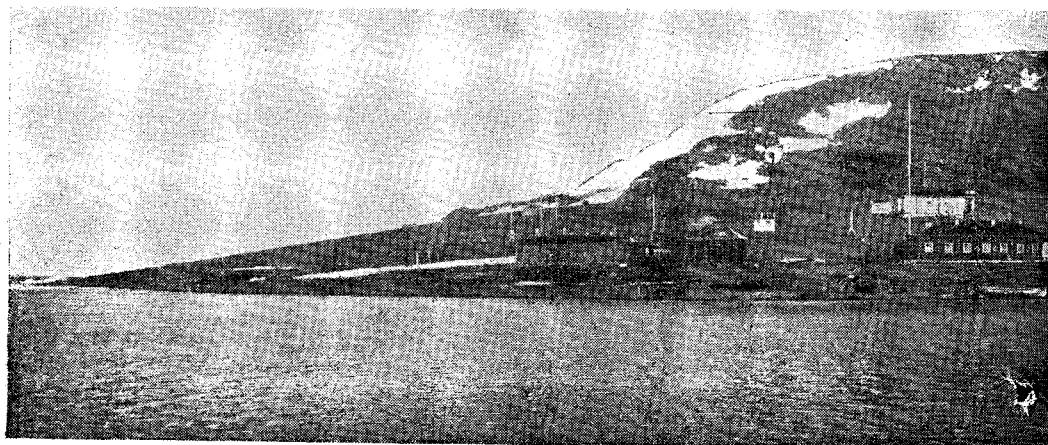
Тем временем мой самолет упорно продвигался к цели. Мне некогда было ждать, пока Иванов наведет порядок в эфире. К счастью, мои опасения не оправдались — облачный фронт оказался далеко за Амдермой. И когда я разворачивался над аэродромом, прицеливаясь, прежде чем пойти на посадку, Иванов передал записку:

— Связался с Амдермой, сейчас получу погоду...

Это граничило с насмешкой, и я вспыл:

— На какой же чорт мне твоя погода Я в Амдерме, иду на посадку!

Иванов взглянул вниз и рассмеялся...

Общий вид полярной станции бухты Тихой

* *

В Амдерме попрежнему ничего не знали о судьбе Махоткина.

После прилета я несколько часов не выходил из Амдерминской радиостанции, непрерывно запрашивая все ближайшие рации полярных зимовок об одном: не знают ли они что-нибудь о судьбе Махоткина? Неведение продолжалось долго — вплоть до того, как комсомольцы с зимовки Вайгача прислали радостную радиogramму:

«Сейчас на нашем аэродроме благополучно снизился Махоткин. Экипаж здоров, машина в порядке».

А еще через несколько часов Махоткин прилетел в Амдерму. Здесь я ему и Аккуратов учинил форменный «допрос с пристрастием».

— Почему вы кружились в Карском море? — начал я.

— Это пусть штурман скажет, его вина, — заявил Махоткин.

— Послушаем штурмана.

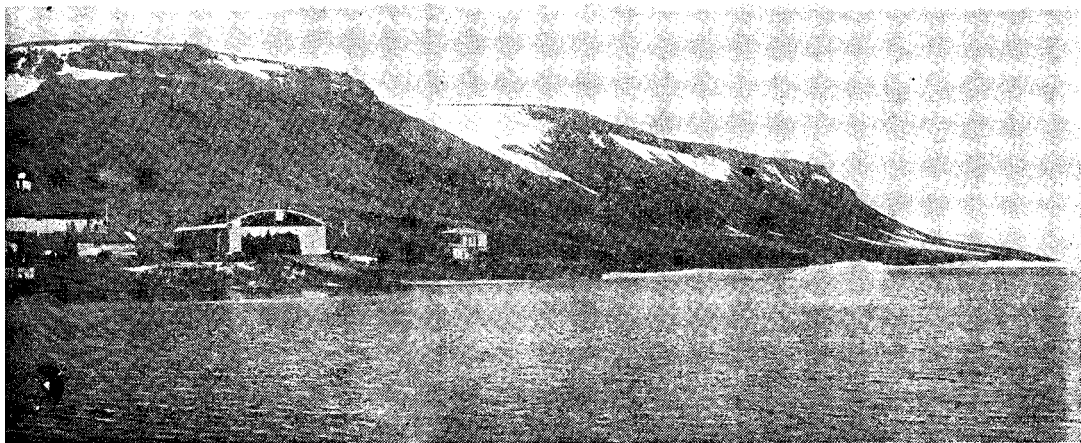
— Первый час полета прошел благополучно, — начал Аккуратов. — Потом ни с того, ни с сего заходила компасная стрелка. Зная, что мы находимся недалеко от магнитного полюса, я подумал: не попали ли мы в магнитную бурю? Два раза изменили курс на 180° — никакого результата. Стрелка попрежнему вертелась, как карусель. Погода плохая. Лететь без компаса нельзя. Решили вернуться. Только после посадки выяснили, что никакой магнитной бури не было. Отскочил плохо прикрепленный провод динамики рации и стал искрить. Искра сильно действовала на компас. Кстати — по этой причине у нас не было радиосвязи. Мы-то вас слышали хорошо, а ответить не могли.

Выслушав штурмана, я задал вопрос пилоту:

— Почему ты не пошел за мной, когда я сделал круг?

— Если бы я видел, я бы пошел с радостью, — ответил Махоткин. — В том-то и дело, что я был в таком напряжении, что кроме своих приборов ничего не видел. Даже мачту рации на Вайгаче проглядел. И только случайно заметил мелькнувший внизу какой-то домик. Сразу же решил садиться. Не теряя времени — вернулся. Недалеке от домика оказалась покрытая ровным снегом бухта. С большим трудом совместными усилиями всего экипажа определили направление ветра. Сел благополучно. Подрулил чуть не к самому домику. Вижу — на козлах растянута медвежья шкура, около них бродят три собаки — одна хромая, две какие-то скучные. Выключили мотор, зачехлили, укрепили машину и вошли в дом. Холодно. Как видно, хозяева уехали давно. На стене висит винтовка, на столе продукты, у печки дрова — все, что нам нужно. Сейчас же затопили печку, согрелись, приготовили обед и, закусив, улеглись отдыхать. Впрочем — мне лично заснуть так и не удалось, не давало беспокойство за вас. Ведь мы не знали, что вы сели на хорошем аэродроме. На другой день погода улучшилась. Мы вышли из дома и увидели, что рядом стоит тригонометрическая вышка. Поднялся на нее и сразу определил место, где мы находились. Это был мыс Болванский на острове Вайгаче. Километрах в десяти на восток вздымалась решетчатая радиомачта комсомольской зимовки. Ну, а остальное и так ясно...

— Ясно! — подытожил я. — Больше отклоняться от маршрута не будем. Сначала выполним задание, а экспериментировать можно на обратном пути.

Идем по маршруту

Амдерма не отпускала нас целых два дня. Правда, зимовщики в этом были менее всего повинны. Крепче дружеских уз нас держала погода.

Только утром 6 апреля первый раз проглянуло солнышко. Мы решили лететь, несмотря на то, что черные тучи на горизонте не предвещали ничего хорошего. Мы не боялись этого, так как знали, что в конечном пункте нашего сегодняшнего перелета — в Маточкином Шаре — погода хорошая.

Мы поднялись в воздух и пошли на север, строго придерживаясь маршрута. После первого часа полета позади остались и остров Вайгач, и летная погода. Карские Ворота встретили нас таким густым туманом, что я в мгновение ока потерял идущий впереди самолет Махоткина. Опасаясь воздушного столкновения, я добавил оборотов мотору и по приборам стал пробиваться вверх, пробивать туман. Это — мой любимый способ борьбы с ним. Впрочем, и он имеет свою опасную сторону.

Пробивая туман, я больше всего боялся обледенения своего самолета. Хуже всего, что пришлось вести машину слепым полетом, а в это время все внимание летчика сосредоточено на приборах.

— Следи за крыльями! — крикнул я Басейну. — Как только появится лед — сигнализируй...

Улучив минутку, я сам осмотрел крылья. Как на зло, стекла кабины заиндевели, ничего не видно. Открыл обе форточки, и сразу же отлегло от сердца: на крыльях не было ни малейших признаков обледенения.

На высоте 1700 метров мы как из воды вынырнули из тумана и увидели солнце. Оно показалось страшно ярким, слепящим, наверно потому, что нам долго пришлось пробиться в сплошном молоке тумана, напрягая зрение.

Пока мы пробивались вверх, Иванов несколько раз вызывал Махоткина и сообщал ему о нашем положении. Ответа он так и не получил. Повидимому, у Махоткина опять неисправна рация. Малоутешительный вывод! Иванов попытался разыскать Махоткина через соседние зимовки. Заодно он справлялся и о погоде.

Первым ответил Матшар:

— О Махоткине ничего не знаем. Погода хорошая. Видимость свыше 50 километров. Вслед за Матшаром дружным хором отозвались рации зимовок Вайгача. Иванову пришлось устанавливать порядок, иначе он рисковал ничего не принять. Из переговоров выяснилось, что на Вайгаче погода начинает портиться, а о Махоткине ни слуху ни духу.

На первый взгляд может показаться странным, но сводка погоды меня успокоила. „Волноваться нечего, — думал я. — Раз Махоткин не сел на Вайгаче, значит летит.

Не в пример мне, он не любит пробивать туман вверх, предпочитает мучиться, но видеть землю. У всякого свое... Впереди же попрежнему хорошая погода. Компас в порядке. Можно итти и над туманом“.

Предоставив Иванову разыскивать Махоткина, я принял решение итти вперед.

Так мы шли около часа. Безмятежно сияло солнце. Высоко над нами ходили редкие перистые облака. Внизу раскачивалась молочнобелая пелена кучевых облаков, похожая на застывшее море. По ней проворно бежала маленькая тень нашего самолета, окруженная ореолом радуги.

Судя по времени и скорости полета, Карские Ворота остались позади, и под нами должна быть Новая Земля. На белой поверхности разостлавшегося внизу тумана начали появляться темные пятна и окна. В одно из окон мелькнули очертания полузанесенного снегом берега. Все в порядке. Компас не подвел, мы идем правильно. Радость немного омрачилась необходимостью прекратить спокойный полет и итти вниз, под облака. До Матшара недалеко. Несколько занесенных домиков — не город, их можно и не заметить в окно. Придется потом возвращаться. Лучше уж лететь наверняка.

Рассчитывая, что туман не доходит до земли, я нырнул в одно из окон. Расчет не оправдался. Пришлось снизиться до 20 метров, и даже на этой ничтожной высоте стоял туман. Видимость очень слабая. Если бы подо мной была тундра, покрытая снегом, я не рискнул бы итти над ней бреющим полетом, а полез бы опять вверх. Но под нами была резко-очерченная поверхность — слева берег, справа змейкой развдвдй. Раз есть пятна, раз „пестрит“, как говорят полярные летчики, — можно, не прибегая к приборам, держать самолет правильно по отношению земли и, значит, итти бреющим полетом.

Трудно итти бреющим полетом в тумане и над ровным местом. Когда же необходимо придерживаться извилистого, неровного берега, трудности увеличиваются в десятки раз. Летишь... Вдруг прямо перед тобой вырастает черная скала. Еще мгновение — и твой самолет, врезавшись в нее, разлетится в щепки. Крутым виражом, ставя машину на крыло почти перпендикулярно к земле, разворачиваешься и уходишь от опасности. Не успеешь стереть рукавом выступивший на лбу холодный пот — потерял берег. В чем дело? Оказывается, берег так же круто повернул направо. Снова разворачиваешься и „догоняешь“ берег. Очертания его прихотливы и резки, предусмотреть их нельзя, и приходится вертеть самолетом то вправо, то влево, так, чтобы линия полета точно совпадала с очертаниями побережья. Не преувеличивая, можно сказать, что весь такой полет проходит на нервах летчика. Сто с небольшим километров, пройденные бреющим полетом над

берегом Новой Земли, показались мне тысячи...

Я вздохнул свободно только после того, как заметил впереди просвет и понял, что туман наконец-то кончился. Буквально через минуту мы уже имели 500 метров высоты.

Ясно. Мучивший нас туман оборвался и стеной отходил назад. Иванов по радио сообщил на зимовку Маточкин Шар:

— Скоро будем, приготовьте костры...

* * *

Сели на аэродром Маточкин Шар.

— Привет от комсомольской зимовки, — сказал начальник полярной станции т. Шоломов.

— Здесь тоже комсомольцы? — изумился я.

— Комсомольцы, — подтвердил т. Шоломов. — И не только мы. Вот еще комсомолец-стахановец зверобой Ковров. Он с самого залива Клокова приехал на своих собаках встречать вас...

Я крепко пожал руку низкорослому плечистому пареньку в широкой ненецкой малице.

— Зверя много? — спросил я моего нового знакомого. — План выполняете?

— За план будьте покойны. Мы — стахановцы...

— Товарищ Ковров прав, — заметил начальник зимовки. — Мы провели на зимовке стахановский месячник имени Десятого съезда комсомола и годовой план заготовки пушнины уже выполнили на 270%. Такого большого количества пушнины тут даже в песцовые годы не сдавали.

Рядом с Шоломовым стоял стройный голубоглазый молодой человек с приятным запоминающимся лицом. В глазах его пробегали какие-то беспокойные искорки.

— Вы тоже комсомолец? — спросил я.

— Конечно. У нас все комсомольцы.

— А что вы делаете на зимовке?

— Я радист.

Внезапное вмешательство Шоломова превратило наш разговор. Оказывается, в суматохе встречи никто не заметил, что дежурный радист покинул свой пост и, услышав шум мотора нашего самолета, вместе со всеми выбежал на аэродром. Его мучила совесть, но желание увидеть и услышать новых людей, впервые прибывающих к ним за последние полгода, победило все. Теперь, оправдываясь перед начальником, он передал ему какую-то бумажку и стремглав бросился к домику рации.

— Это вам, Михаил Васильевич, — сказал Шоломов, взглянув на бумажку.

„Попал в сплошной туман, — прочитал я. — Решил вернуться. Сел благополучно в бухте Варнека. Махоткин“.

— Какая досада! — невольно воскликнул я. — Ведь я был уверен, что мы здесь встретимся...

Бассейн принялся командовать добровольными помощниками, готовя машину к неожиданностям предстоящей ночи. Мы с Шоломовым направились к чуть заметным из-под снега домикам зимовки.

— Опять подвела рация, — сказала я Шоломову после короткого молчания. — У нас почти с самого вылета из Амдермы не было связи. Если бы я знал, что Махоткин вернулся, конечно я не пошел бы вперед...

Вслед за нами в кают-компанию веселой гурьбой ввалились зимовщики с Бассейном и Ивановым. Неизбежными вопросами о „московских новостях“ нам не дали даже спокойно пообедать. Так как на каждой зимовке нам приходилось рассказывать почти одно и то же, Бассейн предложил записать нашу беседу на граммофонную пластинку и, пока мы обедаем, давать слушать наиболее нетерпеливым. Благо патефон есть на всех зимовках.

— А ты помнишь меня, Михаил Васильевич? — неожиданно спросил Шоломов.

— Еще бы не помнить! Вылетая сюда, я всем говорил, что на Матшаре встречу со старым другом...

— А помнишь, как мы вместе летели в бухту Лаврентия?

Зимовщики заинтересовались „встречей старых друзей“, и т. Шоломов был вынужден рассказать о нашем полете на Чукотке.

Рассказ Шоломова послужил началом намеченного сегодня торжественного вечера, посвященного подведению итогов первого стахановского месячника в Заполярье. После него выступали зимовщики и звероловы, рассказывали о своих достижениях, называли цифры перевыполнения плана. Чувствовалось, что и здесь, далеко за Полярным кругом, бьется равномерный и полнокровный пульс нашей родины. Отдаленные на тысячи километров от железной дороги, от культурных и промышленных центров, люди не чувствовали себя забытыми. Наоборот. Они жили одной жизнью со своей родиной, их волновали ее интересы, и они готовы были сделать — и делали — все, чтобы порадовать ее своими успехами.

Присутствовавший на торжественном вечере в Маточкин Шаре парторг Новой Земли т. Шувалов повторил еще раз известную всем цифру — 270% выполнения годового плана — и разъяснил, что она означает.

— У нас на Новой Земле очень важным в промысловом отношении является вопрос о так называемых „песцовых“ и „непесцовых“ годах. Удачные в промысловом отношении годы чередуются с годами, когда количество добываемых песцов ничтожно. Старожилы-звероловы утверждают, что „песцовые“ и „непесцовые“ годы правильно чередуются. Говорят также, что зимы 1929/30 года и 1932/33 года были „песцовыми“. Выходит, что нынешняя зима тоже „песцовая“.

Не знаю, так это или нет, — ученые еще не проверили наблюдений звероловов и не дали им серьезных обоснований, — но 270% плана говорят за себя. Мы же уверены, что здесь дело не в годе, а в стахановских методах работы...

* * *

Утром прилетел Махоткин. И как раз вовремя. Не успели механики закрепить самолет, разгулялась обычная гостя этих мест — пурга. И только 9 апреля мы, наконец, достигли мыса Желания.

От нашей последней посадки на Маточкином Шаре до мыса Желания мы летели всего три часа и двадцать пять минут. Для перелета из Амдермы в Матшар нам потребовалось около четырех часов. Значит, от Амдермы до мыса Желания — всего семь с небольшим часов полета. Нам же потребовалось „немного“ больше — девять суток, причем мы не потеряли даром ни одной минуты летного времени. Видно правы полярные летчики, которые говорят: „В Арктике не так важно уметь хорошо летать, как уметь хорошо ждать“. Именно — ждать. Погода здесь меняется молниеносно, и в калейдоскопе туманов, снегопадов, ветров и ясных минут нужно выбирать и выбрать такой момент, который наиболее благоприятен для полета.

Девять суток борьбы и ожидания сделали для нас мыс Желания настолько желанным, что мы поняли, почему Виллем Баренц в 1596 году, впервые достигнув на корабле этой точки Новой Земли, так окрестил ее. Более подходящее название для этого мыса придумать было трудно. В XX веке нам, советским летчикам, вооруженным передовой техникой, потребовалось 9 суток, чтобы достичь его воздушным путем. Не трудно представить, сколько месяцев каторжного труда и лишений потребовалось потратить мореплавателям в XVI веке для того, чтобы достичь его морем на парусном судне.

Сейчас на мысе Желания выстроен целый городок: жилой дом в 11 комнат и другой дом в 4 комнаты, здание радиостанции, электростанция, аэрологический павильон, склад продуктов, бани, собачник, помещение для скота и т. п. Весь поселок телефонизирован. Почти у каждого телефона висят списки телефонных абонентов Москвы и Ленинграда: зимовщики мыса Желания имеют возможность разговаривать с этими городами по радиотелефону. Петропавловский завод и мощная аккумуляторная установка круглые сутки обеспечивают станцию электроэнергией и светом. И все это хозяйство здесь, на 76°58' северной широты, на мысе, не каждый год доступном для кораблей. Оно выросло всего за какие-нибудь 4—5 лет. Полярная станция на мысе Желания построена только в 1931 году. С тех пор на ней регулярно ведутся научные наблюдения. Находясь на стыке Баренцева и

Карского морей, станция имеет очень важное значение для полярного мореходства, так как дает возможность держать под непрерывным наблюдением ледовый режим этих морей в течение круглого года.

Мы спустились на аэродроме мыса Желания 9 апреля в 14 часов 15 минут. Навстречу самолетам, как и везде, высыпало все население зимовки. Ее обитатели ждали нас с большим нетерпением. Они знали, что мы везем не только газеты и письма, но и новые подшивки для электростанции. С особым нетерпением ждал нашего прилета астроном зимовки т. Широков. Еще бы! Его постигло несчастье — разбили очки. Астроному остаться без зрения — все равно, что летчику лишиться самолета. Узнав об этом из его отчаянной радиогаммы, мы захватили ему из Москвы новые очки. Теперь, впервые после долгого перерыва, астроном снова получил возможность работать...

Радостные лица, сердечные приветствия, безоблачный солнечный день. Казалось — ничто не могло нарушить долгожданного покоя, наконец-то установившегося над затерявшимся в арктических льдах клочком земли. Но не успели мы раздать зимовщикам письма и посылки, — за окном потемнело. Солнце скрыли нивесь откуда набежавшие тучи. Начинался шторм...

Я пишу „ночью“, „к утру“ — слова, которые вызывают в памяти каждого определенные, привычные с детства понятия. Ночь — значит темно; рано утром — значит чуть брезжит желтая полоска рассвета. Ничего подобного не было на мысе Желания. Глубокая ночь, за окном завывал шторм, но было светло, как днем. Мы уже перелетели границу, за которой начался многомесячный полярный день.

Семь дней — до 16 апреля — плохая погода приковывала нас к мысу Желания. Драгоценное время уходило, неуклонно надвигалась полярная весна с ее постоянными туманами, достигающими 4—5 тысяч метров высоты, с ее теплом, растапливающим наши снежные и ледовые аэродромы. Надо торопиться. До наступления весны мы должны не только добраться до бухты Тихой, но и полетать над Землей Франца-Иосифа, попробовать подняться возможно выше по невидимой сетке географических градусов. Весна может сорвать все наши планы. Надо вылетать, немедленно вылетать!

Вылетать... Как вылетать, когда мыс Желания оказался „гостеприимнее“ всех предыдущих зимовок? Каждый день что-нибудь да мешало. Или пурга приковывала нас к мысу Желания, в то время как бухта Тихая дразнила хорошей погодой; или туман спускался над бухтой Тихой, в это время у нас, на мысе Желания, солнечный день злил и радовал в одно и то же время; или непогода — полярный шторм, когда многолетний пак на море начинает ходить

волнами, многометровые льдины с легкостью шепки становятся на ребро и вновь обрушиваются в море, когда воздух на сотни километров вокруг дрожит от непрерывного грохота, будто бьют без остановок тысячи орудий одновременно, полярный шторм, родившись неизвестно где, обрушится и на мыс Желания и на бухту Тихую одновременно. Как вылетать, когда погода Арктики могущественна, а твой самолет — комар, игрушка перед ней?..

Долгие-долгие томительные дни ожидания... Трудно их описать! Чего мы только не придумывали за это время! Устраивали шахматно-шашечные турниры, разговаривали по радио с ближайшими зимовками, сотый раз слушали знакомые патефонные пластинки, организовывали вечера воспоминаний. Мы, летчики, на этих вечерах, кажется, вывернули себя наизнанку, рассказали все, что можно было рассказать и о себе и о своих товарищах.

Утром 16 апреля на мысе Желания установилась наконец ясная, солнечная погода, и синоптик уверял, что она продержится не меньше суток. В бухте Тихой погода тоже отличная, видимость 50 километров. О лучшем мечтать трудно, и мы решили не терять дорогого времени.

Еще на пути к мысу Желания наши самолетные компасы заметно нервничали, чувствуя близость магнитного полюса. Но тогда это не было страшно — мы все время имели хороший ориентир — берег Новой Земли. Независимо от настроения компасов, он привел бы нас к желанному мысу. Но теперь нам предстояло подняться до 80° северной широты.

Как поведут себя самолетные компасы в этих широтах — неизвестно, а идти придется свыше 500 километров над льдами и открытой водой Баренцева моря. Там ориентировать не сыщешь. И мы решили контролировать работу компасов радиомаяком мыса Желания.

Последний раз проинструктировал меня перед полетом, старший радист мыса Желания т. Безменов:

— Мы требуем одного: веди самолет так, чтобы обе буквы маяка были слышны одинаково хорошо. Все остальное зависит от нас. А мы, будь спокоен, своими лучами приведем тебя прямехонько к бухте Тихой.

Поблагодарив заботливого радиста, я взглянул на переданную им схему. В ней значилось:

„От мыса Желания до бухты Тихой вас будут сопровождать два луча: один — справа, другой — слева. В центре проходит прямая линия, соединяющая эти два пункта. Самолет все время должен находиться на этой центральной линии. Правый луч имеет сигнал — букву „А“ по азбуке Морзе, левый луч — букву „Н“. Если слышимость обеих букв одинакова — самолет находится в центре, между лучами. Если же слышимость какой-либо буквы ослабела — самолет отклонился в сторону. Чтобы снова выйти на правильный курс, нужно до тех пор отклоняться в сторону ослабевшей буквы, пока ее слышимость не восстановится“.

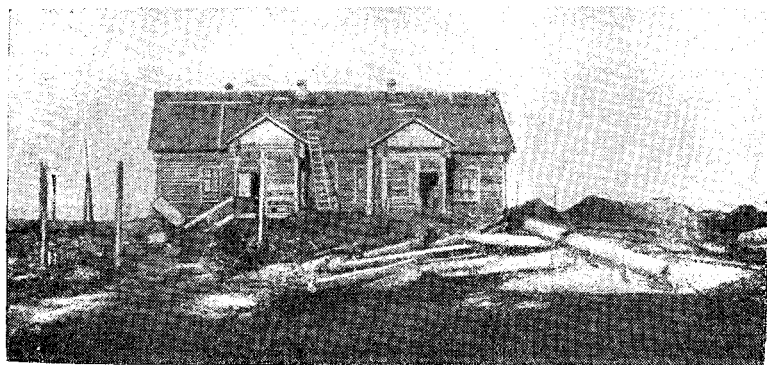
Внизу та же схема была аккуратно вычерчена карандашом, и по ней я ясно видел, каковы принципы работы радиомаяка.

Сборы короткие. Даже моторы, будто чувствуя нашу торопливость, запустились быстро, без особых капризов, обычных в арктических условиях.

Я взлетел первым, чтобы перед полетом проверить радиомаяк в воздухе. Махоткин должен был взлететь после того, как я вернусь и сделаю круг над аэродромом.

Первое время в воздухе я чувствовал себя несколько необычно: уши закрыты наушниками, в наушниках назойливо пищат точки и тире азбуки Морзе. До сих пор в полете я слушал только одно — мотор. Ухо привыкло к его знакомому грохоту и чутько реагировало на малейшие изменения в привычных шумах. Теперь внимание приходилось распределять между мотором и

Достройка передающего пункта радицентра (Амдерма)

радиомаяком. Больше того — позабыть про мотор и все внимание переключить на морзе.

Испытывая радиомаяк, я отошел километров на десять в море, полетал там. Слышимость хорошая, с привычным положением освоился, все в порядке. Пора возвращаться на аэродром и поднимать Махоткина.

Подлетаю к аэродрому — Махоткин рулит к старту. Вот сейчас он поднимется, и мы возьмем курс на последнюю точку нашего перелета, возьмем последний барьер...

Пошел на круг, не спуская глаз с Махоткина. Он остановился. Мало ли мелочей могут на минуту задержать на старте?.. Проходит десять, двадцать минут — самолет Махоткина попрежнему стоит на месте. Мотор работает на малых оборотах. Летаю с полчаса — он ни с места. Наконец запрашиваю рацию мыса Желания:

— Почему Махоткин не вылетает?

Радист сам не знал в чем дело. Пришлось бедняге пробегать добрый километр, отделяющий радиорубку от аэродрома. Только после этого мы получили неутешительный ответ:

— У самолета сломался костыль. Махоткин взлететь не может.

Что и говорить — неприятная неожиданность. Во-первых, садиться с перегруженной машиной опасно. Вместо помощи Махоткину можно поломать свою машину и самому запросить о помощи. А во-вторых — хотя поломка костыля и не такая уж большая беда, но исправление ее на открытом аэродроме при 30-градусном морозе займет не мало времени, а погода может измениться. Тогда пошло прахом все наше семидневное ожидание...

Как ни тяжело, но пришлось сесть.

На наше счастье, на зимовке оказались запасные части для самолета „Н-5“, и среди них — новый костыль. С помощью зимовщиков мы притащили козлы, подняли на них хвост самолета Махоткина, и сломанный костыль был заменен новым.

Самолет Махоткина поднялся в воздух и стал набирать высоту. Следом взлетел и я. На прощальный круг над аэродромом мы пошли вместе, строем.

Аккуратов сильно переживал свое поражение в Карском море. И теперь, на последнем участке пути, ему представился великолепный случай показать на практике свое штурманское искусство и подкрепить свой пошатнувшийся авторитет. Я охотно пошел навстречу желаниям Аккуратова, и мы условились: я иду впереди по радиомаяку, Махоткин немного сзади — по компасу.

В пути мы будем время от времени сверять свой компасный курс. Если же у меня закапризничает рация — я делаю круг и „сажусь на хвост“ Махоткину. Это должно означать, что он становится ведущим.

Так мы летели минут 25—30. Все шло хорошо. Потом ни с того, ни с сего стала

затихать слышимость радиомаяка. Чем дальше — тем хуже. Я послал записку Иванову, но и сам он, непрерывно контролируя прием сигналов, был озабочен не меньше меня.

— Дело в приемнике, — ответил Иванов. — Потерпи несколько минут, настроюсь.

Я боялся слишком далеко отклониться от курса и „терпеть“ не согласился. Пошел на круг и пустил вперед Махоткина. Правда, в следующую же минуту мне пришлось пожалеть об этом: я вновь отчетливо и ровно стал слышать успокаивающие сигналы радиомаяка. Но заходить вперед, нервировать товарища не хотелось. И я решил идти следом и радиомаяком контролировать правильность вычисленного Аккуратовым безопасного курса до тех пор, пока в наших курсах не наметится существенной разницы.

Время шло, курс Аккуратова был безукоризнен. Я „сидел на хвосте“ у Махоткина и одинаково хорошо слышал оба сигнала радиомаяка. Так продолжалось, как я теперь вспоминаю, не менее часа.

Впереди стали попадаться рваные облака. Над облаками Махоткин не пошел. Он снизился под них. Не трудно было понять его: летчик как-то лучше себя чувствует, когда внизу видна земля. Здесь под нами, конечно, не земля, а такое же нагромождение льдов, как и в Карском море, но все-таки кое-что видно. Я не отставал ни на шаг.

Вскоре облачность стала прижимать нас еще ниже. Попали в негустой туман. Через две-три минуты он кончился.

Ровно гудят моторы, на-редкость спокойно проходит полет, опять потянулась полоса хорошей погоды. Никаких воздушных и магнитных бурь — радио и компасный курс наших самолетов совпадают идеально.

— Красота, — радуется Махоткин. — Скоро и половина пути...

Но наступила долгожданная половина, и „красота“ кончилась. Мы врезались в густой туман. Идущий впереди самолет Махоткина как ножом отрезало. Зная его привычку прижиматься к земле, я добавил оборотов мотору и полез вверх. Не успел набрать тысячу метров, — туман кончился и впереди снова показалась хорошая полоса. Ободованный таким счастливым оборотом дела, стал искать Махоткина. Далеко-далеко впереди показалась черная точка, своими очертаниями напоминающая самолет. Указав на нее своим товарищам, я крикнул:

— Вон Махоткин!

— Почему же он так далеко? — с недоумением спросил Бассейн.

— Чего же удивляешься? Пока мы набирали высоту — наша скорость была незначительна, а он в это время шел брюющим полетом. Вот и ушел далеко вперед.

Я направил свой самолет к черной точке. Через несколько минут меня постигло полное разочарование. Точка оказалась полыней, издали напоминающей самолет. Продолжаю поиски. Посмотрел направо, налево, сделал

круг, Махоткина нет. Связаться с ним по радио невозможно — наша рация работает на длинной волне маяка. Его сигналы назойливо лезут в уши, напоминают о том, что лечу по радиомаяку и лечу правильно...

Успокоив себя тем, что Махоткин летит впереди, я решил продолжать полет.

Не прошли и ста километров — снова врезались в туман. С тех пор туман и низкая облачность стали попадаться довольно часто, и нам не раз приходилось подниматься и опускаться, выискивая наиболее благоприятную для полета высоту.

Мы находились в полете уже два с половиной часа. По нашим расчетам с минуты на минуту должны показаться острова Земли Франца-Иосифа. Но вдруг исчез один из сигналов радиомаяка — пропала буква „А“. Помня наставления радистов, я должен был сейчас же повернуть направо и отправиться на поиски пропавшего сигнала. Чтобы лишний раз проверить себя, я все же, прежде чем повернуть, посмотрел на схему. На схеме все изображено ясно, буква „А“ с правой стороны. Сомнений быть не может, а тут еще Иванов передает через Бассейна:

— Ищи „А“, бери вправо...

Пришлось повернуть.

По радиомаяку я лечу первый раз. Как человек, привыкший летать по компасу, я не особенно доверяю рации. До того, как пропало „А“, компасный курс наш был 290—300°. Теперь, в поисках пропавшего сигнала, я уже отклонился до 340°, но „А“ пока еще не слышно. Иванов продолжает настаивать:

— Давай вправо.

„Ну, уж дудки“, подумал я и, руководствуясь компасом, повернул влево.

Я сознательно пошел против схемы радиомаяка, потому что больше не доверял ему.

Настроение у моих товарищей упало.

„Н-Н-Н-Н“, назойливо пищал маяк мыса Желания, громко напоминая о себе. Второго сигнала „А“ я так и не услышал.

Погода настолько ухудшилась, что лететь становилось трудно. Вверх же пробиваться не хотелось — можно прозевать острова.

С момента старта прошло четыре с половиной часа. Мы летели на высоте 200 метров. Под нами грозились ледяные торосы и айсберги Баренцева моря. Только что осталась позади огромная полынья.

В кабине тепло, как в комнате, хотя столбик термометра, прикрепленного на стойке крыла самолета, упал до 31° ниже нуля. Слева показалась земля. Архипелаг. Но какой это остров из семидесяти с лишним островов Земли Франца-Иосифа?

Стал обходить обнаруженный остров. Подо мной — пологий берег, покрытый довольно ровным слоем снега. В случае чего сесть можно без особого риска. Но садиться недалеке от цели не хотелось. Приказал Иванову выключить ставший бесполезным

радиомаяк, перестроиться на короткую волну, связаться с бухтой Тикси и узнать, какая у них погода.

Пока Иванов выполнял распоряжение, — остров кончился, и мы снова вышли в скованное льдом море. Я начал нервничать. Никому неизвестно, в какой части архипелага Франца-Иосифа мы сейчас находимся. Может быть остров, который только сейчас был под нами, является его крайней северной или южной оконечностью и по нашему курсу мы уже больше не встретим земли. Тихая не отвечает. Бензин на исходе. Нужно немедленно принимать какое-то решение. И, посоветовавшись с Бассейном, я решил вернуться обратно и сесть на острове...

Вернулся. Справа что-то зачернелось. Подошел ближе. Маленький островок. Дальше остров побольше. Между ними пологое, ровное место. Хорошо видно, как на поверхности снега с северо-востока быстро бежит поземка. По поземке я определил ветер. И не успел еще Иванов убрать антенну, как самолет уже рулил по снегу.

— Придетели, — облегченно вздохнул я и добавил, обращаясь к товарищам: — В какой ангар прикажете машину поставить?

Пять дней на необитаемом острове

Машина не слушалась, ветер не давал ей развернуться без посторонней помощи. Сбавив обороты мотора, я обернулся, ожидая, что Бассейн, как и всегда, вылезет из кабины, поможет. Механик молча показал мне правую руку, обмотанную окровавленным бинтом. Вместо него вылез Иванов.

Радист ухватился за дужку правого крыла. Я дал почти полный газ. Машина послушно развернулась и с большой скоростью покатила к намеченному месту.

Иванов отстал и тут же скрылся из глаз. На земле была плохая видимость, а тут еще струей воздуха от винта я поднял такое облако снежной пыли, что в пяти шагах стало невозможно что-либо разглядеть. Опасаясь, как бы не потерять Иванова, я остановился. Он скоро пришел, определил направление по звуку мотора.

Даже короткое путешествие при 30-градусном морозе имело свои последствия. Все лицо Иванова покрылось белыми пятнами. Бассейн снял с себя шерстяной шарф и заставил радиста оттирать им обмороженное лицо.

Я подрулил к неизвестному острову, остановил мотор и открыл краник под радиатором. Струйка горячей воды, весело журча, побежала вниз, образуя в снегу быстро растущую проталинку. Под напором порывистого ветра тонкая струйка гнула и обрывалась, рассыпая всеоруд капельки брызг. Проталинка расширялась во все стороны и, рассеянная ветром, становилась похожей на рану. Мрачное сравнение не

выходило из головы все время, пока я вошел с мотором.

Медленно охлаждалось горячее сердце крылатой машины. Вместе с теплом его уходила и надежда на скорое освобождение из неожиданного плена. Без воды не запустишь мотора, хотя и снабженного специальным приспособлением для запуска при низких температурах. Мотору нужно много воды, а где ее взять на необитаемом острове при 30 градусах мороза? Трудно нам будет подняться теперь без посторонней помощи...

Даже здесь, за местом неизвестного острова, ставшего местом нашей вынужденной посадки, ветер неистово рвал и метал. Начинался шторм. И нам пришлось оставить всякую мысль о попытке немедленно связаться по радио с внешним миром. Мы знали, что о нашей судьбе будут беспокоиться не только на гостеприимных зимовках, но и на Большой земле, что нам необходимо дать о себе знать, но в такой ветер при всем желании нам не запустить моторчика аварийной радиации, не установить динамки. Я высказал свои мрачные предположения товарищам. Иванов согласился со мной и, как бы в подтверждение своих слов, кивнул в сторону механика. Флегонт сидел молча, подняв забинтованную руку к лицу.

Только здесь я узнал о несчастье, которое постигло Бассейна на мысе Желания.

При взлете машину что-то задержало. Флегонт, как и всегда, выскочил из кабины, повозился около хвоста, махнул мне рукой, и я взлетел. Подобные вещи и раньше неоднократно случались на ледяных аэродромах Заполярья, и я не придал этому никакого значения. Все оказалось, однако, сложнее, чем я предполагал.

Выскочив из кабины, Бассейн обнаружил, что сломалась подкостыльная лыжа. Пока он поднимал лыжу, самолет остановился и моментально пристыл к снегу аэродрома. На скорую постороннюю помощь рассчитывать трудно: мы уже вырулили на стартовую линию и находились по крайней мере в километре от группы провожающих нас зимовщиков. Пока они, закутанные в меха, добегут до самолета — пройдет слишком много времени. Механик решил попытаться и без посторонней помощи выпустить самолет в воздух. Он передал сломанную лыжу Иванову, а сам стал раскачивать самолет за левое крыло. Попытка увенчалась успехом. Самолет тронулся. Бассейн подбежал к левой лыже, влез на крыло и впопыхах позабыл о том, что на этом крыле стояла динамка, приводившаяся в движение маленьким пропеллером. Самолет рулил, набирая скорость. Сопротивление воздуха росло с каждым мгновением. Пропеллер динамики вращался с такой быстротой, что его трудно было заметить. В спешке Флегонт попал в него рукой. Сила вращения была настолько велика, что

пропеллер в мгновение ока разрубил меховую рукавицу, кожаную перчатку и изуродовал два пальца на руке. Механик стерпел мучительную боль, на ходу залез в кабину и занял свое место. Я пошел в воздух, даже не подозревая о случившемся...

Кабины нашего самолета отапливаются отработанными газами. В них тепло только тогда, когда работает мотор. Мотор же давно выключен, и температура кабин быстро приближалась к температуре окружающего воздуха — к 31° мороза. Фанерные стенки фюзеляжа, конечно, меньше всего приспособлены для того, чтобы долгое время сохранять тепло.

На первый взгляд казалось, что сейчас не больше трех-четырех часов дня. На самом деле был первый час ночи. Мы поднялись сегодня около 6 часов утра и с тех пор беспрерывно работали. Провели больше пяти часов в полете при довольно тяжелых условиях. Короче говоря — мы здорово устали и решили отдохнуть. К тому же я тайне надеялся, что к утру, как это часто случается, погода улучшится и нам удастся установить радио и связаться с внешним миром.

Сказано — сделано.

Иванов достал из багажных ящиков меховые комбинезоны, спальные мешки и прочее полярное обмундирование, до сих пор лежавшее без употребления.

— Довольно по-московски ходить, — сказал он. — Раз мы в Арктике, значит надо и одеваться по-арктически...

Напялив на себя неуклюжие меховые комбинезоны и шапки-ушанки, мы все же долго не могли согреться. Стены кабины оказались плохими защитниками не только от холода, но и от ветра. Его ледяное дыхание пронизывало нас насквозь.

Стали распределять места — где кто ляжет. Бассейн попросил отвести ему любимое место — в хвосте, около костыля. Он, испытавший не одну вынужденную посадку на самолете «П-5» за полярным кругом, давно избрал себе это место: там по крайней мере ему удавалось вытянуться во весь рост. Мне предложили место в пассажирской кабине, а Иванов занял пилотскую рубку.

На мой взгляд, труднее всего на свете залезать в спальный мешок. Мне, например, пришлось испытать это удовольствие в первый раз в жизни. Другое дело — Иванов. У него огромный опыт. В 1934 году ему пришлось два месяца высиживать на льдине в «лагере Шмидта». За 60 дней он так натренировался, что юркнуть в меховой мешок для него не представляло никакого труда. Бассейн тоже обладал некоторым опытом, к тому же — ему помогал небольшой рост. Даже работая одной рукой, он с задачей справился довольно успешно. Я же, при моей комплекции, в тесноте кабины спасовал окончательно. Спасибо Иванову, ко-

торый с большим трудом втиснул меня в проклятый мешок.

Не знаю, как моим товарищам, но мне и в спальном мешке отогреться не удалось. Я долго ворочался, щелкал зубами и в конце концов не выдержал — попросил Иванова достать примус. После того как загудел примус, в кабине стало немного теплее. Холод перестал мучить нас, и мы заснули. Но не надолго. Бесцеремонный мороз скоро опять разбудил нас.

Ветер стихал. Погода стала медленно улучшаться. Убедившись, что заснуть нам все равно не удастся, мы с Ивановым вылезли из кабины и приступили к установке палатки. Бассейн спал, и мы не стали его беспокоить.

Иванов, как опытный полярник, принял-ся командовать. Он выбрал наиболее защищенное от ветра место невдалеке от самолета, начертил на нем лопатой квадрат, и мы с остервенением людей, желающих как можно скорее согреться, принялись копать яму.

— Яма нужна для того, — между делом поучал меня Иванов, — чтобы ветер не унес палатки и не поддувал бы под ее края.

За работой, впервые за много часов, мы согрелись по-настоящему. Вместе с теплом вернулось бодрое, жизнерадостное настроение. Сами того не замечая, мы начали громко разговаривать, смеяться, шутить. Наши голоса далеко разносились вокруг, нарушая чуткую тишину скованного льдом необитаемого острова. Услышав их, основательно продрогший Бассейн сообразил, что нам удалось согреться, и вылез из своего „логова“.

— Смена идет, — громко приветствовал его Иванов.

— Какая смена? — сокрушенно мотнул головой Бассейн. — Я инвалид первой группы.

— И для инвалида дело найдем...

Пока мы укрепляли палатки, расстлали на снежном полу самолетные чехлы и свои спальные мешки, Флегонт на правах инвалида ходил без дела и громко выражал свой пессимизм по поводу нашей затеи. Не веря в палатку, он свой спальник так и оставил в самолете.

— Я занимаю пассажирскую кабину, а вы можете мерзнуть в своем шатре, — проворчал он.

— Кто будет мерзнуть, еще вопрос!

— Посмотрим...

Палатка готова. В ней весело гудит примус, распространяя вокруг приятное тепло. Растянувшись около примуса, мы почувствовали голод.

— Не вредно бы теперь и пообедать, — мечтательно заметил Бассейн.

— Во-во! — обрадовался Иванов. — Инвалид себе дело нашел. Я всегда говорил, что из Флегонта получится хороший повар.

Бассейн охотно принял на себя обязанности „главного кока“ и стал распоряжаться.

Примус гудел не переставая, и в палатке стало совсем тепло. Бассейн священнодействовал у груды продуктов, поминутно посылая нас в самолет то за тем, то за другим. Готовил он долго, но что именно приготовил, — сказать трудно. Я уверен, что ни один повар не сумел бы назвать это кушанье. Рецепт же его был таков: после того как снег превратился в воду и вода закипела, Бассейн всыпал в кастрюлю несколько ложек сухого молока, положил две плитки шоколада и две ложки сливочного масла. Мутнобелая жидкость неожиданно превратилась в зеленую или даже почти

Метеорологическая станция (мыс Желания)

в черную. Нас, наблюдавших голодными глазами за чародейством „кока“, это обстоятельство несколько смутило. Тщательное расследование привело к неожиданному выводу: на окраску супа повлиял... олений мех, из которого были сшиты наши комбинезоны и спальные мешки. В палатке тесно, мех сильно линяет, и, пока варился обед, в кастрюлю набралось столько оленьей шерсти, что наше варево поневоле приобрело довольно странный цвет...

— Обед готов, пожалуйста к столу, — важно провозгласил Бассейн.

Мы бросились „к столу“ и только тут спохватились, что суп-то есть нечем и не из чего. Перед отправлением все, кажется, предусмотрели, а вот миски, ложки и даже обыкновенные кружки позабыли. Обнаружив столь досадное упущение, я молча вышел из палатки и стал искать в самолете что-нибудь подходящее. Мой взгляд случайно остановился на маленьком обтекателе, прикрывающем краник. Снял обтекатель, осмотрел его и почувствовал, что он сильно пахнет краской.

— Ничего, с этим мириться можно...

Торжествующий, я вернулся в палатку и объявил о своей находке. Иванов сейчас же „записался в очередь“. На лице Бассейна отразилась вполне законная досада: как это он — бортмеханик — позабыл, что на его самолете есть такие удобные части? Досаду он выразил по-своему:

— Я знаю, пока очередь дойдет до меня и я получу эту самую пиаду, вряд ли что останется в кастрюле. Поэтому я по праву повара беру себе первую пробу...

И не тратя больше слов попусту, он надел на здоровую руку перчатку, поднял горячую кастрюлю и стал пить жидкость прямо из нее, закусывая галетами.

Против ожидания — завтрак оказался довольно вкусным и питательным. Распрямились с ним мы не без удовольствия.

Кастрюля „полярного супа“ придала новые силы, и мы приступили к установке динамки и мотора аварийной радиации.

Ветер немного стих, но мороз не спал. Работать приходилось без перчаток, и руки приставали к нахолодавшим металлическим частям. В обычной обстановке всю работу можно было кончить за какие-нибудь 10—15 минут, а здесь мы потратили на нее не менее двух часов.

Наконец, динамка на месте. Теперь предстоит не менее сложная задача: на 30-градусном морозе запустить бензиновый моторчик. Долго с ним бился, пока не решили сделать то, что категорически запрещено инструкциями и руководствами: подогреть моторчик паяльной лампой.

Моторчик заработал, завертелась динамка. Иванов сел за ключ, стал выстукивать наш позывной знак „Ругуй“. Не успел он один раз отстучать его — оборвался ремень. С тех пор ремень рвался без конца, и мы весь день передавали одну небольшую радиogramму:

„Тихая. Махоткину.

Совершил вынужденную посадку на одном из островов Земли Франца-Иосифа. Точно определить места не могу. Мешает плохая видимость. Самолет цел, экипаж здоров. Привезите килограммов сто бензина и бак для нагрева воды. Водопьянов“.

Мы адресовали свою радиogramму в бухту Тихую, так как она была ближайшей к нам зимовкой. Кроме того мы были уверены, что Махоткин благополучно завершил перелет и сидит в Тихой.

Первым нас услышал остров Уединения, вслед за ним — бухта Тихая и еще ряд полярных раций.

Борьба с никудом негодным ремнем вымотала у нас все силы. С трудом подав весточку о себе, мы уже не отваживались ничего больше передавать сами и только слушали каждый час, что делается в эфире. Вскоре приняли ответную радиogramму Махоткина. Он сообщил:

„В полете 16 апреля у меня испортился указатель скорости. Без него даже в слабом тумане я лететь не мог. Вернулся на мыс Желания. При первой возможности вылету в бухту Тихую и на помощь к вам“.

Большую неожиданность, чем такой ответ Махоткина, придумать трудно. Но ничего не попишешь. Человек с часу на час готов вылететь к нам на помощь. Куда он полетит? Архипелаг Франца-Иосифа насчитывает около восьмидесяти открытых островов. Сколько их еще не открыто — никто сказать не может. Где же нас будет искать Махоткин? Правда, в нашей радиogramме указано, что мы находимся недалеко от Баренцова моря. Но это так же точно, как такой адрес: „Я живу в Московской области“. Нужно как можно скорее определить место своей посадки и сообщить Махоткину не только область, но и название города, улицы и номер дома...

Прежде всего надо было определить наше местоположение относительно бухты Тихой. Если предположить, что радиомаг прав, то мы должны быть южнее Тихой; если прав компас — то севернее.

Осмотревшись внимательно, я заметил, что самолет со всех сторон окружают пологие мыски, густо покрытые чернеющей из-под снега галькой. Это уже хорошо. Раз видна галька, значит островок не покрыт ледником. Из описания же архипелага Франца-Иосифа известно, что свободны от ледников всего несколько его островов. Сообщив о гальке, я помогу товарищам в Тихой и в Москве по карте более или менее точно определить место моей посадки.

Не удовлетвовавшись первыми результатами, продолжаю осмотр, тщательно исследуя всякую подозрительную точку, попа-

дающую в поле зрения моего бинокля. И то, что я внезапно замечаю на севере, заставляет сердце задрожать от радости: на ровной глади льда стоит большой черный предмет, покрытый нависающей шапкой снега. Стал всматриваться внимательно. Дом? Да, именно дом. Если не дом, то склад. Есть чему радоваться. Ведь возле каждой одинокой постройки, возведенной рукой человека в Арктике, есть обязательно „гурий“ — груда камней, скрывающих собой бутылку с запиской. В записке точные координаты места и сведения о том, кто и когда достиг первым до этого места.

Не скрывая радости, позвал товарищей. Иванов и Бассейн, взглядевшись через бинокль, целиком подтвердили мои предположения. Вооружившись винтовкой на случай встречи с белым хозяином этих мест, зашагал к домику...

Вселившийся в нас столько надежд загадочный предмет оказался гораздо ближе, чем мы предполагали. Я насчитал до него всего 500 шагов. И тут меня постигло полное разочарование. Рассчитывая найти домик или, на плохой конец, склад, я остановился у самого обыкновенного камня, да еще таких небольших размеров, что если бы он накрепко не примерз к земле, я бы его легко донес до самолета...

Так мы впервые столкнулись на практике с изумительным явлением Арктики — зрительной рефракцией. До сих пор мы знали о ней только из книг. А теперь она сыграла с нами злую шутку.

Раздосадованные неудачей, мы вспомнили, что часы показывают уже двенадцатый час ночи и пора спать. Бассейн все же решил провести ночь в самолете, а мы с Ивановым стали устраиваться в палатке. Радиост помог мне втиснуться в спальный мешок, сунул под голову окорок, а сам пошел в самолет поискать что-нибудь, способное заменить подушку.

— Чем объяснить такую заботливость? — спросил я.

— Долг платежом красен, — ответил он. — Я о тебе позаботился, пока ты не спишь, а ты обо мне позаботишься, когда я буду спать. Прельщенный запахом окорока, ночью обязательно к нам пожалует твой белый тёзка. Я сплю крепко, могу прозевать дорогого гостя, а ты все мерзнешь, ворочаешься. Вот и устройте ему подобающую встречу.

Услышав наши голоса, Бассейн крикнул из самолета:

— Не беспокойтесь. Я сплю чутко, первый услышу медведя и разбужу вас...

Я поблагодарил товарищей за трогательную заботу, но опасный окорок все же •бросил в дальний угол палатки...

* * *

Погода понемногу улучшалась. Третьи сутки вынужденной посадки порадовали нас совсем хорошей видимостью. На юго-западе

открылся ряд островов, хорошо различимых даже невооруженным глазом. Ближе других был огромный остров с высокой горой.

Открывшаяся картина не оставляла никаких сомнений в том, что прав был компас, а радиомаяк отчаянно врал. Взглянув на карту, мы без труда определили, что находились севернее Тихой.

Слева, всего в километре от нас, было ясно видно открытое море: вдали темнело „водяное небо“. Видимо, это была та самая огромная полынья, которую мы пролетели последней.

Пока Иванов самоотверженно боролся с ремнем динамки, через час по чайной ложке передавая в Тихую новые сведения о нашем местоположении, мы с Бассейном исследовали в бинокль горы ближайшего острова.

— Как, по-твоему, далеко до этих гор?

— Чепуха, — уверенно сказал Бассейн. — Километров пять-шесть, не больше...

— По вчерашнему?

— Нет, по сегодняшнему. Сегодня видимость прекрасная — никакой рефракции нет. Вон посмотри на вчерашний камень. Простым глазом видно, что он собой представляет.

— Верно...

Мне казалось, что гористый остров расположен недалеко. Я решил забраться на его вершину и оттуда более или менее точно определиться. Рассчитывая скоро вернуться, я взял с собой только винтовку, сунув в карман „на всякий случай“ плитку шоколада. Товарищи почти насильно наезжали мне несколько кусков сахара, который я терпеть не могу. После такой подготовки, подгоняемый 30-градусным морозом, я легко зашагал по твердому снегу...

Я смело шел вперед, не боясь заблудиться или потерять ориентировку. Слева были хорошо видны вздымающиеся волны Баренцева моря и темное небо над ними. Они послужат хорошим ориентиром в случае надобности.

Мне давно не приходилось ходить пешком, и прогулка в ясный морозный день доставляла истинное удовольствие.

Иду час. Остров приближается плохо. Иду два. Дорога стала трудней. Ровный настил уступил место торосам и айсбергам. Я стал чаще оглядываться. Пройденное расстояние росло, самолет стал превращаться в черную точку, а до острова еще далеко. Тогда я понял, что стал снова жертвой рефракции. Воздух стал прозрачнее, видимость улучшилась, и рефракция, как бы сокращая расстояние, стала сильно приближать далекие предметы. Установив это, я заколебался: что делать дальше? Итти вперед или вернуться обратно?

Остров своими очертаниями сильно напоминал остров Гукера, на северо-западном побережье которого расположена зимовка Тихая. Но зная очертания этих мест по

карте, я не уверен в правильности своих предположений. Только осмотревшись с горы, я мог потушить сомнения и точно определить свое местоположение.

Обнаружив рефракцию, я уже не мог даже с приближенной точностью определить расстояние, отделявшее меня сейчас от острова.

«А вдруг ты не прав? — пытался трезво рассуждать я. — Вдруг это не остров Гукера? Что тогда? Дойти-то дойдешь, а вот на обратный путь определенно не хватит сил. Ты уже и сейчас чувствуешь усталость...»

Рассуждая таким образом, я с пристальным вниманием вглядывался в очертания вздымающегося впереди незнакомого острова. Я шел к нему около трех часов, а он за это время совсем не приблизился. Больше того, сейчас мне стало казаться, что остров отодвинулся еще дальше. Последнее обстоятельство заставило принять окончательное решение: возвращаться. Взглянув последний раз на желанный, но недостижимый остров, я круто повернулся и пошел обратно по своим следам.

Почувствовал первые признаки усталости — съел плитку шоколада. Стала мучить жажда. Захотелось сесть, отдохнуть, но одет я был легко и сесть боялся; застынут ноги, не смогу итти дальше. Так прошел, пожалуй, час. Стало еще труднее. Я напрягал последние силы.

Ослепительно сверкал снег. Я все время шел в темных очках-светофильтрах, спасающих от мучительной полярной слепоты. Теперь очки вспотели, замерзли, и через них ничего не стало видно. Мороз сильно пощипывал щеки и подбородок. Я опустил очки на подбородок и шел с открытыми глазами.

Обессиленный, почти задыхаясь, я наконец приполз к своему самолету. В эту минуту наша скромная палатка показалась мне чудесным дворцом...

Не мало времени прошло, пока я пришел в себя от усталости, вновь обрел дар членораздельной человеческой речи и рассказал о всех своих злоключениях.

Бассейн, вместе со мной рассматривавший гору, был поражен моими словами.

— Удивительная страна, — в раздумьи сказал он. — Здесь нельзя верить собственным глазам...

Все это так, но нужно искать выход. Скоро трое суток, как мы находимся здесь, но точно определить место посадки до сих пор не удалось. Махоткин должен нас разыскивать, а где — мы даже указать не можем. Да и когда он прилетит? Мы на себе испытали непостоянство погоды на мысе Желания. Быть может, Махоткину не скоро удастся добраться до Земли Франца-Иосифа. Не лучше ли, вместо того чтобы ждать помощи, попытаться выбраться своими силами?

Мы приступили к делу. Пришлось чайником сливать бензин из всех баков в два верхних. Таким образом мы наскребли горючего почти на два часа полета. До Тихой должно хватить.

Но бензин — это еще не все. Без воды тоже не полетишь. В чем же греть воду? А ее нужно не мало — шесть ведер.

Выход предложил Бассейн. По его совету сняли с самолета добавочный 90-литровый бензиновый бак. Посудина подходящая. И тут мне пришлось из летчика превращаться в водогрея.

Вместе с Ивановым мы вырыли яму в снегу, развели примус, паяльную лампу, наполнили бак снегом и начали его подогревать. Дело подвигалось медленно. Бак разогревался только снизу, и все усилия шли впустую. Чтобы сохранить тепло и добиться равномерного нагрева бака, я собрал все самолетные чехлы и наши кожаные пальто и накрыл ими бак сверху. Дело стало налаживаться. Снег начал таять настолько быстро, что я едва успевал подкладывать в бак все новые и новые порции.

Снегу я в него свалил, наверное, воза два, а воды едва полбака. Этак придется шесть ведер копать часов десять, если не больше. Пока воду нагреешь — весь бензин спалишь, лететь будет не на чем. Я поделился своими опасениями с механиком.

— Жги масло, — предложил он.

— А лететь на чем?

— Масла у нас много, часов на двенадцать. Две трети можешь смело сжечь.

За эту идею пришлось расплачиваться моему бедному самолету. Сняли мы лист жести, который служил обтекателем правой стороны мотора, согнули противень, налили туда смеси масла с бензином, добавили тряпок и подожгли. Получился почти без расхода бензина замечательный костер. Правда, на этом костре сгорели чехол с радиатора и кожаное пальто Бассейна.

Не десять часов, а почти сутки ушли на то, чтобы нагреть достаточное количество воды. За это время Флегонт с Ивановым подогрели мотор. Стали наливать воду в радиатор — не хватило полведра. Пришлось сливать воду обратно в бак и все начинать сначала...

Пока мы возились с водой, погода установилась идеальная. Воздух стал абсолютно прозрачным. Ни дымки, ни облачка. Яркое сияет солнце, разноцветными искорками передвигается нетронутый девственный снег. В такие дни с самолета, летящего на высоте 500—1000 метров, можно видеть в радиусе километров 100—150. Редко бывают такие дни в Арктике.

Изумительная видимость помогла нам обнаружить еще одну шутку рефракции. Темные волны слева оказались не открытым морем, как мы предполагали, а волнистым, чистым от снега ледником, спускающимся с соседнего острова. Вот так новость! А

ведь мы сообщили Махоткину, что сидим в нескольких километрах от открытого моря. И пришлось бы ему искать там, где нас никогда не было...

Это открытие нас, однако, не испугало. Теперь у нас теплый мотор, с минуты на минуту будет готова вода, и мы без посторонней помощи поднимаемся на воздух.

Наконец, наступила торжественная минута: вода готова. Стараясь не пролить ни капли, осторожно налили ее в мотор. На этот раз хватило... Я занял свое место в самолете и почувствовал перед собой теплый, готовый к работе мотор. У нас с собой был баллон сжатого воздуха. С его помощью нам удалось быстро запустить подогретый мотор. Ни с чем не сравнимой была наша буйная радость в эту минуту! Такую радость наверное испытывают потерпевшие кораблекрушение, внезапно увидевшие землю после долгих скитаний в утлой лодчонке по бурному морю.

Торопясь, сбивая друг друга с ног, мы бросились собирать имущество и сваливать его как попало в багажные ящики и пассажирскую кабину. Вслед за ящиками с продуктами туда полетели самолетные чехлы, палатка, спальные мешки, примуса и напильные лампы. Мы торопились. Каждая минута работы мотора на земле уменьшала скудные запасы горючего и ставила под сомнение возможность самостоятельного прилета в Тихую.

Едва дождавшись, чтобы товарищи заняли свои места, я дал полный газ, и лег-

кая машина свободно пошла в воздух, набирая высоту.

На высоте 2500 метров я всмотрелся в картину, развернувшуюся внизу в радиусе 150—200 километров. Сразу стало ясно, что радиомаяк завел нас к северу от бухты Тихой на остров Грэм-Белля.

Ориентировавшись, я определил компасный курс и направил по нему самолет к острову Гукера. До бухты всего 180 километров. Но сильный ветер дул нам прямо в лоб. Горючего должно хватить вобрез.

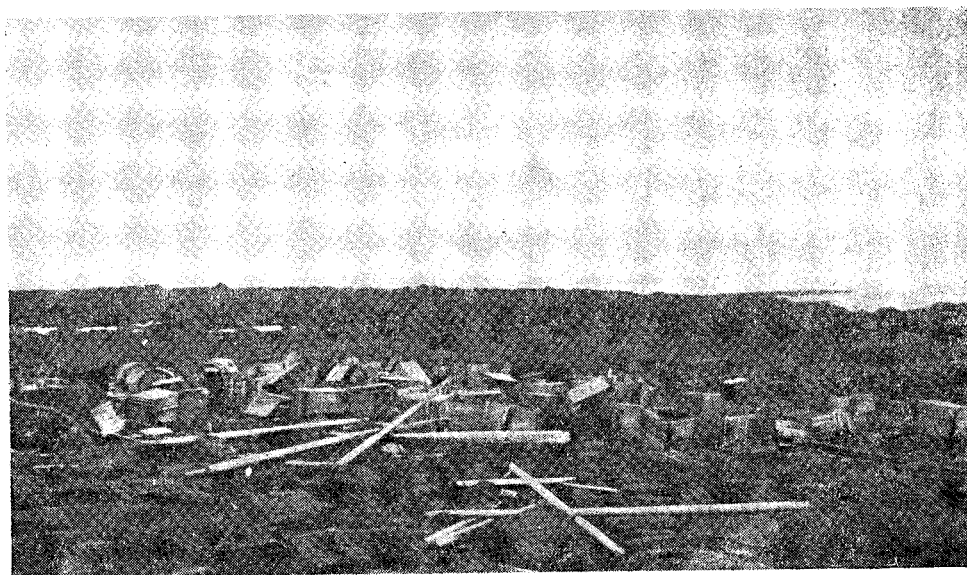
Гористый остров, до которого я попытался дойти пешком, оказался Землей Вильчека. Мы до нее летели минут пятнадцать. Это—минимум 40 километров. Трудненько было бы мне дойти до него пешком.

„Как мы сюда попали? — подумая я.— Неужели Безменов перепутал буквы? Неужели „А“ означало лево, а не право?“

* * *

Погода—на редкость хорошая, но самолет подвигается вперед очень медленно. Мешает встречный ветер.

Иванов прилагал все усилия, чтобы как можно скорее, связавшись по радио с Тихой, узнать, какая там погода. К сожалению, эти попытки ни к чему не привели. Несмотря на приказание Москвы—постоянно следить за нами, рация бухты Тихой сейчас не могла этого сделать. Как оказалось впоследствии, несколькими часами раньше в бухту прилетел Махоткин. Теперь он разговаривал с Москвой...

Земля Рудольфа—самый северный остров архипелага Земля Франца-Иосифа. На снимке продукты, оставленные экспедицией Фиала (1903—1905 гг.)

У острова Галля показались первые облака. На этот раз я решил не идти вверх. Бухта Тихая могла быть закрыта, и ее легко пролететь не заметив. Волей-неволей пришлось лезть под облака и обходить остров со стороны моря.

Скорее облачность снизилась почти до самой воды. Итти становилось труднее и труднее. Остров Мак-Клинтка остался позади. Внизу мелькают торосы, изредка прорезанные разводьями. Мы летим уже 1 час 10 минут, и, судя по времени, до острова Гукера уже недалеко.

Погода все портится. Бассейн не любит риска и, видя такое дело, предложил выбрать место поровнее, сесть и переждать непогоду. Я уже склонился к мысли, что Бассейн прав, когда Иванов передал записку:

— В Тихой туман, видимость 5 километров...

Положение не из приятных. Я еще не знаю, что надо делать. Внизу мелькают ровные площадки, рука невольно тянется к сектору газа — остановить мотор и сесть. Пока я раздумываю, сесть или не надо, площадки кончились и впереди опять вздымаются торосы...

Самолет не чувствовал моей нерешительности и с той же скоростью продолжал двигаться вперед. Выросший из тумана обрывистый берег острова Гукера положил конец нерешительности. Нам осталось только обойти кругом остров, так как бухта Тихая на его противоположной стороне. "Теперь-то мы в Тихой", радостно подумал я, чувствуя, как от этой мысли рассеялись все сомнения.

Лавируя над разрезанным побережьем острова, я приказал Иванову:

— Спроси еще раз Тихую о погоде. Может, лучше стало.

— У меня нет связи, — ответил Иванов.

— Как нет? Ты же только сейчас передал мне сводку.

— Эту сводку я случайно перехватил, когда Тихая передавала очередную погоду на мыс Желания. Сейчас она опять говорит с Москвой.

— Вот чертовщина!

До Тихой остались считанные километры пути. В баках остались считанные килограммы горючего.

Слева показался какой-то остров, а справа — высокая черная скала. Я не успел еще толком сообразить, куда мы попали, как прямо впереди выросли из тумана две мачты и несколько домиков. Бухта Тихая...

На мгновение остановилось сердце. Захотелось кричать что-то радостное и непонятное. Но я молчал, не в силах оторвать глаз от развернувшейся картины.

Бассейн тряс меня за плечо, позабыв про свою больную руку.

Такое состояние продолжалось очень недолго. В мозгу, как на мгновение позабытая боль, опять забились беспокойная мысль: „А вдруг не хватит горючего? Скорее, скорее“...

Едва дотянув до аэродрома, по флагам определив направление ветра, я без кругов, камнем пошел на посадку.

Конечно, нас никто не встречал. Когда мы уже рулили по аэродрому, из домиков выскочили зимовщики и товарищи по полету — экипаж Мохоткина. Нас окружили люди с радостными возбужденными лицами.

— Готовились-готовились к встрече, — сознался запыхавшийся от бега начальник станции, — а вы прилетели так неожиданно.

Вырвавшись, наконец, из ледяного плена, мы были настолько рады, что готовы были перецеловать всех этих милых, немного сконфуженных людей. Впрочем, последнее вряд ли доставило бы им удовольствие. Случайно я обратил внимание на Иванова и Бассейна и невольно сравнил их с встречающимися. Негры и белые. На наших лицах за время жителя на островеросло копоты на целый миллиметр. Блестели только зубы и белки глаз.

Когда схлынули первые восторги — нам истопили баню. Мы с удовольствием помылись. Чтобы привести себя окончательно в культурный вид, я сел бриться. И только тут, перед зеркалом, я обнаружил что у меня были обморожены щеки и подбородок.

— Ничего, — примиряюще промычал я. — Могло быть хуже. Не впервые тебе менять кожу на лице.

Иванова больше всех беспокоила история с радиомаяком.

Он первым долгом пошел не в баню, а на рацию и стал лично говорить с мысом Желания.

— Что случилось с маяком? — спрашивал он. — Почему внезапно пропал сигнал „А“? Почему, руководствуясь вашей схемой, мы значительно отклонились вправо от курса и все же не могли его обнаружить?

Радисты мыса Желания сначала не хотели сознаваться в своей ошибке и всю вину валили на технику. Потом Безменов извинился и сказал, что он случайно перепутал буквы: сигнал „А“ означал не право, а лево...

— Мы вам по радио сообщили, что дана неправильная схема, — добавил он. — Но вы, наверное, нас на короткой волне не слушали. Передать же вам это по длинной волне мы не догадались...

Перепутанная схема... Мелочь. Но эта мелочь явилась причиной нашей вынужденной посадки и могла нам дорого обойтись. Как важны такие вот „мелочи“ в Арктике!..

(Окончание в следующем номере)

А. А. САВЕЛЬЕВ

ОПЫТ ЛУЧШИХ ПОЛЯРНЫХ СТАНЦИЙ ПЕРЕДАТЬ ВСЕМ ЗИМОВКАМ

I

Было бы чрезвычайно важно записать простыми и ясными словами опыт гигантской работы, проведенной сотнями и тысячами зимовщиков, разбросанных сейчас по необъятным просторам нашей великой родины. Это был бы фундамент исторической борьбы пытливого человеческого ума над суровой природой Арктики — борьбы, вдохновляемой мудрым и величайшим человеком нашей эпохи, любимым другом полярников, товарищем Сталиным.

Было время, когда имелось всего 10—15 полярных станций; с каждым годом количество их возрастает, и теперь мы имеем уже 56 зимовок. Но кто изучает работу полярных станций, кто вкладывает в историю эту героическую работу? Надо думать, что пройдут годы и этими вопросами начнут заниматься, но тогда это будет трудней, чем теперь. Изучение и обмен опытом — один из ускоряющих элементов дальнейшего штурма Арктики.

Некоторые начальники станций в жизнь зимовок пытаются внести те же самые элементы, что и на Большой земле, без учета поправок, вносимых особыми условиями, — эти методы отвергаются практикой работы. Начинают изыскивать новые формы взаимоотношения людей на зимовках, работы с ними, а это один из главных элементов, который обеспечивает в дальнейшем успех в работе.

В этом очерке хочется показать хотя бы незначительную долю опыта, рассказав о зимовке на острове Белом (1934—1936 годы) как одной из лучших зимовок западного сектора Арктики.

Остров Белый (Сер-Энго — священный остров, как говорят туземцы) находится на 73,20° северной широты и 70,5° восточной долготы и является продолжением и северной оконечностью Ямальского полуострова. Длина его по параллели около 30 миль и по меридиану около 24 миль.

Поверхность представляет собой однообразную низменную тундровую равнину, всхолмленную в центре острова; холмы возвышаются на 10—30 метров над уровнем моря. Остров имеет по своим очертаниям форму суженного к северу четырехугольника. Никакой древесной растительности на острове нет.

Полярная станция острова Белый построена на невысоком берегу протоки, в 7 километрах южнее мыса Рагозина. Несмотря на короткий срок (около 3 лет) на острове Белом создан мощный научно-технический комбинат, насыщенный высокой техникой.

Находясь на острове, ни в какой мере не чувствуешь отрыва от Большой земли и от полярных станций, расположенных на многие сотни и тысячи километров.

Радиосвязь (старший радиотехник К. К. Сумрач) поставлена настолько хорошо, что ответ из Москвы, Ленинграда и других городов можно получить в тот же день или, в крайнем случае, на второй день. Рация располагает достаточным количеством передатчиков и приемников необходимой мощности.

Вращающийся электро маяк, поставленный на специальной ажурной башне высотой в 30 метров, виден на расстоянии 40—50 километров.

Радио маяк (монтировал радиотехник М. Н. Попов) по своему типу один из первых в мире. Нам известны всего четыре таких маяка: один в Англии и три в СССР — в Херсонесе, на острове Белом и на острове Диксона. Здание радиомаяка имеет восьмигранную форму, высотой $12\frac{1}{2}$ метров. По условиям работы радиомаяка — при его постройке не забито ни одного металлического гвоздя. Радиомаяк имеет официальный радиус действия 100 миль, но он слышен во много раз дальше, например на мысе Желания, на мысе Челюскина и т. д.

Вот одна из радиограмм, полученная от капитана п/х „Молотов“, находившегося в то время в 200 милях от Белого:

„18 сентября 1936. Пользовался радиомаяком, дал хорошие результаты, проверенные астрономическими определениями“.

Радио и электро маяки не раз послужили на пользу мореплавателям северных морей.

Механизмы радиомаяка скрыты в хорошо отполированном огромном шкафу. Даже при внимательном осмотре мы не могли обнаружить хотя бы малейшей недоделки в монтаже или царапинки на дереве. Это говорит о большой любви работников к порученному делу, к доверенному им оборудованию.

Пол здания покрыт линолеумом. На полу вы не заметите не только окурка или спички, вы не увидите даже пылинки. Стены и потолок радиомаяка, обшитые тесом, вымытые щеткой с мылом, сверкают белизной и свежестью. Весь дом радиомаяка освещен электросветом. На окнах, в ящиках, растут, лаская глаз, салат, редиска, горох. Стол накрыт зеркальным стеклом, под которым аккуратно подложены нужные для дела таблицы. На стене на полках — научно-технические книги.

Перед входом в здание руками радиотехника т. Кульбацкого разбит палисадник. Два треугольника земли бережно обнесены оградой, за которой опытные посевы гороха, овса и редиски. Эти культуры в прошлом году только 10 сентября показали свои первые ростки. Мерзлота под почвой и северное холодное лето в течение двух месяцев задерживали всходы. На этом маленьком оазисе зимовья чувствуется чистота, культура, любовь к делу. А кругом — дикая, безбрежная даль тундры, протянувшаяся на сотни — тысячи километров, покрытая мхами.

Замечателен также и ветродвигатель, дающий сейчас свыше 50% всей потребляемой зимовкой электроэнергии. Ветродвигатель в условиях Арктики — очень ценный механизм, и его нужно всячески внедрять на все зимовки, так как ветровые ресурсы Севера огромны.

Тов. Сидорин (б. начальник этой полярной станции) поставил перед специалистами вопрос — заставить арктический ветер работать.

на социалистическое строительство так, чтобы ветряк давал 75% всей потребляемой электроэнергии. „Он будет давать“, ответил старший метеоролог-челюскинец Н. Н. Комов. В своем сообщении т. Комов дал за три года по месяцам силу ветра. Данные подтверждают возможность достичь 75%, особенно теперь, когда установлена дополнительная динамомашина, рассчитанная на работу при слабых ветрах.

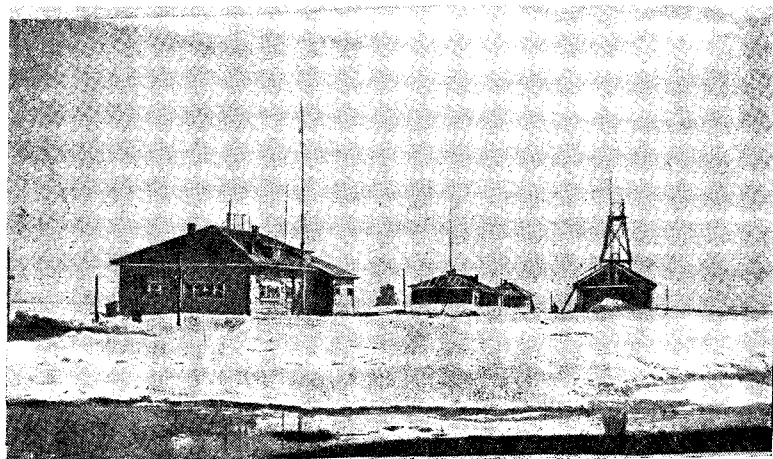
Силовое хозяйство станции, помимо ветряка, состоит из „ЗИС-5“, нефтянки завода „Коммунист“, динамо и мощной аккумуляторной батареи. Двигатели работают безотказно. Стены машинного отделения бережно выкрашены масляной голубой краской; обитый железом пол имеет по середине нарядную полосу линолеума. Нетрущиеся части механизмов также выкрашены масляной краской. Все инструменты лежат на своем установленном месте. В машинном отделении образцовая чистота. В этих условиях механизмы не подведут.

Аккумуляторная батарея состоит из 66 банок. Емкость ее 360 ампер-часов. Вся проводка покрыта кислотоупорным лаком, который варили сами зимовщики, консультируя это все по радио в Ленинградском технологическом институте. Пол аккумуляторной покрыт специальным асфальтом, который также изготовлен самими зимовщиками.

За десятки километров с моря и тундры видна залитая электричеством полярная станция. Не только в домах, но и на улице проведено электроосвещение. Все главные постройки — жилдома, силовая, радиорубка, ветряк, электромаяк, главный склад — расположены на одной линии и освещены; зимовщики не в шутку называют эту часть зимовки, вымощенную деревянными тротуарами, проспектом Сидорина.

Заслуживает также внимания и собачье хозяйство. У островитян имеются две стаи: одна стая колымской породы, привезенная из Нового Порта, и вторая — енисейская лайка — с острова Диксона.

Колымская порода — это крупная собака, с широкой грудью, с большими лапами, исключительно выносливая в езде, она принимает большую нагрузку в работе. Запряжка в 6 собак ходила в Тамбей (туда и обратно больше 700 километров) с комбинированной нагрузкой от 24 до 64 килограммов на каждую собаку. Такое расстояние было

Общий вид зимовки на о. Белом

проделано в 10 ездовых дней, и собаки вернулись в хорошем состоянии. Белоостровская собака колымской породы проникает и на другие станции. Собачья запряжка на Маре-Сале взята с острова Белого; четыре собаки находятся на Югорском Шаре. Даже неопытный человек сразу может отличить из всей юшарской стаи белоостровских собак.

Такая постановка крепкого, правильно развитого полярного хозяйства дала возможность, на основе стахановских методов труда, поставить зимовку в ряды самых лучших полярных станций.

Работники метеорологии, челюскинцы тт. Комовы и Олив работу построили на основе углубления своих знаний. В течение зимы 1935—1936 года они провели 52 занятия, совершая глубокие экскурсии в явления природы. Они подходили к работе как люди науки, разбирая процессы не в их статике, а в динамике с анализом явлений погоды. Для этого они пользовались ежедневными прогнозами погоды, получаемыми с обсерватории острова Диксона. Метеоработник, находящийся на вахте, каждые 10 минут, в течение круглых суток, проводил наблюдения с записями в особый дневник.

В порядке стахановского обязательства, в течение года три раза в сутки дежурный метеоролог поднимался на 10-метровый светомаяк, где была установлена будка, с научными приборами, чтобы изучить и внести новое в приземную инверсию. Группа научных работников острова Белого собрала большой материал о туманах, который должен внести большие поправки в существующие инструкции.

Погода делается в Арктике, а отсюда необходимо правильное изучение и анализ воздушных масс. В течение года не было ни одного опоздания в наблюдениях явлений погоды.

Это стиль работы всех зимовщиков.

II

Еще в январе прошлого года на партийно-хозяйственном совещании О. Ю. Шмидт так поставил задачу перед всеми работниками Главсевморпути:

„После того, как мы немного разобрались в северных пространствах, мы должны в основном повернуться к человеку, к населению Севера“. И дальше: „Я буду требовать умения найти подход к каждому народу, к каждой его племенной группе. Нужно уметь подойти так, чтобы помочь населению стать на ноги, и одновременно поднять его на социалистическое переустройство своего хозяйства. Эта задача трудная, и нечего думать, что это задача только Политуправления. Нет, — эту задачу должен выполнять каждый работник на месте, заведующий факторией в первую очередь, метеоролог, радист, — где бы он ни находился. Вы все должны свой персонал выучить подходу к населению, уважению к населению. Подход должен быть такой, что это — наши товарищи, которые сумели удержаться в самой суровой в мире природе и под гнетом царского правительства. Это люди достойные, им нужно протянуть руку, помочь хозяйственно организоваться, вовлечь в нашу работу“ ...

Так поставил вопрос Отто Юльевич. Выполняя его указания, белоостровцы работе с населением уделили большое внимание.

Через полярную станцию зимовщики глубоко пустили корни в просторы тундры. Радиус охвата свыше 200 километров.

Начальник станции И. А. Сидорин знает не только, какие национальности населяют тундру, но он знает, сколько чумов в каком районе, чем занимается население, как живет. Мало этого, он знает деление по социальным прослойкам, он знает, сколько у каждого хозяйства оленей, и не только их количество вообще, а знает, сколько быков, телок, важенков. Изучение и конкретная работа в тундре отнимают у него большую часть времени.

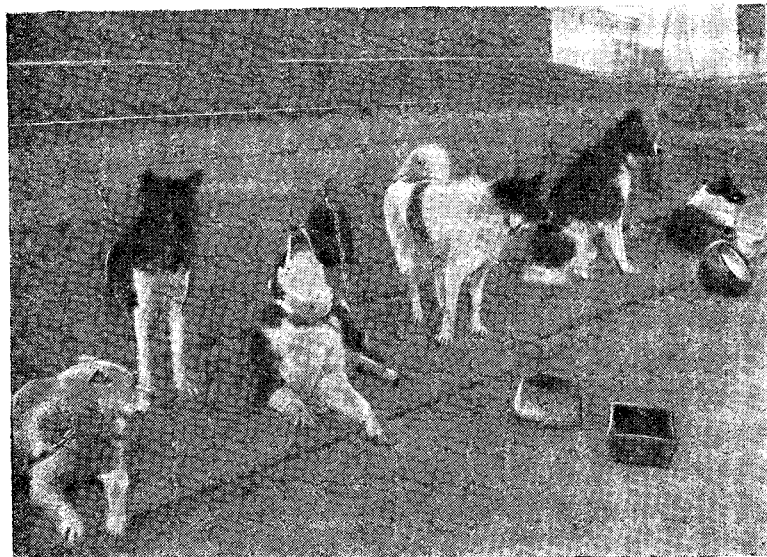
Тов. Сидорин показал нам составленную им лично карту острова Белого и большей части Ямальского полуострова, разработанную на основе изучения тундры. На карту нанесены районы, чумы. Каждый чум имеет свой номер, записанный в особом списке, в котором вы найдете подробные данные об этих хозяйствах.

Довольно часто за сотни километров приезжают на оленях на станцию по разным делам националы, беседуют по интересующим их вопросам, пьют чай (ненцы любят чай), у зимовщиков всегда найдутся их любимые лакомства. Это обычно происходит в столовой. Ненцы чувствуют себя как дома.

Белоостровцы полностью выполняют указание т. Шмидта о работе с населением, ибо это наши дорогие друзья, сумевшие удержаться в самом суровом в мире климате.

Для того чтобы успешно проходила работа, т. Сидорин да и другие зимовщики изучали местный язык, поэтому беседы приобрели особый интерес.

Вот гости направляются к оленям, чтобы ехать домой в чумы. Тов. Сидорин раздает подарки ненцам, — в большинстве это сгущенное молоко, которого на всех станциях имеется достаточное количество. Количество банок дается не одинаковое: одному — одну банку, другому — три и т. д. Один ненец спрашивает: почему одному дают больше, а другому меньше? Тов. Сидорин спокойно разъясняет: „Тебе даю на одного человека, потому что у тебя один сын, а ему даю на троих, потому

Собаки, завезенные в Маре-Сале с острова Белого

что у него одна дочь и два сына". Больше ненцы уже не спрашивают, почему зимовщики не поровну раздают подарки. Тов. Сидорин знает, сколько в какой семье детей, их возраст и пол.

Сплошь и рядом ненцы, приезжая в гости, привозят и зимовщикам подарки, в большинстве оленье мясо. Они знают, что зимовщики в долгу не останутся. Как-то в беседе с зимовщиками нам сообщили, что если бы с Большой земли в течение двух лет не завезли продуктов, зимовщики могли бы благополучно прозимовать благодаря большой связи с местным населением.

Как только позволяет время, начальник станции с одним-двумя зимовщиками едут за сотни километров в тундру изучать быт ненцев, конкретно помогать им перестраивать свой быт и хозяйство. Так был создан из беднейших туземцев один из первых на Ямальском полуострове — колхоз им. С. А. Бергавинова. В этом колхозе, точнее ППО (простейшее производственное объединение) пока 9 семей, но есть все данные к тому, что колхоз будет расти. Этот колхоз расположен от станции на расстоянии около 200 километров, но зимовщики держат крепкую связь с подшефным колхозом, непрерывно оказывая ему помощь.

Ненцы увидели на фактории железную печку. Им понравилось удобство этой времянки: она особенно ценна для хозяйства, ведущего кочевой образ жизни, дает экономию топлива, которое так дорого ценится на Ямале ввиду полного отсутствия лесов. От этой печки меньше дыма, чем от костра. Ее легче и быстрее можно разжечь, чем костер непосредственно на снегу.

На фактории печек нет. Где достать печки? Поехали на станцию к зимовщикам. Ненцы знают, что зимовщики никогда не откажут в помощи, и они не ошиблись. Из отходов станции и из своих скромных ресурсов механики тт. Елизаров и Ручьев своими силами во внеурочное время сделали 10 печек, которые через факторию моментально были раскуплены.

Значительную работу проделала А. Г. Умова — врач полярной станции. В мороз и пургу на оленях она объехала тундру, покрыв расстояние свыше 350 километров, посетив более 75 чумов северной оконечности Ямальского полуострова. Умелый подход дал ей возможность проверить состояние здоровья более 150 ненцев. Она на месте ставила диагноз и выдавала различные лекарства.

Под напором науки рушатся устои знахарства и шаманства, — ненцы постепенно идут к культуре. Сейчас реально подготовлена почва для открытия на станции лечебного стационара на 2—3 койки.

По инициативе группы метеорологов-челюскинцев тт. Комовых в Тамбее и на Дровяной открыты две метеостанции, которые снабжены соответствующими приборами и обслуживаются националами.

Радиотехник т. Москвин из излишков радиодеталей станции смонтировал в Тамбее рацию местного значения, обучил двух ненцев радиотехнике, и станция работает исправно.

Работой на острове Белом можно доказать правильность и возможность выполнения указаний О. Ю. Шмидта о подготовке национальных кадров. На острове Белом, как известно, нет постоянного населения. Местное население кочует в глубокой тундре.

Где взять учеников?

Завязавший хорошие, дружеские отношения с местным населением т. Сидорин едет за 450 километров в Тамбей. Там далеко, в про-

сторях Ямала, Илья Александрович вместе с факторией и Тамбейским кочевым советом, членом которого он состоит, отбирает двух учеников — ненцев из беднейших туземцев.

Эти юноши — Лако Яндо и Манс Езынги — всю свою жизнь находились в тундре, никогда не видели машин, были неграмотны и ни одного слова не говорили на русском языке. Здесь чувствуется „работа“ классового врага. Шаманы-кулаки внушили им, что, если туземец будет грамотным, он будет плохой охотник и ему никогда не поймать песца и не убить зверя.

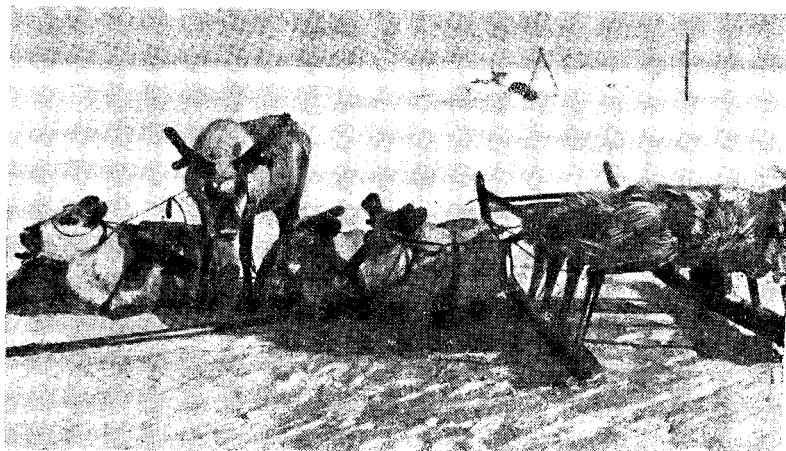
Тов. Сидорин и все зимовщики знали это и поэтому были готовы преодолеть трудность работы с учениками.

Прежде всего зимовщики окружили Лако и Манса вниманием и заботой. Вымыли их в бане (на что они не сразу согласились, их отцы и деды никогда не мылись), одели в чистое белье, дали одежду, обувь, выдали носовые платки, объяснив, для какой цели они служат. Предоставили им одну из лучших комнат, дали кровати и постельные принадлежности. Обставили их жизнь культурно и любовно.

В первые месяцы их пребывания на станции т. Сидорин наряду с началом учебы дал возможность им заниматься любимым делом — охотой. Выдал им ружья, патроны, помог организовать охоту. Лако и Манс чувствовали, что они не оторваны от той жизни, которой жили раньше. За три месяца ученики заработали на охоте более 1500 руб. каждый.

Манс заготовил около 300 килограммов мяса дикого оленя, такое же количество медвежьего мяса, убил несколько нерп. Лако также хороший охотник и так же успешно занимался охотой. Шла охота, и шла учеба. Для более успешной охоты ученикам потребовалась моторная шлюпка. Механик т. Елизаров начал обучать их обращению с мотором „Архимед“. За 4½ месяца они освоили эту марку и самостоятельно выезжали в море на охоту. Работа с мотором их очень увлекла, и они с большим упорством изучают механизмы.

Русскому языку Лако и Манса учила т. Умова, просиживая с ними долгие вечера.

Оленья
упряжка
(о. Белый)

Шло время. В одном из номеров стенгазеты появляются личные собственноручные подписи на русском языке Яндо и Езынги и любовно сделанные зимовщиками их фотопортреты. Тут же статья, где о них пишут как о хороших учениках и охотниках. Как беспрдельно радовались они этому событию, которое на всю жизнь останется в их памяти.

Довольно часто за многие сотни километров приезжали к Лако и Мансу из тундры их земляки-ненцы. Подолгу сидели и беседовали на своем родном языке. Илья Александрович внимательно наблюдал за ними, чутко относился к их запросам. Иногда ему казалось, что земляки увезут с собой в тундру, в чумы, Лако и Манса, но этого не случилось. Лако и Манс умелым руководством зимовщиков вырваны из темноты тундры на широкую дорогу культуры. Им показан путь — куда идти — и созданы материальные предпосылки для этого.

Лако и Манс находились на каникулах в своих чумах. Им был предоставлен месячный отпуск. Островитяне Белого тепло проводили их, летчик Антюшев доставил их на самолете в чумы. Это событие произвело огромное впечатление на туземцев. Об этом ямальцы будут говорить целые годы.

Казалось, не следовало бы говорить о таком незначительном количестве учеников. Но на этих конкретных простых фактах нам хотелось показать, как при умелом и внимательном отношении к молодежи Севера можно создать крепкий актив, а через него еще более успешно повести штурм против вековой отсталости народностей, населяющих необъятные просторы Крайнего Севера.

Главсевморпуть имеет свыше 200 полярных и материковых станций. Привлечь по 3—5 человек на каждую точку — это уже тысяча, за которой пойдут десятки тысяч.

Не раз т. Шмидт и т. Бергавинов указывали всем работникам на эту важнейшую часть деятельности среди местного населения. Нам, как воздух, необходимо готовить квалифицированные кадры из народов Севера. Завоевать Арктику — это значит привить культуру народам Севера и при помощи этого освоить неисчислимые богатства Арктики, — одной из огромных окраин нашей великой социалистической родины.

III

Центральным вопросом, стоявшим перед т. Сидориным и каждым зимовщиком, являлись дружная коллективность, самоорганизованность быта, инициатива и умение сочетать работу и отдых.

Можно ли все эти качества уложить в узкие рамки приказов и инструкций? Безусловно нельзя.

Тов. Сидорин противник частого издания приказов и инструкций. За два года их было издано всего несколько штук. Это — деловые приказы, четко сформулированные, продуманные документы. Характерно: за последние два года мы не обнаружили ни одного дисциплинарного взыскания, наложенного начальником на зимовщиков.

А разве на остров Белый были посланы какие-то особые, исключительные люди?

Вся дисциплина островитян создана на сознательности, на взаимной деловой поддержке в работе и в быту. Например, никогда и никем не издавалось приказов или инструкций, что входить в столовую небритым, в грязном рабочем костюме и в головном уборе нельзя. Однако, вы никогда не увидите нарушения этого неписанного правила. В столовую

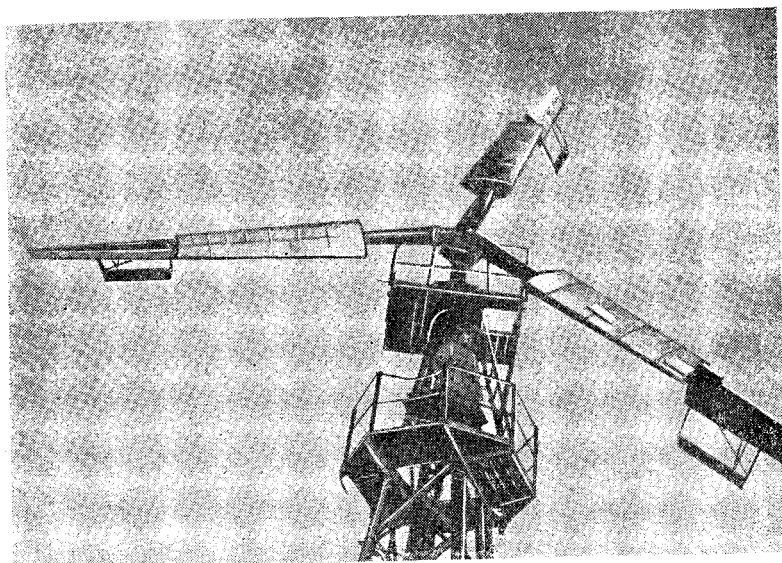
люди приходят с чисто вымытыми руками. Перед входом в столовую поставлен умывальник, имеется всегда чистое полотенце и мыло. Мыть руки перед едой — вошло в привычку. Здесь же имеется вешалка. Эта черта культуры свила себе прочное гнездо в быте зимовщиков.

Вы не услышите на зимовке в служебной обстановке обращения на „ты“ старшего по должности к своему подчиненному. Как правило, зимовщики и на службе и вне служебной обстановки называют друг друга по имени и отчеству. Соблюдение вежливости — одно из основных правил зимовки.

Деятнадцатилетнего повара-комсомольца т. Хавского никто не называет иначе как Борис Евгеньевич. До приезда на станцию он работал в Москве в гостинице „Гранд-отель“, но такого отношения к себе, по его словам, он никогда не встречал. Тов. Хавский, чувствуя к себе серьезное отношение зимовщиков, готов был работать день и ночь, вкладывая в свою работу все знания, добился больших успехов в организации вкусного, разнообразного питания зимовки. Тот факт, что за год его работы не было ни одного желудочного заболевания, свидетельствует об этом. Если кто-либо плохо ест, Борис Евгеньевич пытается узнать причину. Он доволен и весел, когда зимовщики съедают все, что подается к столу, и угрюм, когда в камбуз возвращаются тарелки с недоеденным кушаньем. Он узнаёт, чьи это тарелки, и вечером, как бы случайно, расспрашивает об этом.

Кроме того, т. Хавский занимается рисованием акварелью и маслом. В столовой висит картина его работы „Гибель челюскинцев“ и портрет Ленина. По отзывам понимающих людей, эти работы заслуживают внимания.

Островитяне подняли борьбу за чистоту русского языка. Зимовщики решили отказаться от употребления ненужных никчемных блатных слов, например „пошамать“, „дай пядь“, „свой в доску“ и т. п. В одном из номеров стенной газеты появился хорошо написанный фельетон с фото-

**Ветродвигатель,
установленный
на о. Белом.**

карточками лиц, особо злоупотребляющих этими выражениями. Тема фельетона: „И. С. Тургенев пришел к островитянам посмотреть, как они живут, как пользуются русским языком. Услышав блатные слова, он заплакал и ушел, сказав: Как исказили язык!“ Этот фельетон вызвал оживленные обсуждения и дал прекрасный результат.

Стенная газета с боевым названием „За стахановскую станцию“ под руководством парторганизации сыграла огромную роль в организации быта и работы зимовщиков. При отчете парторга т. Елизарова в Политуправлении Главсевморпути стенгазета белоостровцев получила высокую оценку.

Особая заслуга стенгазеты заключалась в том, что она поставила целый ряд вопросов по стахановскому движению на зимовке и сумела возглавить это движение. Эта газета носила злободневный характер, хорошо и с любовью художественно оформлялась, были хорошие карикатуры, много фотоснимков, отражающих быт и работу зимовщиков.

Рабкорами стенной газеты были все зимовщики. Много писал в газету и т. Сидорин. Рабкоры были также и в Тамбее и в Дровяной — за многие сотни километров.

Чувствуя деловое отношение редколлегии, невольно хочется написать в эту газету. Редколлегия способна каждую заметку отредактировать, украсить соответствующими иллюстрациями, фотоснимками и преподнести ее читателю.

Вот один из фактов. Умер Горький. Для стенгазеты нужен портрет Алексея Максимовича. Тов. Москвин в течение ночи пересматривает все имеющиеся журналы и в одном из них находит два маленьких портрета Горького. Эти портреты увеличивает более чем в 10 раз, и на утро был выпущен бюллетень.

Много проработала редколлегия в составе тт. старшего механика В. В. Елизарова, метеоролога-челюскинца О. Н. Комовой и радиотехника Москвина. Можно безошибочно сказать, что стенгазета белоостровцев является одной из лучших в Арктике.

В чем секрет всех этих успехов?

Одной из причин успеха является большая творческая инициатива, поощряемая начальником станции.

Приведем еще ряд примеров: на станции имеется значительный запас масла, а также крупы завоза 1933/34 г. Эти продукты, безусловно, могли бы испортиться, но т. Сидорин „не командует“, спасая продукты, а бережно и вежливо вызывает зимовщиков, советуется с ними и втягивает всех в это дело.

В результате служитель Гуреев предлагает сделать ящики особой конструкции, положить в эти ящики масло и герметически залить его этим же растопленным маслом. Тов. Сидорин одобряет это предложение, а т. Гуреев в ответ на это в свободное от работы время делает ящики из отходов досок и закупоривает масло, как он предлагал. Мы тщательно проверили это, и можно сказать, что в течение 2—3 лет масло хорошо сохраняется.

Тов. Гуреев предложил особый вид ларя для хранения крупы и сам сделал несколько штук этих ларей, что также дало хорошие результаты. Он сделал еще несколько рационализаторских предложений, которые проведены в жизнь. Все эти „мелочи“ может быть и не новы, может быть где-либо давно уже проведены в жизнь, но в условиях острова Белого — они новы и сохранили продукты на несколько тысяч рублей.

Вот еще примеры. Понадобилось строить собачник, — а на острове Белом все строится прочно и красиво, — т. Сидорин с каюром т. Булычевым и другими работниками обсуждают вопрос, где строить, из чего строить, какого размера и т. д., и вносят ряд предложений. Кому, как не т. Булычеву, прожившему на Севере более 15 лет, лучше известно, какой должен быть собачник? Через пару дней он приходит с подробным планом постройки собачника.

Тов. Сидорин беседует с каюром, как улучшить ловушку для ловли песка. В ответ на это т. Булычев строит образец комбинированной ловушки, которая после проверки и строится им в количестве более 50 штук. Эта песцовая ловушка — системы Булычева — высоко оценена туземцами острова.

То же самое и в радио, и в метео, и в силовом хозяйстве и т. д. Замечательно здесь то, что т. Сидорин, поставив новый вопрос, не решает его сразу властью начальника, а втягивает и заставляет думать всех зимовщиков, поднимает их авторитет, развивает инициативу и невольно заинтересовывает всех в решении поставленных вопросов.

Ответственность за работу станции, помноженная на инициативу, всегда давала хорошие результаты. Каждый зимовщик чувствует, что он отвечает не только за свой узкий участок порученной ему работы, но и за всю работу станции в целом. Предложения, которые провести в жизнь было нельзя, также обсуждаются. Ни одного предложения, ни одной инициативной мысли не остается без ответа.

Не ослабляя плановой работы станции, работая не считаясь со временем, они сэкономили государству, примерно, 50 тыс. рублей.

Белоостровцы принялись за учебу. Создается сеть технических и общеобразовательных кружков. Все учатся и учат других. Старший радиотехник К. К. Сурмач руководит радиозанятиями, в то же время сам занимается в механическом кружке и в кружке по изучению английского языка, в котором преподает метеоролог О. Н. Комова.

Учеба крепко выросла в быт зимовщиков, все вечера заняты, скучать некогда. Учатся все, одним из аккуратных слушателей кружков является и сам начальник станции т. Сидорин. Он занимается изучением радио, метео и механики.

В результате учебы он умеет собрать передвижную радиостанцию, принять и передать до 60 знаков в минуту. Уезжая за сотни километров в тундру, он всегда берет с собой передвижку, чтобы в любой момент днем и ночью он мог вызвать зимовку и выяснить интересующие его вопросы. Рация острова также имела возможность всегда разыскать своего начальника в тундре.

По механике он умеет запускать моторы всех систем, имеющих на станции, и устранить дефекты на случай остановки двигателя.

По метео — он вполне бы удовлетворил знаниям метеонаблюдателя.

Тов. Сидорин хорошо разбирается и в ветродвигателе, и в электро-маяке, и в радиомаяке.

Все эти знания он получил в результате техучебы на полярной станции.

Наряду с этим нормально шла учеба политехкружка.

Если бы из строя выбыли сразу 3—4 зимовщика-специалиста, то станция так же успешно продолжала бы работать, не допуская перебоев. Зимовщики двойной квалификации могли бы при дополнительной нагрузке успешно заменить один другого.

У белоостровцев укоренилась привычка — начатое дело доводить до конца. Не легкая, например, задача — изучение иностранных языков. Но в результате годичной работы кружка по изучению английского языка, в котором занимались старший радиотехник К. К. Сурмач, радиотехники Москвин, Антонов и Кульбацкий, — они научились читать и переводить английский текст. При встречах преподаватель т. Комова нередко подолгу беседовала с кружковцами на английском языке. Кружковцами были прочитаны и разобраны два романа на английском языке.

В практической работе и учебе островитяне отдавали друг другу все свои силы и знания. Учеба и работа сблизили зимовщиков.

Белоостровцы находили время и для отдыха. Устраивались соревнования на лучшего игрока на билиарде, шахматный и шашечный турниры, стрельбища, волейбол, охота, экскурсии и просто прогулки. Все это оживляло и вносило бодрость в быт зимовщиков.

Тов. Сидорин знал каждого зимовщика во всех деталях его работы и быта. Внимательностью и чуткостью он постепенно завоевывал к себе доверие. Зимовщики делились с ним и радостью и горем. К нему шли за советом и по служебным и по личным делам. От него ни у кого не было тайн. Все зимовщики верили т. Сидорину, что он никого и никогда не подведет.

Практиковалась и посылка телеграмм со станции близким родственникам, в которых отмечалась хорошая работа того или иного зимовщика.

Когда они получали ответы от родных, это оказывало огромное влияние на зимовщиков.

На острове Белом практиковалось в последний год отмечать день рождения зимовщика. Эти вечера обычно проходили за товарищеским чаем; здесь же начальник станции отмечал рост зимовщика за истекший год и тактично напоминал ему о его слабых местах в работе.

После такого вечера каждый из зимовщиков чувствовал внимание к себе всего коллектива и старался исправить недочеты, которые отметили в день его рождения его друзья.

Мы не ставили себе целью дать какой-то готовый „рецепт“ работы на полярных станциях — этого нельзя сделать, так как целый ряд станций имеет свои специфические особенности. Наша задача состояла в том, чтобы на простых житейских примерах полярных будней одной из лучших станций показать, как можно в условиях суровой природы, в беспредельных арктических просторах сделать жизнь зимовщиков такой, о которой говорил тов. Сталин: „Жить стало лучше, жить стало веселее“.

Надо думать, что и сами зимовщики полярных станций, показавшие образцы лучшей работы, поделятся своим опытом — расскажут о своей работе. Этим они пополнят слишком бедный материал, изданный за последние годы. Этот материал о полярных буднях крайне необходим не только для работников Арктики, но и для нашей молодежи, которая так живо, так горячо интересуется Арктикой.

ПЕРВЫЕ ШАГИ НОВОЙ СМЕНЫ

(Радиограмма с мыса Шмидта)

Восемнадцать человек новых зимовщиков, из которых младшему три года, 4 августа прошлого года сошли на мыс Шмидта и влились в состав работников полярной станции.

Через восемь дней после нашего прибытия начался авралный период: разгрузка и размещение прибывшего снабжения, подготовка к отопительным и ремонтным работам, — словом, многочисленные трудоемкие работы, характерные для всякой зимовки. Для нашей смены эта часть работы оказалась несколько облегченной, так как нам много помогали старые зимовщики, в том числе сменяющиеся.

К моменту отъезда старых зимовщиков нам удалось провести все основные авралные работы.

На нашей станции имеются следующие основные участки работы: геофизическая обсерватория (метеорологические, гидрологические, аэрологические, актинометрические, синоптические наблюдения), гидрографические работы (съемка побережья), районная радиостанция, механическая часть, хозяйство.

Перед станцией в текущем году не стоит задача капитального строительства, так как помещений настолько достаточно, что все расселены по одному-два человека в комнате. Предшествующая зимовка много сделала по приведению жилищ в культурный вид. Станция представляет собой благоустроенный поселок с электричеством, телефоном и даже водопроводом (индивидуальный водопровод специальной „арктической“ конструкции). Новой зимовке осталось только сделать некоторые очередные ремонтные и отопительные работы, переоборудовать некоторые помещения с целью расширения жилищного фонда, оборудовать прачечную вновь завезенными стиральными машинами, улучшить культурный вид столовой, красного уголка и т. п.

В то же время станцией была оказана помощь как рабочей силой, так и материалами авиагруппе фактории. Там же столяром нашей станции т. Пономаренко построен склад пушвины.

Для улучшения работы геофизической обсерватории необходимо было разгрузить лабораторию (гидрологическую и аэрологическую), а также амбулаторию от ненужных в текущей работе оборудования и материалов. Для этого было выделено специальное помещение.

Особые трудности возникали при размещении завезенного в нынешнем году актинометрического оборудования. Организуя еще в прошлую зимовку на нашей станции актинометрические наблюдения, ведающие

этим делом люди не позаботились о доставке всех необходимых приборов, а также о создании павильона. Большая часть оборудования либо вовсе не была отправлена, либо застряла в бухте Лаврентия, где благодаря работе старшего по зимовке т. Соловьева она сохранилась в целости и сохранности. Старший актинометрист т. Кузнецов проявил большую преданность делу, энергию и инициативу, подбирая решительно все, что могло в какой-либо мере служить строительным материалом, построил вышку, куда и разместил весь свой инструментарий. Инструменты, сконструированные главным образом для теплотехнических измерений, сильно капризничали от морозов, но благодаря внимательности т. Кузнецова наблюдения все же производились успешно.

Хозяйственная и механическая части постоянно оказывают помощь обсерватории и радиочасти. Сейчас по проекту старшего гидролога т. Шестиперова изготавливаются специальные нарты для выезда в море на суточные и полусуточные станции. Нарты эти должны обеспечить такое размещение необходимых для наблюдения инструментов и оборудования, которое дало бы возможность производить зимние наблюдения над морем без лишней затраты времени на расстановку и уборку, что делает эту работу менее зависимой от быстро и резко меняющихся метеорологических условий, подвергающих опасности наблюдателя и оборудование.

Геофизическая обсерватория приступила к камеральной обработке наблюдательских материалов. Из наиболее продвинувшихся работ необходимо отметить обработку инструментальных определений дрейфа льда двух навигаций (1935—1936), проводимую старшим гидрологом т. Шестиперовым (выявление рода дрейфа льда, закономерности отклонения ветра, зависимости и скорости дрейфа от скорости ветра). Ведутся разработки и по другим показателям. Успешное окончание этой работы несомненно внесет значительный вклад в изучение ледовых условий одного из наиболее сложных участков Чукотского моря и значительно приблизит практическое использование накопленных в этом участке наблюдений.

Производятся также систематические наблюдения полярной рефракции, измеряются образования гололеда, производится работа по усовершенствованию инструментов и приборов и т. п.

Для углубления своих знаний и навыков по всем отраслям геофизики организованы курсы повышения квалификации. Курсы рассчитаны на 160 часов теоретических за-

ятий и цикл практических занятий по соответствующим отраслям. На курсах занимаются 8 человек, из которых четверо в одно и то же время являются преподавателями по своей специальности и слушателями по другим. Занятия производятся регулярно четыре часа в шестидневку.

Стремление учиться и учить широко охватило работников станции. Из 48 работников станции преподают 17, посещают кружки 34. Учеба происходит почти ежедневно. Кроме упомянутых курсов регулярно занимаются политехкола, в которой два кружка — ленинизма и истории партии; кружок мотористов, кружки немецкого и английского языков, общеобразовательный.

Большое внимание уделяют партийно-комсомольская и профсоюзная организации воспитанию кадров из местного населения.

Практиковавшиеся здесь до сих пор методы подготовки местных националов сводились к двум основным моментам: к подготовке скороспелых рульмотористов и к выдвигению отдельных, наиболее развитых людей на учебу на материк. Но практика показала, что чересчур скороспелые рульмотористы только выводят из строя рульмоторы, а направленные на учебу на материк после ее окончания обратно на станцию не попадают. Таким образом, несмотря на трехгодичное существование станции, на ней нет ни одного более или менее квалифицированного работника из местного населения.

Исходя из этого, станция решила подготавливать не только механиков, но также радистов, метеорологов, аэрологов, поваров, причем соответствующее внимание должно быть уделено политической и общеобразовательной подготовке, а также обучению трудовым навыкам (обработке дерева, металла), так как местная школа не дает необходимой этим специальностям подготовки. Подготовка же рульмотористов из чукчей ведется нашим механическим кружком в чукотском поселке.

Ежедневно, кроме выходных дней, производятся шестичасовые занятия по русскому языку, арифметике, естествознанию, географии, политграмоте, столярному, слесарному делу, рисованию, пению, музыке. В дальнейшем в счет этих часов вводим физику и черчение. Станционный „фабзавуч“ укомплектован учениками в возрасте 14—19 лет, из которых одни еще учатся в школе нацсовета, а другие ликвидируют неграмотность.

Преодолевая трудности в связи с общей культурной отсталостью и слабым знанием русского языка, ученики с большим интересом и исключительным прилежанием относятся к учебе.

Роль преподавателей также нелегка. Понятия и названия, которые совершенно непонятны семилетнему ребенку Большой земли, требуют чрезвычайно обстоятельных разъяс-

нений для девятнадцатилетних юношей-чукчей, не знакомых с такими понятиями, как фабрика, паровоз, дерево, трамвай, железная дорога, буржуй, крестьянин, не знающих таблицы умножения. Нет необходимых учебников, наглядных пособий. Эта трудная и кропотливая, но благодарная работа воодушевляется тем интересом и прилежанием, с которым относятся к своим занятиям ученики.

Общежитие учеников имеет свое самоуправление — старосту, который под непосредственным руководством т. Львовой содержит в надлежащем порядке общежитие и обеспечивает самостоятельные занятия учеников.

Местное чукотское население с большим интересом и доверием относится к нашему „фабзавучу“. Ученики даже жалуются, что этот интерес прибавляет им немало хлопот по содержанию помещений в чистоте. На наших занятиях по географии и естествознанию часто присутствуют представители чукотской молодежи и даже старики, которые с меньшим интересом, чем сами ученики, прислушиваются к рассказам преподавателя и вместе с ними бурно выражают удивление при демонстрации свойства магнита или электричества.

Наши уроки пения посещаются всей чукотской детворой. Местная чукотская организация предложила нам организовать занятия по музыке и пению среди чукотской молодежи.

Станция рассчитывает в будущем расширить и углубить это свое начинание при условии соответствующей материальной и методической помощи из центра. Мы не хотим выпускать „скороспелых“ механиков в одну зимовку, но твердо рассчитываем культурными силами нашего коллектива в течение 2—3 зимовок выдвинуть из рядов местного населения работников, способных под руководством старших товарищей с Большой земли справиться с основными отраслями работы станции, быть культурным, советским ядром среди местного населения.

Прошлой лето для нашего побережья было очень неблагоприятно в смысле охоты: нерпы и моржи не встречались в течение всего лета. Вскоре после нашего приезда получились сведения, что около реки Амгулы (около ста километров от мыса Шмидта) снова появились лежбища моржей. Надо было ловить удачу, иначе изменчивые ветры могли отнести льдины вглубь океана, и тогда предстояло жить впроголодь, без мяса, без необходимой для байдар моржовой кожи. Два раза наш катер „Основатель“ буксировал байдары охотников, причем последний раз чуть сам не остался зимовать вдали от станции. Охотники убили 12 моржей. За первой охотой последовала вторая, но уже без помощи станции: появилось много нерпы.

Несколько лет уже не завозится для местного населения материалов для нарт. Из завезенных на станцию дров мы отобрали пригодные для нарт дубовые чурки, из которых чукчи сделали промысловые нарты.

В нашем красном уголке по вечерам, когда не пугает пурга, можно встретить чукчей, сражающихся в шахматы, домино, настольный билиард.

Наша небольшая партийная организация (три члена, два кандидата) и более крупная (десять членов) комсомольская организация уделяли внимание также и вопросам культурного отдыха, памятуя слова Ленина: „Кто не умеет отдыхать, тот не умеет работать“, а работы нам предстоит много.

Во время навигации у нас был концерт бригады Московской консерватории и киносеанс, устроенный „Красным“, пребывавшим на нашем рейде.

Полярный сектор Дальневосточного территориального управления, оказав нам сразу двумя кинопередвижками, не прислал нам ни одного кинофильма... Мы обращались за помощью к Анадырскому политотделу, но до сих пор не имеем ответа. „Красин“, обещавший поделиться с нами своими фильмами, на обратном рейсе не смог к нам

подойти, поэтому при двух кинопередвижках у нас все-таки нет кино.

Во время Октябрьских праздников внес большое оживление коллектив авиагруппы, соревнующийся с нами в обучении культурному быту населения. Этот коллектив выпустил свой ансамбль рязанских частушечников.

Первый дебют дал и наш драмкружок. Большой интерес вызвал у местного взрослого населения организованный 7 ноября утренник пионеров и октябрят из местной детворы.

Во время празднования великого Октября у нас был митинг на „Красной площади“ нацсовета, на которой была устроена горящая красная звезда. После митинга устроили спортивные состязания чукчей, которые проявили к этому большой интерес. Восьмого ноября работники станции организовали лыжные соревнования.

Оживление вносят выступления музыкального кружка с участием наших учеников. Песня все шире захватывает наших зимовщиков, особенно „Широка страна моя родная“.

Начальник зимовки

Р. К. Шульц

ЗИМОВКА НА ОСТРОВЕ БЕЛОМ

(Радиogramма)

Зимую в Арктике первый год, хочется на страницах журнала поделиться своими впечатлениями и первыми шагами работы. Станция на острове Белом располагает следующими—производственными единицами: силовая, радиорубка, радиомаяк, светомаяки и ветродвигатели. Оборудование почти всех производственных зданий хорошее, за исключением силовой, в которой—изношенный двигатель. Особенно затрудняет работу двигателя отсутствие запасных частей, которых в 1936 году Полярным управлением на станцию не было прислано. Но несмотря на это двигатель в опытных руках старшего механика-стахановца Григория Алексеевича Ручьева работает без простоев и аварий.

Бесперебойная работа силовой обеспечила образцовое проведение станцией навигации 1936 стахановского года. Радиоцехом за время навигации обслужено 80 пароходов, 3 самолета при помощи нашего радио обменялись с ними 830 телеграммами. Все суда полностью обслужены пеленгами радиорубки, радиомаяка и электросветомаяка. Капитаны судов дали положительный отзыв о работе станции. После окончания навигации все механизмы оказались в полной

исправности. После смены зимовщиков, радиоцехом, помимо выполнения основной программы, проделана следующая работа: установлена 20-метровая мачта для радиоприемника, закончена проводка радиотрансляции во все комнаты зимовщиков, электрифицированы вновь отстроенные здания. Работой радиоцеха руководит старый полярник-стахановец Константин Константинович Сурмач.

По метеоработе в этом году, помимо основных наблюдений, установлено аэрологом Владимировым систематическое змейковое наблюдение. План строительных работ 1936 года при активном участии зимовщиков перевыполнен: построен жилой дом на 7 человек, благодаря чему жилая площадь увеличилась еще на 4 комнаты; построен новый бревенчатый склад, одна половина которого отеплена и в ней сложена печь; построен прекрасный собачник; устроен временный скотный двор; построена аэрологическая будка; проведен ряд работ по текущему ремонту зданий; кроме того перетасаны лебедками на другое место два склада и кузница. Это более гарантирует от снежных заносов территорию станции.

В результате выполнения плана строительных работ, а также завоза хороших и разнообразных продуктов, жилищно-бытовые условия зимовщиков значительно улучшились. Например, 5 человек занимают отдельные комнаты, остальные живут по два человека. Комнаты большие и светлые. В этом же году мы получили возможность выделить в каждом общежитии умывальные комнаты (они же раздевалки и сушилки). Наши коридоры освободились от массы верхней одежды и обуви и стали сразу просторнее и светлее. Столовая и двери всех комнат окрашены масляной краской в белый цвет. Оборудована специальная фотокomната.

В новом году мы снова взялись за учебу и подготовку машин и механизмов к навигации 1937 года, чтобы встретить ее еще более подготовленными. Начали работать следующие кружки: политучебы, техминимума, общеобразовательные, фото, музыкальный и промысловый. Работой промыслового кружка руководит старый полярник, который зимует уже десятый год, — наш каюр промышленник-стахановец Александр Трофимович Булычев. Он еще в 1936 году убил 9 оленей и организовал настораживание около семидесяти пастей его конструкции по ловле песка.

Своей ближайшей задачей мы считаем установление связи с местным туземным населением, живущим на Ямальском полуострове. В первую очередь намечена поездка врача Анастасии Григорьевны Умовой для оказания медпомощи больным на месте; кроме того возможна доставка боль-

ных для стационарного лечения на станцию. Помимо этого мы можем оказывать помощь немцам в промысле на оленя путем предоставления оружия и охотприпасов. В работе по установлению связи и оказанию помощи немцам сносимся с факторией Дровяная и с Тамбейским нацсоветом.

В 1937 году для еще большего улучшения работы станции и создания культурно-бытовой обстановки коллектива зимовщиков необходимо оштукатурить и обить тесом снаружи все здания, как производственные, так и жилые, построить водохранилище, ледник, постоянный скотный двор, тротуар; завезти на станцию мягкую мебель, столы, стулья, занавески и т. п., создать уют, так как уютная комната располагает к занятиям, к чтению и к отдыху, особенно когда за окном бушует пурга. Многие в Арктику едут впервые.

Приятно встретить культурную обстановку, вкусное блюдо, хорошую баню и, главное, бодрых и приветливых товарищей, прозимовавших год-два и более. Сразу все тревоги пропадают, и на сердце становится спокойно. Вот такую хорошую обстановку встретили зимовщики на острове Белом в 1936 году.

Изложенное мною иллюстрирует большую заботу руководства Главсевморпути о полярниках, а это в свою очередь поднимает дух бодрости и жизнерадостности полярников, которые выполняют задачи, поставленные партией, правительством и вождем народов товарищем Сталиным

Начальник станции

М. И. Маслов

У скалистого берега
(о. Врангеля)

НА ОСТРОВЕ ВРАНГЕЛЯ

(Радиограмма)

Эскимосы острова Врангеля, переселившиеся на него в разное время, начиная с приезда туда Ушакова в 1926 году, после семенчуковщины отнеслись к нам, новым зимовщикам, с недоверием. Но достаточно было поработать на острове несколько месяцев т. Жердеву с его группой, чтобы от недоверия эскимосов не осталось даже следа. Решение Верховного суда, покаравшего Семенчука, Старцева и других, было встречено на острове с одобрением.

Прилет на остров начальника Политуправления Главсевморпути т. Бергавинова на самолете Молокова вызвал у эскимосов большой энтузиазм, и этот день останется у них памятной датой.

Их особенно поражает, что такой большой начальник так просто, по-рабочему говорит с ними, как с равными, знает все их нужды. Они чувствуют, что к ним относятся заботливо и внимательно, оказывают им медицинскую и материальную помощь и т. д. Поэтому в день празднования десятилетия острова Врангеля все эскимосы искренне веселились.

Эскимосы особенно хорошо знают „большого и очень хорошего начальника, который нам как брат и отец“ — товарища Сталина.

На празднование десятилетия съехались в бухту Роджерса все эскимосы со всех концов острова. К этому времени они успели заготовить 62 моржа, 142 нерпы, 44 лахтаки, обеспечить приманку песцам, корм собакам и отчасти продовольствие

себе. Это дало им законное право свободно погулять, празднуя десятилетие острова. Праздник прошел с большим подъемом. Танцевали буквально все, стар и млад, например, комсомолка Красина со старушкой Инкали, девушки-эскимоски — с Героем Советского Союза Молоковым и так далее. Каждый эскимос и эскимоска непременно хотели танцевать с т. Бергавиновым. И он танцевал.

До празднования т. Бергавиновым был проведен ряд мероприятий по полярной станции и острову, а также проверка и обмен партдокументов, благодаря чему значительно усилилась работоспособность полярной станции.

Тов. Бергавинов выдвинут и назначен заведующим факторией и помощником начальника острова лучший охотник-медвежатник острова, талантливый эскимос Таян Косимбо. Другому охотнику Иноко он предложил учиться метеорологии.

Дав последние указания, тт. Бергавинов с Молоковым улетели. Вскоре ушел и „Красин“, увозя с собой старую смену.

Несмотря на то, что, по приказу тт. Шмидта и Бергавинова, эскимосам острова переданы два вельбота с моторами, в летне-осенний период они не смогли бы разъехаться по своим местам без помощи станции, поэтому станция развезла охотников на своем морском катере в бухту Сомнительную и на мыс Блоссом.

Остров пополнился двумя новыми семьями охотников-эскимосов, переселившихся

Эскимосы привезли пушнину в бухту Роджерса о. Врангеля)

сюда с бухты Провидения. Эти семьи получили от нас оружие, охотбое припасы и пр., как аванс охотникам для промысла.

Северные районы острова богаты песком, белым медведем, морским зверем и птицей. Некоторые эскимосы, жившие на юге острова, стремились переселиться на север. Идя навстречу их желаниям, мы на нашем катере перевезли на северо-восток острова, на косу Бруч десять охотников, среди которых была вновь приехавшая семья комсомольца Лапауна. Этим семьям мы также оставили моторные плавсредства и три тонны моржового и лахтачьего мяса из станционных запасов. Этим мы обеспечили как питание охотников и приманку для песцовой охоты на первое время, так и корм собакам. Кроме того, перед отъездом станция выдала им нарты, собак, щенков и таким образом обеспечила каждому охотнику отдельную нартовую упряжку.

Перед разъездом на производственном совещании охотники-эскимосы организовались в охотничью промысловую артель „Красный охотник“. На этом же совещании

был принят план промысла песца в 380 штук. Из этого количества станция обязалась поймать 70 штук. Весь этот план доведен не только до бригады, но и до каждого охотника.

Выполнение плана охоты только по песцам и медведю должно обеспечить в среднем на каждого охотника-эскимоса заработок в шесть тысяч рублей. Выполнить этот план нетрудно, так как все условия, необходимые для этого, имеются налицо.

При наших возможностях, при проведении в жизнь ленинско-сталинской национальной политики, зажиточная жизнь эскимосам острова сейчас уже обеспечена.

Теперь необходимо иметь на острове хороший выбор товаров, чтобы развернуть советскую торговлю, окончательно отказавшись от методов распределения товаров и продуктов по нормам, и дать возможность охотнику купить то, что ему нужно.

Начальник острова

Н. Я. Долгий-Рапопорт

В. С. НАЗАРОВ

ОСТРОВ УЕДИНЕНИЯ

Остров Уединения расположен на широте 77°30' и долготе 82°12'. В 1934 году на острове Главным управлением Севморпути построена полярная станция и начаты первые научные наблюдения. В 1935 году на остров было завезено научное оборудование и значительно расширена работа радиостанции. В результате работ 1935/36 года составлено описание острова и составлена карта его.

Западная часть острова возвышенная. Она занимает 10 кв. километров. Самая высокая точка этой части достигает 23 метров над уровнем моря. С запада на восток возвышенность делится на две части долиной, по которой протекает ручей Иоганесена, названный так по имени норвежского мореплавателя, открывшего остров. В западной части долины расположена полярная станция.

Восточная часть острова низменная, возвышающаяся над уровнем моря не больше чем на 3 метра, площадь ее 33 кв. километра. Здесь расположены два водоема: в южной части — озеро Гусиное, площадь его 3 кв. километра, глубина до 4,3 метра, соленость водоема — 9‰; в северной части — Самолетная бухта, соединенная с морем проливом длиной в 200 метров и глубиной в 1/2 метра. Площадь бухты 1,4 кв. километра, наибольшая глубина 9 метров, соленость воды 30‰. Указанные водоемы зимой и летом и материковая перемычка

между ними в зимний период могут служить посадочными площадками для самолетов.

Общая площадь острова составляет 43 кв. километра, из которых 4,4 кв. километра занимают водоемы.

Рекогносцировочный промер глубин в 1936 году показал, что море вокруг острова мелководно. Наибольшие глубины (до 9 метров) расположены на юге и на западе на расстоянии километра от берега. В остальных направлениях условия подхода к острову менее благоприятны.

В зимнее время остров имеет зону неподвижного льда порядка 15 морских миль. Наибольшее торошение бывает на севере, где высота нагромождений льда достигает 13 метров. В летний период лед вокруг острова разрушается не каждый год. Так, в 1934 году — год основания станции — наименьшая ширина берегового припая была 1 километр.

Растительность острова составляют в ограниченном количестве мох, медкая, длиной в 10 сантиметров осока, водоросли в прибрежной полосе в летний период.

Животный мир острова беден. Летом бывают птицы: чайки (до 100 гнезд), гуси (2—3 пары), пуночки и некоторые птицы — хищники. В 1935/36 году на острове появились песцы, из которых несколько было поймано капканами. В предыдущие годы песцов на острове не встречали. Попадают

на остров бродячие медведи. Из морских зверей бывают нерпы и белуха. В прибрежной полосе приходилось встречать морских раков — «чилимов», не отличающихся по внешнему виду от чилимов Японского моря.

Из полезных ископаемых на острове встречается каменный уголь низкой калорийности (400—500 калорий).

Благоприятное географическое расположение острова Уединения и удачный подбор сотрудников позволили в 19-5/36 году провести большую работу по обслуживанию Северного морского пути и по изучению

льда, причем большинство приборов для этих работ было построено на станции. Сотрудники станции составили карту течений Карского моря, возникающих под действием ветра. Эта карта поможет мореплавателям уже в будущей навигации выбирать более благоприятные курсы для плавания среди льда.

Работы прошлого года несомненно будут развиты в 1937 году, и в ближайшем будущем остров Уединения превратится в крупную научную станцию на трассе Северного морского пути.

КАК ГОТОВИЛИСЬ К ЗИМЕ НА УЭЛЕНЕ

Е (Радиограмма)

Наша подготовка к зиме выразилась в следующих мероприятиях: достроено и оборудовано здание электромаяка (монтаж, силовая установка, прожектор); маяк вступил в эксплуатацию и в Октябрьскую годовщину уже был одним из интересных световых эффектов в оформлении праздника и произвел большое впечатление на окружающее чукотское население. Для аэрометеослужбы построен отдельный дом, где в специальной рабочей комнате установлены все необходимые научные приборы. Это обстоятельство улучшило как бытовую, так и рабочую обстановку. Построена также хорошая баня. Для хранения товаропродуктов выстроен склад.

Отремонтирован магнитный павильон. Авральными работами приведены в полный порядок грузы, прибывшие в навигацию. Проведена большая работа по улучшению быта зимовщиков — приведены в культурный вид жилые комнаты, кают-компания и красный уголок станции.

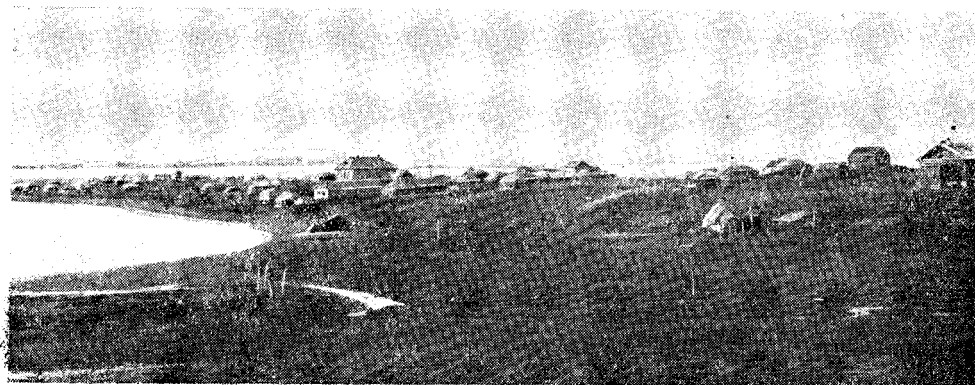
К Октябрьской годовщине выполнена программа плановых научных работ.

Ехавшие на мыс Шмидта гидрологи вынуждены были, вследствие навигационных условий, остаться на Уэлене, где для них сейчас устроена лаборатория, позволяющая им проводить физико-химические исследования морского льда.

Эта работа явилась неожиданной и внеплановой для нашей станции. В восточном секторе Арктики впервые организованная такая лаборатория будет новым вкладом в дело изучения морского льда.

Наша станция имеет тесную связь с местным населением, которая выражается прежде всего в повседневной взаимопомощи. В поселковой красной яранге для местного населения нами установлен радиоприемник с репродуктором. На Чукотке впервые свободно слушают Хабаровск.

А. Н. Галле

Общий вид селения Уэлен

М. А. КУЗНЕЦОВ

КРАЕВЕДЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ПОЛЯРНЫХ СТАНЦИЯХ

Мы часто говорим, что недалек тот день, когда Северный морской путь будет излюбленной туристской трассой.

Так вот, представьте себя на месте туриста, высаживающегося, к примеру, на нашей старейшей полярной станции Маточкин Шар. В течение тринадцати лет через станцию прошла сотня специалистов: геофизиков, биологов, гидрографов, врачей и т. д. Район станции изучался ими в различных направлениях, со всевозможных точек зрения. Какое же наследство оставили они после себя?

Получен богатейший научный материал. Накоплен огромный опыт работы, но в стенах станции в лучшем случае вы найдете лишь разрозненный архив метеорологических таблиц. Ничего не расскажет и ничему не научит полярная станция.

Широкий размах социалистического строительства вовлекает полярные станции в орбиту большой практической деятельности. Станции становятся сложными комбинациями. Обслуживание транспорта, связь, служба погоды, советская, культурно-политическая работа с местным населением, хозяйственные мероприятия — вот новые темы работы советских полярных станций.

В связи с этим и к научной работе станций предъявляется ряд требований. Научная работа должна стать более оперативной. Нет времени ждать, когда цифры, полученные у метеобудок, на льду полярного моря и в научном павильоне, пройдут через длительный процесс научной обработки на Большой земле, прежде чем воплотятся в руководство для практика.

Не может ли сама станция в лице научных работников и наблюдателей пойти навстречу требованиям практики?

Да, может. Нужно поставить дело так, чтобы каждая работа, проведенная на станции, оставляла след в ее стенах, но не в виде копий таблиц и книжек, а в виде сводки результатов, на основе собранных материалов.

Не составит особой трудности, просмотрев материалы прошлых лет и своего года, сделать климатологические выборки. В виде наглядно представленных таблиц и графиков этот материал не потребует пояснений самого наблюдателя.

Метеорологи, гидрологи, аэрологи обычно производят такую работу ежегодно для отчетов. Если бы они оставляли копии своих выводов на станции, основа большого дела была бы заложена.

При крупных полярных станциях необходимо развернуть краеведческую работу. Краеведческие уголки при полярных станциях должны заняться всесторонним изуче-

нием своего района. Научные работники всех специальностей должны взять на себя инициативу по организации таких уголков.

В собирание коллекций растений, горных пород, птиц, рыб, предметов быта и промысла национального населения могут быть втянуты не только научные сотрудники станций. Классификация собранных материалов может быть произведена позднее специалистами. Работа станции, ее быт также должны найти отражение в уголке, который одновременно будет и „историческим музеем“ станции.

Краеведческая работа и создание уголка краеведения могут мыслиться только на основе полной добровольности. Нужно понять необходимость и огромное значение такой работы на Севере и браться за нее с желанием и любовью.

Культурно-воспитательное значение краеведения сделало его массовым движением в условиях материка. Ближайшей нашей задачей является сделать краеведческую работу массовой и здесь, на Севере.

Краеведческий уголок вдохнет в научную работу полярных станций ту „душу“, которой им до сих пор подчас нехватает. Знания и опыт, полученные на станции, в практических выводах, фотографии и других экспонатах, будут накапливаться год за годом в краеведческом уголке, отражая инициативу и активность работников станции.

Полярная станция на мысе Шмидта берет на себя почин, закладывая основу краеведческого уголка в текущем 1937 году. Мы будем попрежнему усердно отсылать наши научные материалы в Москву, но предварительно попытаемся извлечь из них некоторые практические выводы для мыса Шмидта и для нужд нашего района — Чутокки.

Приближение научных исследований к требованиям практики сегодняшнего дня будет лучшим ответом низовых работников полярного фронта на речь т. Бергавинова „о стахановском движении в Арктике и наших задачах“.

От редакции

Редакция приветствует предложение т. Кузнецова, считая, что полярные станции имеют все основания и возможности к тому, чтобы стать ядром краеведческой работы на Крайнем Севере. Необходимость передачи накопленного научного и практического опыта зимовщиков от смены к смене и большое культурно-политическое значение краеведческой работы в Заполярье бесспорны.

Айсберги в Северном ледовитом океане

Е. С. ВЫГОДСКИЙ

МУЗЕЙ АРКТИКИ В ЛЕНИНГРАДЕ

8 января в Ленинграде состоялось официальное открытие Музея Арктики при Всесоюзном Арктическом институте Главсевморпути. Этот музей далеко опередил все аналогичные музейные собрания за границей. Там — все экспонаты статичны, так как они отражают деятельность капиталистических государств в Арктике, которые только познавали ее, но не преобразовали.

Ни в одной стране нет музея, показывающего Арктику в ее прошлом и настоящем, экспедиции прошлых веков и будни сегодняшнего освоения, приобщение ее народов к творческой сознательной жизни, борьбу за использование ее необъятных и в огромной мере еще неизученных богатств. Таким музеем, первым в Союзе и единственным в мире, является открытый в Ленинграде Музей Арктики.

„Благодарю создателей музея за талантливую работу, — сказал, открывая музей, академик Отто Юльевич Шмидт. — Арктический музей является отчетом о нашей работе, показом того, во что превращается Север, когда за него берутся большевики“.

И вот перед посетителем музея разворачивается этот грандиозный отчет.

Огромная электрифицированная карта Советской Арктики занимает весь простенок. Поворот рубильника — и зажигаются шесть красных лампочек: столько полярных станций было в первые годы борьбы за освоение Советского Севера — остров Диксона, остров Врангеля, Новая Земля и др.

Следующая очередь — вспыхивают зеленые лампочки — полярные станции первой пятилетки. Их уже двадцать три. Лампочки горят на островах и материке, в местах строящихся будущих промышленных центров Заполярья, на открытых советскими мореплавателями архипелагах, в устьях сибирских рек, на перекрестках морских дорог, где встречаются десятки советских и иностранных кораблей.

На карте отображена вторая пятилетка. Весь Север освещен огнями. Зрители видят проложенные советскими летчиками воздушные трассы от центров страны к берегам Ледовитого океана, маршруты

сквозных рейсов Мурманск — Владивосток и дрейф „Челюскина“, видят огромное количество светящихся точек: это заполярные порты и консервные заводы, будущие и уже действующие рудники, оленеводческие совхозы, культбазы...

Хорошо исполненная художником С. Л. Гольдиным и осветителем В. Р. Андерсоном карта оставляет яркое впечатление о размахе строительства, осуществляемого в Арктике.

Экспонаты первого этажа музея посвящены Северному морскому пути, природе Арктики и технике, при помощи которой побеждают большевики: от самолета, на котором Бабушкин летал из лагеря Шмидта на Ванкарем, до сложных гидрологических приборов, выпускаемых Арктическим институтом, и макетов вездеходов и аэросаней.

Здесь же небольшой исторический отдел, в котором нашли отражение экспедиции Русанова, Амундсена, Седова, Норденшельда и др. Тут же — экспонаты, посвященные древним путешественникам в полярные страны.

Коллекции второго этажа отображают богатства арктических недр, в которых заключены все элементы таблицы Менделеева. Здесь глыбы каменного угля с Воркуты и из Баренцбурга, бутылка ухтинской нефти, асбест с Маточкина Шара, флюорит Амдермы, нордвикская соль... К сожалению, недостаток места не позволяет разместить эти интересные геологические коллекции более просторно.

Центральное место в отделе Советской Арктики занимает человек. Студенты единственного в мире Института народов Севера Главсевморпути, представители власти — председатели национальных исполкомов и советов из коренных народностей Севера — здесь отражены те колоссальные изменения, которые произошли в жизни северных народов, в их экономике и культуре.

Каждый экспонат здесь впечатляет и волнует. Вот заседание Чукотского краевого совета — макет художника Башинского. У юрты сидят на поваленных нар-

тах депутаты-чукчи и решают государственные дела...

На другом стенде фотографии: ребенок в эскимосской школе, мансийская и ненецкая школы. Под стеклом лежат газеты, выходящие в таких далеких углах, где никогда не бывало печатного слова. Привлекает внимание диаграмма выпуска литературы на северных языках: количество названий в 1931 году — 2, в 1935 — 97. Тираж за это время вырос с 8000 до 206 000.

На отдельной витрине лежат письма эскимосов с острова Врангеля бывшему начальнику острова, теперь директору Института народов Севера А. И. Минееву. Старый полярник не потерял связи со своими товарищами. Десяток тысяч километров не прервал дружбы, которая зародилась между лучшими людьми отдаленного острова и уехавшим в центр большевиком.

В отдельной галерее помещены образцы художественного творчества северян, преимущественно студентов Института народов Севера. Здесь главным образом скульптура, резьба по кости и по дереву, панно.

Каждый день сотни посетителей медленно проходят по тесно заставленным залам музея, подолгу останавливаясь у витрин. Огромная работа Главсевморпути проходит перед вдумчивым посетителем музея.

Тетради отзывов и пожеланий полны восторженными и критическими записями полярников, студентов, рабочих, красноармейцев.

Почетный академик Ю. М. Шокальский пишет:

„В чем была задача музея? Надо было представить картину полярной области и ее жизни так, чтобы люди, там не бывавшие, поняли эту обширную область нашей родины и притом поняли правильно... Надо по-правде сказать, что задача эта выполнена хорошо. В исполнении каждого выставленного предмета видна забота сделать его как можно лучше. Общие впечатления о музее — очень хорошие, и главное — виден глубокий интерес к делу самих устроителей“.

Рядом пишут приезжие школьники:

„Мы, ученики старших классов 15-й харьковской школы, осмотрев музей, получили много полезного и еще больше полюбили Арктику. О нашем музее мы расскажем у себя в школе, в Харькове“.

Академик и школьники говорят об одном: побывав в музее, люди, никогда не бывавшие в Арктике, получают правильное представление об этой огромной области нашей страны — прежней пустыне, расцветающей сейчас новой жизнью.

В. К. ЖАРОВ

ПАСТЬ И КАПКАН

За последнее время на страницах нашей печати довольно часто разбирается вопрос о месте и назначении в технике добычи песка пасти и капкана. При этом нередко можно встретить суждения о немедленной замене пасти капканом, как более, якобы, рациональным орудием добычи.

Рассмотрим качества данных орудий охотпромысла в условиях применения их в Авамском и Хатагском районах Таймыра, дающих более 50% заготовок песка в округе.

Пасть. Основа действия пасти — гнет (тяжесть), давящий зверя, как только последний, привлеченный приманкой, тронет насторожку. Гнет бьет зверя, придавливая его к полу и прикрывает сверху.

Материалом для постройки пастей служит лиственница, значительно реже — плавник (тоже лиственницы). Заброска строительного материала в отдаленные от леса места тундры (50—150 и более километров) представляет значительные трудности, особенно для малооленных хозяйств, но долгий срок службы пастей компенсирует трудоемкость их постройки.

Пасти устанавливаются на возвышенностях (склоны сопков, яры и т. д.), спе-

циально устраиваемых земляных курганах — в местах, наиболее часто посещаемых песцами. По характеру установки пасть не может потеряться, видна издали, чем привлекает любопытство песка, а для охотника служит своеобразным знаком при высмотре пастей.

Наличие пастей, расставляемых в значительном количестве, позволяет осваивать охотничьим промыслом громадные площади охотугодий, что особенно важно при малом количестве населения района и относительно невысокой плотности песцового поголовья.

Все условия пушного промысла в тундре (отдаленность охотугодий от мест зимних стоянок, частые и продолжительные пурги и т. д.) диктовали выработку самолета типа пасти. Кроме того пасть лучше других орудий промысла сохраняет попавшегося песка от порчи различными хищниками.

Благодаря всем этим преимуществам пасти, данный тип специализированного орудия охотпромысла сохранился до наших дней в числе других орудий, выработанных производственным опытом промыслового хозяйства. Отметим также, что пасть в настоящее время является основным орудием добычи песка в указанных районах.

Отрицательные свойства, присущие пасти, могут и должны быть устранены соответствующими техническими усовершенствованиями и проведением ряда организационных мероприятий, например, учением высмотра пасти. В значительной мере недостатки пасти происходят от ее нерационального использования.

Для того чтобы провести конструктивные улучшения пасти, необходимо изучить и заимствовать опыт отдельных промышленников, которые своими рационализаторскими приемами устраняют порчу шкурки песка (гнет, полностью прикрывающий попавшегося песка, тщательная очистка гнета от сучков и коры, помещение на пол нескольких палочек, устраняющих примерзание песка к полу пасти, и т. д.).

Опыт подобных рационализаторов нужно выявить. В этом отношении нужно брать пример с Якутской АССР. В тундровой полосе этой республики, граничащей с Таймырским национальным округом, пасть широко применяется и пользуется особым вниманием. В частности здесь уже выработано несколько типов улучшенной пасти, успешно применяемых в охотхозяйствах.

Биологические пункты должны обеспечить всестороннее изучение местной пасти для разработки конструктивных улучшений и установления норм по рациональному ее использованию (сроки высмотров, нормы нагрузки на охотника и на площадь охотугодий и т. д.).

Конечно, проведение только технического усовершенствования самой пасти недостаточно. Необходимо провести также и соответствующие организационные мероприятия. Прежде всего нужно увеличить количество высмотров пастей и в первую очередь в районах деятельности иганасанских кочевников (в настоящее время здесь высмотр редкий — 2—3 раза в сезон).

При проведении массово-разъяснительной работы среди населения, подкрепленной организационно-техническими мероприятиями со стороны торгово-заготовительных организаций (бригадный метод промысла, приближение бригад к песцовым угодьям, разброска „балков“ или „получумков“, заменяющих промысловые избушки, и т. д.) будет реальная возможность значительно увеличить высмотр пастей (например, в иганасанских кочевниках и многих других).

Нужно еще указать на необходимость увеличения ассортимента наживок для пасти, выбор которых в практике промысла совершенно не достаточен (введение пахучих приманок и т. д.).

Таким образом пасть имеет ряд преимуществ даже при существующих ее недостатках, которые вполне устранимы.

Капкан. В районах в основном применяется капкан кустарной работы (производство красноярских мастерских). Главные конструктивные недостатки капкана: дуги его не всегда хорошо примыкают друг к другу, часто ломаются и нередко перегибают лапу зверя.¹ Кроме того, дуги капкана недостаточно хорошо скользят в отверстиях пружины, чем нарушается правильность спуска. Части капкана не шлифуются, в силу этого ржавеют: сокращается срок службы.

По своим техническим качествам капкан требует частого высмота: через 2—3 дня. В противном случае его забивает снегом или, наоборот, выдувает пургой снеговую маскировку, обнажая сам капкан, в силу чего применение капкана ограничивается охотогодиями, прилегающими к местам стоянок оленеводов-кочевников.

Весьма важный недостаток капкана заключается в том, что попавшийся песец целиком доступен хищникам, в первую очередь песцам же (в теплую погоду он остается долго живым и своим криком привлекает сорочичей, которые разрывают его на части). Такие случаи наиболее часты в годы „урожая“ песка.

Следовательно, капкан как самодовольно является таким совершенным орудием промысла, которое могло бы заменить и совершенно вытеснить пасть. Но несомненно, в пушном промысле и капкан как орудие, подсобное к основному средству добычи песка — пасти, должен сыграть немаловажную роль при условии устранения конструктивных недостатков. Капкан нужно внедрять в практику промысла (например, вблизи стойбищ), но заменять им повсеместно основную ловушку — пасть, незаменимую в открытой тундре, — хозяйственно нецелесообразно.²

От редакции

Наряду с применением пасти и капкана актуальное значение приобретает также и применение ловушек-кормушек, являющихся рациональным орудием добычи песка в ряде районов песцового промысла. В 1936 году Пушно-промысловым отделом Главсевморпути введены в эксплуатацию 85 ловушек-кормушек: на Новой Земле, Ямале, Таймыре, Якутском побережье и Чукотке.

¹ За этот дефект при приемке шкурки на заготовку делается скидка 5%.

² Вопрос внедрения ловушки-кормушки в практику местного охотпромысла, в силу специфичности их применения, мной не разбирается.

МАРТ

1934

Челюскинская эпопея вошла в историю освоения Арктики как самое выдающееся событие, в котором мужество и героизм людей не превзойдены.

„Челюскин“ — на дне Чукотского моря. Челюскинцы — на льдине. Не сдадимся — вот содержание этой героической борьбы челюскинцев во главе с О. Ю. Шмидтом, оказавшихся в опасности.

Ледовый лагерь Шмидта своим героизмом еще раз показал всему миру, на что способны советские люди, воспитанные великой партией большевиков.

Героический коллектив челюскинцев до конца выдержал тяжелое испытание. Достойные сыны нашей родины, люди лагеря Шмидта олицетворили, несокрушимую силу нашей страны — силу, равной которой нет в мире.

Партийный коллектив лагеря Шмидта своей повседневной воспитательной партийной работой, выдержанной, крепкой, стальной дисциплиной показал образец авангардной роли коммунистов. „Отныне каждый жест коммуниста, — говорил Отто Юльевич на заседании бюро ячейки ВКП(б), — каждое его движение, каждое его слово — в любом разговоре с беспартийными товарищами: в минуты отдыха, в часы работы, за чаепитием в палатке, в случайной беседе на ходу — должны быть непрерывной политической работой“. И действительно, крепко спаянный партийный коллектив сыграл решающую роль в сохранении жизни всех челюскинцев.

„Трудности нас не страшат, — так отвечали челюскинцы в лице О. Ю. Шмидта в своем письме ЦК ВКП(б) — товарищам Сталину, Молотову, Ворошилову, Куйбышеву, Орджоникидзе, Кагановичу: — ... С непередаваемым восторгом экспедиционный состав и экипаж „Челюскина“ заслушали приветствие руководителей ЦК ВКП(б) и правительства. Мы уверяем вас, дорогие товарищи, и особенно нашего любимого вождя и учителя тов. Сталина, что никакие трудности нас не сломят и не остановят нашей работы по окончательному освоению Северного

морского пути, выдвинутому по инициативе тов. Сталина как большая срочная задача.

В лагере челюскинцев на льду не ослабла энергия. Мы знаем, что наше спасение организуется с истинно большевистскими энергией и размахом, мы спокойны за свою судьбу, но мы не сидим без дела. Насколько возможно, продолжают научные работы, упорно строим и улучшаем наш лагерь, чтобы пребывание на льду было достойно советской экспедиции. Свободное время, как и на „Челюскине“, отдаем учебе, повышению квалификации...“

Наступил м а р т. Лагерь Шмидта с большевистским упорством продолжал бороться с опасностью.

Жизнь челюскинцев действительно была полна героики, „достойной советской экспедиции“.

1 м а р т а. 33 градуса мороза. Пятибалльный ветер. Площадку лагеря пересекала новая трещина.

2 м а р т а. Выпущен второй номер газеты „Не сдадимся“. Коллектив челюскинцев продолжает жить напряженной жизнью, в условиях серьезной опасности, но спокойный за свою судьбу.

В Уэлене готовился самолет к полету на льдину. Но ни 3, ни 4 марта самолет не полетел. Мешала погода. Челюскинцы уже 19 суток на льду.

5 м а р т а — радостный день. Командир самолета „АНТ-4“ летчик Ляпидевский сделал первый полет к лагерю Шмидта. Об этом он передал по радио:

„5 марта в 23 часа 35 минут по московскому времени я, летчик-наблюдатель Петров и бортмеханик Руковский вылетели на самолете с Уэленского аэродрома... Сел благополучно. После обсуждения со Шмидтом решаю на первый раз взять десять женщин и двух детей, а также аккумуляторы для зарядки. Делаем посадку женщин и детей в самолет. Прогреваем моторы. Затем беру старт — и самолет взмывает над ропаками. Курс на Уэлен. Вот опять Уэленский аэродром. Посадку делаем благополучно... В лагере Шмидта — образцовый порядок и дисциплина. Никакой паники и уныния“.

В этот день в Уэлен прилетели на самолете первые челюскинцы: Карина Васильева, Алла Буйко, Д. Васильева, Л. Буйко, З. Рыцк, метеоролог О. Комова, гидротехник П. Лобза, ихтиолог А. Сушкина, уборщицы Т. Милославская, А. Горская, А. Рудас и Е. Буркова. Вывезено 12 человек. В лагере остальные челюскинцы ожидали новых полетов.

После удачного полета летчика Ляпидевского в лагере Шмидта энергично готовились к эвакуации, восстанавливались старые и готовились новые аэродромы. Проводилась учеба, не прекращалась научно-исследовательская работа, слушалась информация о жизни на материке. Челюскинцы стали ежедневно получать специальную для лагеря Шмидта сводку ТАСС о международных и внутренних событиях, о ходе мероприятий партии и правительства по спасению челюскинцев.

Все ближе и ближе к лагерю Шмидта стягиваются посланцы родины — наши поллярные летчики.

Вся страна принимает участие в спасении своих славных сынов, отдавших изучению Советской Арктики все свои знания и силы.

В условиях труднейших испытаний прошел март. Приближался апрель — шел пятый десяток дней со времени гибели „Челюскина“, пока наконец радио не оповестило весь мир о новых героических полетах советских летчиков.

Летчики Бабушкин и Каманин, затем Молоков и Слепнев, Водопьянов и Доронин со свойственным советским летчикам мужеством один за другим, преодолевая суровую природу Арктики, вылетали из Уэлена к лагерю Шмидта и обратно со спасенными челюскинцами.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1937 ГОД

на ежемесячный политико-экономический иллюстрированный журнал,
орган Главного управления Северного морского пути при СНК СССР
и Политуправления ГУСМП

Советская Арктика

Подписная плата: на год — 18 руб., на 6 месяцев — 9 руб.

Цена отдельного номера 1 р. 50 к.

Имеются в ограниченном количестве комплекты журнала „Советская Арктика“:
за 1935 год — 5 номеров, цена 7 р. 50 к.; за 1936 год — 12 номеров, цена 18 руб.

Подписку и деньги направляйте по адресу:

Ленинград, Просп. 25 Октября, 7/9

Сектору распространения Издательства Главсевморпути

Редакционная коллегия:

Г. А. Ушаков (ответственный редактор)

А. А. Догмаров

М. Н. Бочачер (зам. ответственного редактора)

Адрес редакции:

Москва, улица Горького, 5. Тел. 4-35-95

Технический редактор Ю. А. Таубер

Сдано в набор 17 января 1937 г.

Бум. 70×108 см. 7 печ. л.

Уполн. Главлита № Б-5392.

3½ бум. л.

Зак. 199

Подписано к печати 15 февраля 1937 г.

10½ авт. л.

Изд. № 15

120 000 тир. экз. в бум. л.

Тираж 10 000 экз.

Цена 1 руб. 50 к.